

А.Б. Баумштейн

**СТЕПЕНИ ВИНОВНОСТИ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

Монография

Москва

2026

УДК 343.222.1

ББК 67.408.01

Б 29

Автор: Баумштейн Антон Борисович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО Юго-Западного государственного университета «ЮЗГУ»

Рецензенты:

Букалерева Людмила Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и права ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ».

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО Юго-Западного государственного университета «ЮЗГУ»;

Баумштейн А.Б.

Б 29 Степени виновности в российском уголовном праве: проблемы

теории, законодательства и судебной практики: монография / А. Б.

Баумштейн. – Москва. 2026. – 198 с.

ISBN 978-5-6043097-3-5

В монографии исследуется категория степеней виновности в российском уголовном праве как теоретическая, законодательная и правоприменительная проблема. Раскрываются доктринальные подходы к пониманию вины, её форм, видов и степени выраженности, анализируется соотношение умысла, неосторожности, мотива, цели, эмоционального состояния, степени осознания общественной опасности деяния и предвидения его последствий. Особое внимание уделяется значению степени вины и степеней виновности для квалификации содеянного, разграничения смежных составов преступлений, законодательной дифференциации ответственности, индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Рассматриваются проблемные аспекты законодательного закрепления вины, неоднородность судебной практики и риски формального установления субъективной стороны преступления. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства и методические рекомендации, направленные на более точное установление, оценку и мотивировку выводов о степени виновности в правоприменительной деятельности.

Для судей, прокуроров, следователей и адвокатов, а также научных и практических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов юридических вузов.

УДК 343.222.1

ББК 67.408.01

ISBN 978-5-6043097-3-5

© Баумштейн А.Б. 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Раздел I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕНИЯ О СТЕПЕНЯХ ВИНОВНОСТИ.....	15
Глава 1. Генезис и современное состояние учения о вине и степени вины в уголовном праве	15
§ 1. Вина и виновность в дореволюционной уголовно-правовой мысли	15
§ 2. Советская теория вины: достижения и пределы.....	20
§ 3. Современное состояние российской доктрины	26
Глава 2. Понятие, природа и место степени вины в системе уголовно- правовых категорий	36
§ 1. Понятие вины как исходной категории	36
§ 2. Понятие степени вины	41
§ 3. Соотношение категорий: вина, виновность, степень вины, степени виновности	47
§ 4. Степень вины и общественная опасность	51
§ 5. Степень вины и принцип справедливости	55
Раздел II. КРИТЕРИИ И СИСТЕМА СТЕПЕНЕЙ ВИНОВНОСТИ	61
Глава 3. Критерии определения степени вины	61
§ 1. Интеллектуальный критерий	61
§ 2. Волевой критерий	65
§ 3. Мотивационно-целевой критерий	69
§ 4. Эмоционально-ситуативный критерий	73
§ 5. Личностно-ролевой критерий	76
§ 6. Отражение объективных обстоятельств в сознании субъекта.....	81
§ 7. Недопустимые критерии	84
Глава 4. Градуированная система виновности: уровни, модели и переходные зоны	91
§ 1. Недостаточность традиционной бинарной модели	91
§ 2. Степени виновности в умышленных преступлениях	99
§ 3. Степени виновности в неосторожных преступлениях	108
§ 4. Пограничные зоны между косвенным умыслом и грубой неосторожностью	115
§ 5. Двойная форма вины и сложные конструкции субъективной стороны	122
§ 6. Универсальная модель степеней виновности	128

Раздел III. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СТЕПЕНЕЙ ВИНОВНОСТИ	141
Глава 5. Степени виновности и законодательная дифференциация уголовной ответственности	141
§ 1. Степень виновности как фактор криминализации и пенализации	141
§ 2. Степени виновности и конструирование составов преступлений ...	144
§ 3. Степени виновности и квалификация преступлений	147
§ 4. Степени виновности в отдельных группах преступлений	149
§ 5. Законодательные дефекты и пути их устранения	153
Глава 6. Степени виновности и индивидуализация уголовной ответственности	156
§ 1. Значение степени виновности при назначении наказания	156
§ 2. Степени виновности и общие начала назначения наказания	159
§ 3. Степени виновности и освобождение от уголовной ответственности или наказания	162
§ 4. Степени виновности и иные меры уголовно-правового характера ..	164
§ 5. Отражение степени виновности в судебном акте	167
§ 6. Ошибки судебной практики при оценке степени виновности	168
Глава 7. Перспективная модель развития уголовного закона и правоприменения	171
§ 1. Нуждается ли Общая часть УК РФ в закреплении категории степени вины	171
§ 2. Возможные модели законодательного решения	174
§ 3. Предложения по толкованию и судебной практике	177
§ 4. Значение разработанной концепции для дальнейшего развития Общей части	180
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	185
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	190

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика вины по праву относится к числу опорных тем уголовно-правовой науки. Через категорию вины раскрывается субъективное основание привлечения к уголовной ответственности, определяются пределы уголовно-правового вменения, проводится разграничение преступного и не преступного причинения вреда. Именно поэтому любые изменения в понимании вины неизбежно затрагивают не только учение о субъективной стороне преступления, но и всю систему уголовного права в целом — от квалификации деяния до индивидуализации ответственности и наказания.

Вместе с тем современное состояние законодательства, доктрины и судебной практики показывает, что традиционного деления вины на умысел и неосторожность уже недостаточно для полного описания всех юридически значимых различий в психическом отношении лица к совершенному деянию и его последствиям. Традиционное деление вины на умысел и неосторожность сохраняет фундаментальное значение, однако в ее пределах скрыто многообразие вариантов виновного поведения, которые заметно различаются по глубине осознания, характеру предвидения, интенсивности волевого отношения, мотивационной насыщенности, роли ситуации, профессионального статуса лица и степени отклонения от требуемого стандарта поведения. Игнорирование этих различий ведет к огрублению уголовно-правовой оценки и к ослаблению самой идеи субъективного вменения.

Именно в этой связи обращение к категории степеней виновности приобретает не частный, а концептуальный характер. Речь идет не о второстепенном уточнении внутри уже известного учения о вине, а о попытке выстроить более точную модель уголовно-правовой оценки, позволяющую объяснить, почему деяния, близкие по внешним признакам или даже совпадающие по наступившим последствиям, могут

существенно различаться по степени выраженности виновного отношения лица к содеянному. Уголовное право фактически уже реагирует на эти различия — при конструировании составов преступлений, построении санкций, разграничении привилегированных и квалифицированных составов, назначении наказания и мотивировке судебных решений. Однако эта реакция до сих пор не обеспечена цельной общей теорией.

В настоящем исследовании проводится принципиальное различие между степенью вины и степенью виновности. Степень вины выражает количественную характеристику виновного психического отношения лица к содеянному в пределах конкретной формы вины — умысла или неосторожности. Она показывает, насколько глубоко, интенсивно и определенно выражено виновное отношение лица к деянию и его последствиям. Степень виновности, в свою очередь, представляет собой более широкую уголовно-правовую категорию, отражающую итоговую меру субъективного вменения лицу совершенного деяния с учетом степени вины, формы и вида вины, мотива, цели, характера осознания риска, эмоционально-ситуативных факторов, специальной обязанности и ролевого вклада субъекта. Поэтому степень вины выступает внутренним элементом степени виновности, тогда как степени виновности образуют систему уровней уголовно-правовой оценки виновного поведения.

Проблема степеней виновности имеет одновременно теоретическое и прикладное значение. Она связана с точностью квалификации, справедливостью наказания, пределами судебного усмотрения, качеством законодательной техники и устойчивостью принципа субъективного вменения. Пока внутренние различия в пределах одной и той же формы вины остаются недостаточно разработанными, сохраняется опасность подмены анализа субъективной стороны ссылкой преимущественно на тяжесть последствий, общественный резонанс содеянного или общую отрицательную характеристику личности виновного. Тем самым

формальное требование вины может соблюдаться, но реальная мера субъективного упрека оказывается раскрытой неполно.

Как ранее было сказано, в настоящем исследовании степень вины понимается как количественная характеристика субъективной стороны состава преступления, тогда как степени виновности рассматриваются как более широкая системная уголовно-правовая конструкция, отражающая различные уровни итоговой оценки психического отношения лица к деянию и его последствиям. Такое различие имеет принципиальное значение. Оно позволяет, с одной стороны, не смешивать степень вины с формами и видами вины, а с другой — не сводить рассматриваемую проблему только к вопросам назначения наказания. Тем самым исследование исходит из того, что степень вины является юридически значимым параметром субъективной стороны, а степени виновности образуют систему градаций, способную работать на уровне общей теории, законодательного регулирования и судебной практики.

Актуальность темы обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, в отечественном уголовном праве до настоящего времени не сложилось целостного учения о степенях виновности как о самостоятельной системной категории Общей части. Законодательство и правоприменение фактически оперируют скрытыми градациями виновности, однако эти градации обычно не получают достаточного теоретического оформления. Различия внутри умысла и неосторожности описываются либо через формы и виды вины, либо через институт назначения наказания, либо через общие положения о субъективном вменении. В результате возникает методологический разрыв между реальными потребностями уголовно-правовой оценки и недостаточной разработанностью понятийного аппарата.

Во-вторых, в современной доктрине накоплен значительный материал по вопросам вины, форм вины, неосторожности, субъективного вменения, двойной формы вины, квалификации преступлений по

субъективным признакам и индивидуализации наказания. Однако специального современного монографического исследования, в котором степени виновности были бы последовательно разработаны как самостоятельная уголовно-правовая система в единстве теории, законодательства и судебной практики, фактически не сложилось. Иначе говоря, исходные элементы для постановки проблемы уже существуют, но их системное соединение до сих пор остается незавершенным.

В-третьих, актуальность темы непосредственно связана с практическими потребностями законодательства и правоприменения. Чем сложнее становятся формы преступного поведения, чем заметнее роль профессионального риска, организационного фактора, специальных обязанностей и распределенного причинения вреда, тем очевиднее недостаточность упрощенной бинарной схемы. Для уголовного права важно установить не только то, действовало ли лицо умышленно либо неосторожно, но и то, какова была реальная мера его интеллектуальной определенности, волевой устойчивости, мотивационной насыщенности, ролевого вклада и отклонения от должного поведения.

В-четвертых, исследование степени виновности имеет непосредственное значение для обеспечения справедливости уголовной ответственности. Без внутренней дифференциации виновности одинаковая санкционная реакция на деяния, существенно различающиеся по степени виновного отношения лица к содеянному, начинает выглядеть формально равной, но материально несправедливой. Следовательно, разработка учения о степенях виновности призвана укрепить связь между принципом вины и принципом справедливости.

Степень научной разработанности темы позволяет выделить несколько основных направлений исследований.

Первое направление образуют классические труды дореволюционной уголовно-правовой науки, в которых были заложены базовые представления о виновности, вине, волевом отношении лица к

совершаемому и связи внутреннего отношения с основанием ответственности. Хотя дореволюционная литература еще не выработала степеней виновности как самостоятельной категории Общей части, именно в ней были сформированы исходные предпосылки для последующего разграничения формы вины, содержания вины и личной виновности.

Второе направление составляют исследования советского периода, в рамках которых учение о вине получило наиболее системное развитие. В этих работах вина была глубоко исследована как обязательный признак состава преступления и как общее основание уголовной ответственности. Вместе с тем степень вины, хотя и признавалась значимой, преимущественно связывалась с назначением наказания и не была доведена до уровня самостоятельной системообразующей категории Общей части.

Третье направление охватывает труды, посвященные формам вины, видам умысла и неосторожности, субъективной стороне преступления и квалификации по субъективным признакам. Эти исследования принципиально важны для настоящего исследования, поскольку они показывают, что форма вины сама по себе не исчерпывает всей субъективной характеристики преступления. Однако и здесь степень виновности, как правило, не выводится на уровень самостоятельной общей теории, а рассматривается через иные институты уголовного права.

Четвертое направление составляют исследования, посвященные неосторожной вине, субъективному вменению, двойной форме вины, ошибке, разграничению умышленных и неосторожных преступлений, а также вопросам индивидуализации наказания. В этих работах накоплен богатый материал для анализа внутренних различий в пределах одной формы вины, но сами такие различия обычно остаются фрагментарными и не соединяются в целостную систему.

Пятое направление образуют новейшие исследования, прямо использующие категорию степени вины. Современная литература уже вполне отчетливо признает количественную сторону вины и возможность ее градации. Однако большинство таких исследований не переходит к построению целостного учения о степенях виновности как о самостоятельной системе уровней субъективной стороны состава преступления.

Таким образом, анализ степени научной разработанности темы позволяет сделать два взаимосвязанных вывода. С одной стороны, отечественная уголовно-правовая наука накопила значительный теоретический материал, позволяющий поставить вопрос о внутренней градации виновности. С другой стороны, целостная уголовно-правовая концепция степеней виновности как самостоятельной системной категории Общей части до настоящего времени не получила завершеного монографического выражения. Именно это обстоятельство определяет научную новизну настоящего исследования.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с уголовно-правовой оценкой психического отношения лица к деянию и его последствиям, а также в связи с законодательной и судебной дифференциацией уголовной ответственности по признаку вины.

Предмет исследования составляют положения уголовного законодательства, нормы и институты Общей и Особенной частей уголовного права, доктринальные подходы к пониманию вины, виновности, степени вины, степеней виновности и субъективного вменения, материалы судебной практики, а также научные и прикладные модели разграничения уровней субъективной стороны.

Цель исследования заключается в разработке целостной уголовно-правовой концепции степеней виновности как системной категории Общей части уголовного права, включая выявление критериев их

градации и определение их значения для уголовно-правовой теории, законодательной дифференциации ответственности и судебной практики.

Для достижения указанной цели в работе решаются следующие задачи:

- исследовать генезис учения о вине и виновности в отечественной уголовно-правовой науке;
- проанализировать существующие подходы к категориям степени вины и степеней виновности;
- определить соотношение понятий «вина», «виновность», «степень вины» и «степени виновности»;
- обосновать, что формы вины являются лишь первым уровнем классификации субъективной стороны преступления;
- выявить критерии внутренней градации виновности в пределах умысла и неосторожности;
- разработать универсальную систему степеней виновности;
- определить значение степеней виновности для квалификации преступлений, законодательной дифференциации уголовной ответственности, индивидуализации наказания, освобождения от уголовной ответственности либо наказания и иных мер уголовно-правового характера;
- сформулировать предложения по развитию законодательства, судебного толкования и практики мотивировки выводов о степени виновности.

Методологическую основу исследования составляют диалектический, формально-юридический, системно-структурный, историко-правовой, сравнительно-правовой и логико-догматический

методы. Существенное значение имеет анализ судебной практики, позволяющий установить, каким образом различная интенсивность виновности лица фактически учитывается судами при разрешении уголовных дел.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем степень виновности рассматривается не как факультативное дополнение к институту наказания или к субъективной стороне состава преступления, а как самостоятельная системная категория Общей части уголовного права. В работе последовательно проводится различие между формой вины, фиксирующей базовый тип психического отношения лица к содеянному, степенью вины как количественной характеристикой выраженности виновного отношения, и степенями виновности как более широкой системой уровней уголовно-правового упрека. Мы исходим из того, что внутри как умысла, так и неосторожности существуют различные уровни виновности, имеющие значение для квалификации, законодательной техники, индивидуализации ответственности и судебной мотивировки.

Особое место в работе занимает разработка универсальной пятиуровневой модели: минимальная, сниженная, типичная, повышенная и максимальная степень виновности. Эта модель позволяет систематизировать различия внутри известных форм вины без искусственного конструирования новых законодательных разновидностей и без разрушения классической конструкции умысла и неосторожности. Ее достоинство состоит в соединении теоретической гибкости с практической применимостью.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии отечественного учения о вине, виновности и субъективной стороне преступления. Исследование показывает, что традиционная теория вины нуждается не в пересмотре своих основ, а в дальнейшем внутреннем усложнении и уточнении. Учение о степенях виновности позволяет по-

новому осмыслить соотношение формы и степени вины, границы субъективного вменения, внутреннюю структуру умысла и неосторожности, а также место субъективной стороны в системе Общей части уголовного права.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее выводы могут быть использованы при совершенствовании законодательства, подготовке судебных разъяснений, развитии стандартов мотивировки судебного акта, а также в деятельности следователя, прокурора, суда и защитника при оценке субъективной стороны преступления. Разработка критериев степеней виновности способна повысить точность квалификации, сделать более обоснованной индивидуализацию ответственности и наказания, а также сократить риск объективистского подхода в правоприменении.

Структура работы предопределена логикой исследования. Она выстроена в трех взаимосвязанных измерениях: в плоскости уголовно-правовой теории, в аспекте законодательного регулирования и в сфере судебной практики. В первой части раскрываются генезис и теоретические основания учения о степени вины и степенях виновности, во второй формируется градуированная система виновности и выявляются критерии ее внутренней дифференциации, в третьей определяется уголовно-правовое значение разработанной концепции для законодательной дифференциации ответственности, индивидуализации наказания и перспектив дальнейшего развития уголовного закона и правоприменения.

Концептуальный замысел данного исследования состоит в обосновании нескольких взаимосвязанных положений: формы вины не исчерпывают всего содержания субъективной характеристики преступления; степень вины выступает самостоятельной количественной характеристикой интенсивности виновного отношения лица к содеянному; степени виновности образуют более широкую системную

уголовно-правовую конструкцию; внутри умысла и неосторожности существуют различные уровни виновности; эти уровни должны учитываться законодателем и судом; их разработка повышает точность квалификации содеянного и справедливость назначения наказания; признание степеней виновности снижает риск объективного вменения и усиливает гарантии реализации принципа субъективного вменения. Тем самым настоящее исследование ориентировано не на повторение классического учения о вине, а на его дальнейшее развитие применительно к современным задачам уголовного права. Учение о степенях виновности рассматривается нами как одно из наиболее перспективных направлений развития современной российской уголовно-правовой науки, способное соединить теоретическую точность, законодательную определенность и более высокий уровень справедливости в судебной практике.

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕНИЯ О СТЕПЕНЯХ ВИНОВНОСТИ

Глава 1. Генезис и современное состояние учения о вине и степени вины в уголовном праве

§ 1. Вина и виновность в дореволюционной уголовно-правовой мысли

Дореволюционная российская уголовно-правовая мысль не выработала завершённого учения о степенях виновности в том значении, которое вкладывается в данную категорию в настоящем исследовании. Однако именно в дореволюционный период были заложены исходные теоретические конструкции, без которых современная постановка вопроса о степени виновности была бы невозможна. Уже тогда русская уголовно-правовая наука стремилась объяснить не только внешнюю сторону преступного деяния, но и внутренние условия его вменения, психологическое содержание преступного поведения, пределы личной ответственности, а также степень выраженности виновного отношения лица к содеянному.

Для дореволюционной науки характерно то, что вопрос о вине первоначально рассматривался в теснейшей связи с проблемой вменения. Это хорошо видно у Н.Д. Сергиевского, который писал, что «область вменения образуется совокупностью всех тех деяний, при совершении которых лицо, обладающее вообще способностью ко вменению, действительно понимало свойства совершаемого, действительно предусматривало или предвидело последствия, действительно сознавало запрещение закона и действительно имело возможность принять это запрещение в руководство своей деятельности. Совокупность этих

условий носит название «субъективной виновности».¹ В приведённой формуле уже содержатся несколько важных для последующей доктрины положений. Во-первых, виновность связывается не просто с наступившим результатом, а с внутренними условиями уголовно-правового вменения. Во-вторых, термин «субъективная виновность» употребляется как категория, охватывающая совокупность интеллектуальных и волевых предпосылок ответственности. В-третьих, здесь ещё не проводится строгое разграничение между виной и виновностью в современном аналитическом значении, но уже намечается возможность такого разграничения.

Преобладающим направлением в дореволюционной науке было психологическое понимание вины. В центре внимания находилось внутреннее отношение лица к деянию и его последствиям, связь преступления с волей субъекта, а также особенности сознания и предвидения. Н.С. Таганцев прямо подчёркивал: «Вменение лицу преступного деяния означает признание лица не только учинившим это деяние, но и виновным в этом деянии, а потому уголовно-ответственным; без вины нет ответственности и вменения»². В этой формуле выражено принципиальное для русской классической школы положение: уголовная ответственность допустима лишь как ответственность за виновно совершённое деяние. Тем самым уже в дореволюционной доктрине была отчётливо выражена идея субъективного вменения, хотя её дальнейшая разработка велась преимущественно через анализ форм вины, а не через построение общей системы степеней виновности.

Психологическая трактовка вины особенно ясно просматривается у С.В. Познышева. Он определял вину следующим образом: «Под виною в

---

¹ Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая: пособие к лекциям / Н.Д. Сергиевский. — Санкт-Петербург : А.Ф. Цинзерлинг, 1887. С. 251.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции : в 2 т. Т. 1 / Н.С. Таганцев. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1902. С. 338.

уголовном праве следует разуметь проявленное субъектом такое настроение, при котором он действует преступным образом, сознавая или, по крайней мере, имея возможность сознавать преступный характер своего поведения и находясь в таких обстоятельствах, что мог бы от данного поведения удержаться, если бы у него не были недоразвиты противодействующие последнему чувствования и представления»¹. Это определение примечательно тем, что вина раскрывается через внутреннее состояние личности, через настроение, обуславливающее преступный образ действий. Тем не менее уже здесь заметен и оценочный элемент: речь идёт не только о фактическом психическом отношении, но и о способности лица удержаться от преступного поведения.

Поэтому сводить дореволюционную доктрину исключительно к чистой психологической теории было бы неточно. Уже на рубеже XIX–XX вв. в ней отчётливо проявляются нормативные, или, точнее, оценочно-юридические, элементы. Тот же С.В. Познышев отмечал, что законодателю нет нужды давать общее определение виновности в законе, но в науке общая идея вины должна быть выработана и должна служить руководящей нитью при обрисовке отдельных видов виновности и установлении их пределов.² Эта мысль имеет принципиальное значение. Она показывает, что вина воспринималась не только как психологический факт, но и как категория научной и правовой оценки, необходимая для установления границ отдельных видов виновности. Иначе говоря, дореволюционная наука уже подошла к пониманию того, что одних только законодательных формул умысла и неосторожности недостаточно для исчерпывающей характеристики субъективной стороны преступления.

Истоки различения формы и интенсивности вины также обнаруживаются именно в дореволюционной литературе. Н.С. Таганцев,

---

¹ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права: общая часть уголовного права / С.В. Познышев. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Изд. А.А. Карцева, 1912. С. 47.

² Познышев С.В. Указ. соч. С. 267.

исследуя соотношение между волей и преступным посягательством, указывал, что «оно допускает разные оттенки»¹, но «наука в конечном счёте сводит эти оттенки к двум типам – умыслу и неосторожности».² В этом положении выражена одна из ключевых особенностей дореволюционного учения о вине. С одной стороны, автор отчётливо видел внутреннюю неоднородность виновного отношения и существование различных оттенков виновности. С другой стороны, тогдашний понятийный аппарат ещё не позволял оформить эти оттенки в виде самостоятельной системы степеней виновности. В результате всё многообразие субъективных состояний сводилось к двум основным формам, а вопрос о градации виновного отношения лица к содеянному оставался в пределах частных замечаний о видах умысла, разновидностях неосторожности и пограничных случаях вменения.

Особенно показательна дореволюционная мысль подошла к проблеме степени виновности при анализе неосторожности. В.Д. Спасович писал, что «неосторожность – это переходная форма между виной и невинностью»³. Эта краткая формула имеет значительную теоретическую ёмкость. Она демонстрирует, что неосторожность понималась как особое, ослабленное, промежуточное состояние виновного отношения, при котором виновность лица не устраняется, но получает иное выражение по сравнению с умыслом. Ещё более определённо идею различной меры виновности сформулировал А.Ф. Кистяковский: «Степень виновности и наказуемости неосторожных преступлений зависит не столько от самого действия, сколько от настроения, порождающего это действие»⁴. По существу, здесь уже

---

¹ Таганцев Н.С. Указ. соч. Т. 1. С. 227.

² Таганцев Н.С. Указ. соч. Т. 1. С. 227.

³ Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Т. 1, вып. 1: Общая часть уголовного права материального / В.Д. Спасович. — Санкт-Петербург : Типография Иосафата Огрязко, 1863. С. 150.

⁴ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая /

содержится зачаток учения о степени виновности: автор усматривает различную степень выраженности виновного отношения лица к содеянному не только в объективной стороне поведения, но и во внутреннем состоянии субъекта, то есть в качестве и интенсивности его психического отношения к совершаемому.

Именно в сфере неосторожных деяний дореволюционная наука наиболее близко подошла к признанию различной степени виновности как самостоятельной проблемы. Исследователи обсуждали бессознательную и сознательную неосторожность, легкомыслие и небрежность, большую или меньшую меру беспечности, а также зависимость ответственности от положения лица, его опыта, обязанностей и конкретной обстановки деяния. Тем самым фактически признавалось, что в пределах одной формы вины возможно внутреннее разграничение по степени выраженности виновного отношения лица к содеянному.

Эти наблюдения не были объединены общей теорией. Наука описывала отдельные разновидности и оттенки виновного поведения, но не выработала единого понятия, способного системно охватить количественно-качественные различия внутри умысла и неосторожности.

В итоге дореволюционная уголовно-правовая мысль заложила фундаментальные предпосылки для современного учения о степенях виновности, но не довела их до уровня завершённой общей теории. Она убедительно показала, что уголовная ответственность невозможна без вины, что вина связана с внутренними условиями вменения, что внутри умысла и неосторожности существуют различные оттенки психического отношения лица к содеянному, а неосторожность, в свою очередь, может характеризоваться различной степенью выраженности виновного отношения.

Однако все эти положения существовали преимущественно в виде отдельных научных наблюдений и частных доктринальных построений. В этом и состоит историческая ограниченность дореволюционного этапа: он подготовил материал для будущего учения о степенях виновности, но ещё не создал его как целостную систему.

§ 2. Советская теория вины: достижения и пределы

Советский период стал решающим этапом в развитии отечественного учения о вине. Если дореволюционная наука главным образом заложила исходные представления о психологической и оценочной природе виновного отношения, то советская уголовно-правовая доктрина придала этим представлениям системный характер, включив их в стройную конструкцию состава преступления, субъективного вменения и индивидуализации уголовной ответственности. Именно в советской теории были последовательно разработаны понятие вины, формы и виды вины, соотношение вины с мотивом и целью, вопросы смешанной формы вины, особенности установления умысла и неосторожности, а также значение субъективной стороны для квалификации преступления.

Однако становление этой доктрины не было линейным. В ранний советский период существовали попытки заменить вину более широкими социально-политическими конструкциями. Б.С. Утевский, анализируя этот этап, отмечал, что можно было встретить утверждение, согласно которому на место вины как основания уголовной ответственности ставится социальная опасность деяния и деятеля.¹ Историческое значение этой дискуссии состоит в том, что она выявила принципиальную

---

¹ Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве / Б.С. Утевский. — Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. С. 48.

проблему: может ли уголовное право сохранить вину как самостоятельное основание ответственности либо она должна раствориться в категориях общественной опасности, классовой оценки и общей характеристики личности. В конечном счёте советская наука отвергла крайние варианты отрицания вины и вернулась к признанию её необходимым элементом уголовной ответственности. Именно это возвращение и создало основу для последующей глубокой разработки субъективной стороны преступления.

Зрелая советская теория вины была построена вокруг нескольких устойчивых положений. Во-первых, вина стала рассматриваться как обязательное условие уголовной ответственности и как необходимая форма субъективного вменения. Во-вторых, системообразующее значение приобрело деление вины на умысел и неосторожность, а внутри этих форм — выделение их видов. В-третьих, центр тяжести исследований сместился к анализу интеллектуальных и волевых признаков субъективной стороны, а также к проблемам её установления в судебной практике. В этом отношении особо значимыми были работы А.А. Пионтковского, К.Ф. Тихонова, Г.А. Злобина, Б.С. Никифорова, П.С. Дагеля, Д.П. Котова и других советских исследователей, последовательно разрабатывавших общую теорию субъективной стороны, виды умысла, неосторожность и методику установления внутреннего отношения лица к совершенному деянию¹.

Достижение советской доктрины заключалось прежде всего в том, что она преодолела чисто описательное понимание вины. Вина была

---

¹ Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права. Общая часть / А.А. Пионтковский. — Москва : Госюриздат, 1961 ; Тихонов К.Ф. Субъективная сторона преступления: проблема социального содержания вины в советском уголовном праве / К.Ф. Тихонов. — Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1967 ; Злобин Г.А. Умысел и его формы / Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров. — Москва : Юрид. лит., 1972 ; Дагель П.С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П.С. Дагель, Д.П. Котов. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1974.

встроена в общую конструкцию преступления, стала рассматриваться как признак, ограничивающий пределы вменения, и была тесно связана с принципом индивидуальной ответственности. При этом теория форм и видов вины получила такую степень разработки, которой ранее в отечественной науке не существовало. Именно в советский период была, по существу, создана та понятийная рамка, в пределах которой российская уголовно-правовая наука обсуждает умысел, неосторожность, смешанную форму вины, предвидение, сознательное допущение, легкомысленный расчёт и обязанность предвидеть последствия до настоящего времени.

Тем не менее место степени вины в советской доктрине оставалось двойственным. С одной стороны, категория степени вины не отрицалась. Напротив, уже Б.С. Утевский прямо писал: «Советский уголовный закон знает также случаи, когда степень вины признается большей или меньшей, т. е. когда морально-политическая оценка деяния или деятеля является более или менее отрицательной»¹. Тем самым признавалось, что уголовно-правовая оценка не исчерпывается простой констатацией умысла или неосторожности. С другой стороны, сама эта категория не была превращена в центральный элемент общей теории. Она существовала как важное, но сопутствующее понятие, действовавшее рядом с формами вины, а не над ними и не в качестве их системного продолжения.

Показательно и то, что Б.С. Утевский видел проблему не только в отвлечённой теории, но и в разрыве между теорией и практикой. Он специально подчёркивал: «Учебники уголовного права и имеющиеся специальные работы не ставят вопроса о степенях вины. Теория уголовного права оставила этот вопрос без исследования»². Это замечание имеет методологическое значение и для настоящей монографии. Уже в

---

¹ Утевский Б.С. Указ. соч. С. 63.

² Утевский Б.С. Указ. соч. С. 95.

середине XX в. советская доктрина зафиксировала, что судебная практика фактически нуждается в категории степени вины, тогда как общая теория ещё не создала для неё законченного понятийного аппарата. Следовательно, проблема степени вины не является искусственно сконструированной современной темой: она была обнаружена внутри самой советской науки, но не получила в ней полного системного развития.

Характерно, что советская теория, подводя вопрос о степени вины к судебной оценке, одновременно расширяла содержательные основания для такого подхода. Б.С. Утевский писал: «О вине человека как основании уголовной ответственности и о степени его вины можно судить не только по его психическому отношению к содеянному, но и по содеянному им, по его поведению, по его антиобщественным действиям»¹. В этой позиции выразилась сильная сторона советской доктрины: она стремилась соединить психологическое содержание вины с объективно выраженным поведением лица и с судебной оценкой конкретных обстоятельств дела. Но в этой же позиции содержалось и внутреннее ограничение. Чем шире круг факторов, влияющих на степень вины, тем труднее отделить собственно внутреннюю меру виновного отношения от более общей оценки общественной опасности деяния, личности виновного и иных элементов, имеющих значение уже не только для вины как таковой, но и для наказания, характеристики субъекта и социально-политической оценки преступления.

Наиболее завершённое выражение советская линия исследования степени вины получила в работах А.И. Рарога. Именно он наиболее чётко связал степень вины с её количественной характеристикой, сохранив при этом опору на психологическое понимание вины как отношения лица к деянию и последствиям. Особую значимость для темы настоящей

---

¹ Утевский Б.С. Указ. соч. С. 67.

монографии имеет его тезис о том, что в «неосторожной форме вины удельный вес оценочного элемента еще больше».¹ Это наблюдение чрезвычайно важно в теоретико-методологическом отношении. Оно показывает, что степень вины не может быть одинаково раскрыта применительно к различным формам вины: если в умышленных преступлениях количественно-качественная характеристика во многом выводится из объёма осознания, предвидения, целеполагания и настойчивости в достижении результата, то при неосторожности возрастает роль оценочного суждения о характере расчёта, пределах обязанности предвидеть, причинах непредвидения и конкретной ситуации деяния.

Не менее важна и итоговая формула, предложенная А.И. Рарогом, что «степень вины — это оценочная категория, содержащая психологическую и социально-политическую характеристику вины с ее количественной стороны и выражающая меру отрицательного, пренебрежительного или недостаточно-внимательного отношения лица, виновного в совершении преступления, к основным социальным ценностям».² В этой дефиниции сосредоточены главные достоинства сформулированной А.И. Рарогом линии. Во-первых, степень вины прямо связывается с количественной стороной индивидуальной вины. Во-вторых, она не отрывается от психологического содержания вины, но и не сводится к нему, а включает оценочный компонент. В-третьих, данная конструкция уже выводит исследование за пределы чисто абстрактной теории и подталкивает его к прикладным вопросам уголовно-правовой оценки.

Именно здесь предложенная линия оказалась особенно продуктивной как исходная точка для дальнейшего развития.

---

¹ Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве / А.И. Рарог ; науч. ред. Б.В. Здравомыслов. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. С. 104.

² Рарог А.И. Указ. соч. С. 102.

Разрабатывая категорию степени вины, А.И. Рарог фактически показал, что она имеет значение не только для общей теории, но и для практики назначения наказания. Не случайно он связывал степень вины с индивидуализацией уголовно-правового принуждения и предлагал учитывать её при конструировании нормативных начал назначения наказания. Но одновременно именно здесь обозначается и предел советской модели. Степень вины осмыслялась преимущественно как оценочная категория, получающая своё окончательное выражение в суждении суда и в определении меры наказания. Иначе говоря, она была глубоко разработана как фактор индивидуализации ответственности, но не была доведена до уровня самостоятельной системообразующей категории, способной влиять на квалификацию, пределы субъективного вменения, освобождение от уголовной ответственности и иные институты Общей части.

Это ограничение проявлялось и в более широком контексте советской доктрины. Основное внимание науки было сосредоточено на разграничении умысла и неосторожности, на установлении их видов, на исследовании мотивов и целей, а также на увязке вины с общественной опасностью и задачами социалистического уголовного права. В такой системе координат степень вины неизбежно оставалась категорией второго уровня: её признавали, ею пользовались, на неё ссылались, но её не превращали в универсальный инструмент общей теории. Она не организовывала учение о субъективной стороне в целом, а лишь сопровождала его, выполняя главным образом оценочную и индивидуализирующую функции.

Поэтому, советская теория вины одновременно дала и мощный импульс, и очевидный предел для современного исследования степеней виновности. Её несомненные достижения состоят в системной разработке форм и видов вины, в утверждении принципа субъективного вменения, в углублённом анализе интеллектуальных и волевых элементов, а также в

признании того, что вина в реальном правоприменении имеет различную интенсивность. Её пределы заключаются в том, что степень вины так и не была выведена за рамки сопутствующей категории. Даже в наиболее развитых советских работах, включая труды А.И. Рарога, она оставалась преимущественно количественной характеристикой индивидуальной вины и фактором назначения наказания. Для построения современной модели этого уже недостаточно. Современная теория должна сохранить достижения советской школы, но выйти за её пределы, различив степень вины и степени виновности и превратив последнюю категорию в самостоятельный элемент общей уголовно-правовой конструкции.

§ 3. Современное состояние российской доктрины

Современное состояние российской уголовно-правовой доктрины показывает, что интерес к проблематике вины не только не ослаб, но и сохраняет устойчиво высокий уровень. Это объясняется как фундаментальным положением вины в системе Общей части уголовного права, так и тем, что действующий уголовный закон детально регламентирует ее нормативные проявления. Как справедливо отмечают В.Ф. Лапшин и И.В. Анисимов, «в настоящее время получили официальное закрепление формы и виды вины, двойная форма вины и невиновное причинение вреда».¹ Тем самым современная доктрина продолжает работать прежде всего в поле традиционных вопросов:

---

¹ Лапшин, В.Ф. Уголовно-правовое значение вины в условиях цифровой трансформации общества / В.Ф. Лапшин, И.В. Анисимов. — Текст : электронный // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи : сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения», г. Тюмень, 17–19 октября 2024 г. / гл. ред. С. С. Зенин ; отв. ред. Л.В. Иванова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. — Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. С. 370.

понятия вины, содержания умысла и неосторожности, разграничения их видов, субъективного вменения, ошибок квалификации и пределов ответственности.

Тем не менее высокая степень разработанности самой категории вины не означает завершенности соответствующего научного направления. Напротив, чем устойчивее закрепляется в уголовном праве принцип виновной ответственности, тем заметнее становятся его нерешенные внутренние вопросы. Д.А. Чуприн обоснованно писал, что «закрепление в ст. 5 УК РФ соответствующего принципа, проблемы его реализации еще не нашли своего логического завершения».¹ В связи с этим современное состояние доктрины можно охарактеризовать как сочетание высокой интенсивности исследований и одновременного сохранения ряда концептуальных лакун, касающихся уже не самой необходимости вины, а структуры, критериев и уровней ее уголовно-правовой оценки.

Господствующее направление в современной российской науке по-прежнему определяется психологическим пониманием вины. К.А. Сыч подчеркивает, что российское уголовное право традиционно основывается на положениях психологической концепции вины, где «интеллектуальный и волевой признаки выступают в качестве основных критериев определения вины».² Эта позиция сохраняет методологическое значение и сегодня. Именно поэтому основной массив научных работ посвящен формам и видам вины, их законодательному выражению, содержанию интеллектуального и волевого моментов, а также вопросам

---

¹ Чуприн, Д.А. Реализация принципа вины в современном уголовном праве России / Д.А. Чуприн. — Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 11(85). С. 196.

² Сыч, К.А. Концептуальные проблемы вины в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (постановка проблемы) / К.А. Сыч. — Текст : непосредственный // Человек: преступление и наказание. — 2019. — Т. 27(1–4), № 4. С. 443.

установления субъективной стороны в конкретных составах преступлений. Проблематика степени вины обычно возникает в этих работах как производная — в связи с квалификацией, индивидуализацией наказания, разграничением сходных составов или оценкой неосторожного поведения.

Показательно, что даже в работах общетеоретического характера основной акцент нередко смещается именно на форму и вид вины, тогда как степень вины остается сопутствующей характеристикой. Эта констатация важна не только для общей теории права, но и для уголовно-правовой науки. Она наглядно показывает, что современная литература в значительной мере продолжает развивать уже сложившуюся ось исследования — от понятия вины к ее формам и видам, но не к построению самостоятельной системы степеней виновности.

Тем не менее сама категория степени вины в современной доктрине используется достаточно активно. Она не вытеснена из научного оборота, не забыта и не отвергнута. Напротив, в ряде работ она прямо определяется как необходимый параметр юридической оценки. Так, Е.В. Юрчак пишет, что «понятие степени вины является количественным, выражает сравнительную тяжесть вины, интенсивность психического отношения лица к совершенному деянию».¹ Однако именно на этом уровне — уровне общей количественной характеристики — большинство современных исследований, как правило, и останавливается. Категория признается, описывается, применяется в отдельных институтах, но не превращается в системообразующее учение Общей части уголовного права.

Дополнительную глубину современному обсуждению придает позиция П.А. Волостнова, который предлагает видеть «в вине не только психологическое отношение, но и внутреннюю негативность и

---

¹ Юрчак Е.В. Указ. соч. С. 21.

неизвинительность проявленного отношения к охраняемому объекту».¹ Для настоящего исследования этот вывод важен тем, что он показывает: количественная характеристика вины не сводится к одной лишь интенсивности переживания, а предполагает различную степень выраженности виновного отношения лица к содеянному, определяемую тем, насколько отчетливо в поведении субъекта проявляется его отрицательное и нормативно неоправданное отношение к уголовно-правовому запрету.

Показательно, что новейшая литература не только сохраняет интерес к вине как базовой категории, но и расширяет методологический горизонт ее исследования. О.А. Авдеева и В.А. Авдеев подчеркивают, что «критериями правового понимания вины следует считать качественные и количественные характеристики, в том числе ее сущность, содержание, степень, формы и виды».² О.Н. Бибики, в свою очередь, прямо отмечает: «институт вины в уголовном праве достаточно хорошо разработан, связывая дальнейшее развитие темы с экономическим подходом и управлением рисками».³ Наконец, дискуссия о содержании неосторожной вины также остается активной: В.В. Хилюта обоснованно указывает, что «различие между интеллектуальными моментами умысла и преступного легкомыслия связано не с отсутствием осознания как такового, а с тем, что такое осознание имеет разную степень и объем».⁴ Эти наблюдения

---

¹ Волостнов, П. А. Вина и ее степень / П.А. Волостнов // Российское право: образование, практика, наука. — 2015. — № 6. С. 27.

² Авдеева О.А., Авдеев В.А. Теоретико-методологические и отраслевые аспекты понимания вины как правовой категории / О.А. Авдеева, В.А. Авдеев. — Текст : непосредственный // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2024. — № 1 (108). С. 12.

³ Бибики О.Н. Институт вины как инструмент управления рисками в уголовном праве / О.Н. Бибики. — Текст : непосредственный // Юридический факультет Кубанского государственного университета: 60 лет служения науке и практике : материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 20 апреля 2018 г. — Краснодар : Кубанский государственный университет, 2018. С. 551.

⁴ Хилюта В.В. Характер осознания в преступной неосторожности: всегда ли он отсутствует? / В.В. Хилюта. — Текст : непосредственный // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2022. — № 2 (88). С. 28.

подтверждают, что современная доктрина продолжает интенсивно разрабатывать формы и виды вины, однако делает это преимущественно в пределах уже сложившихся категориальных рамок.

Примечательно, что расширение методологического горизонта идет и по нетрадиционным линиям. О.Н. Бибик пишет, что «чем больше риск, тем больше степень вины субъекта».¹ При всей дискуссионности экономического подхода этот тезис важен тем, что переводит обсуждение степени вины в плоскость управляемого риска и тем самым подтверждает недостаточность чисто бинарного описания субъективной стороны.

На периферии общей теории вины появляется и линия исследований взаимной вины. Так, О.А. Канашина отмечает, что «при неосторожном содействии возникновению или увеличению вреда вопрос о степени вины и возмещении ущерба решается в каждом конкретном случае».² Сам по себе этот подход не образует общепризнанной общей теории, однако показывает растущий интерес доктрины к проблеме градации виновного отношения лица к содеянному и сравнительной оценке степени его виновности.

Из этого следует следующая особенность современной российской доктрины: интерес к степени вины носит в основном фрагментарный характер. О наличии такого положения прямо свидетельствует и литература. О.В. Полякова отмечала: «Вопросы, касающиеся вины, ее форм, степени вины изучаются, и к ним нет однозначного подхода»³. По существу, это означает отсутствие не только единства дефиниций, но и единства методологии. Одни авторы выводят степень вины прежде всего из формы вины и ее вида, другие — из глубины искажения ценностных

---

¹ Бибик О.Н. Экономический подход при исследовании категории вины в уголовном праве // Правоприменение. 2018. Т. 2, № 4. С. 100.

² Канашина О.А. Об уголовной ответственности с учетом взаимной вины // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 5 (106). С. 202.

³ Полякова, О.В. Значение вины в уголовном праве / О.В. Полякова. — Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. — 2009. — № 1 (20), ч. 1. С. 123.

ориентаций личности, третьи — из характера и интенсивности психического отношения к деянию и последствиям, четвертые — из совокупности мотива, цели, эмоционального состояния и конкретной обстановки совершения преступления. Но общепринятой классификации критериев степени вины современная доктрина так и не выработала.

Не выработан и единый подход к вопросу о соотношении степени вины и общественной опасности. В современной литературе встречаются, по меньшей мере, три основные линии рассуждений. Первая линия сводится к тому, что степень вины производна от степени общественной опасности преступления. Так, О.В. Полякова прямо пишет: «вина определяется степенью общественной опасности совершенного преступления».¹ Вторая линия, напротив, исходит из того, что вопрос о мере влияния субъективных и объективных признаков на общественную опасность сам по себе остается дискуссионным. А.Н. Пирзадаев справедливо подчеркивает: «вопрос о мере их влияния на общественную опасность деяния в современной литературе решается по-разному».² Наконец, третья линия стремится включить степень вины в число критериев самой общественной опасности. В той же работе приводится позиция, согласно которой «критериями объективных и субъективных признаков общественной опасности, по мнению В.В. Мальцева, являются «интенсивность действия (бездействия) и степень вины лица, совершившего преступное деяние».³ Из этого следует, современная доктрина не пришла к единому выводу: является ли степень вины производной от общественной опасности, ее составной частью либо самостоятельной категорией, лишь коррелирующей с ней.

---

¹ Полякова О.В. Указ. соч. С. 123.

² Пирзадаев, А.Н. Общественная опасность преступлений и понятие их последствий в современном уголовном праве / А.Н. Пирзадаев. — Текст : непосредственный // Вопросы экономики и права. — 2011. — № 9. С. 163.

³ Пирзадаев А.Н. Указ. соч. С. 163.

Тем не менее появление в последние годы специальных работ о степени вины не меняет общего вывода о фрагментарности исследований. А.Я. Гришко и А.Ю. Беляков справедливо отмечают, что «проблема определения степени вины и характера уголовной ответственности имеет как теоретический, так и прикладной интерес»,¹ причем «законодательная и судебная практика свидетельствует о повышении остроты ее актуализации».² В том же направлении движется и общетеоретическое исследование О.А. Авдеевой и В.А. Авдеева, где сформулировано определение: «степень вины – это количественная социально-психологическая характеристика вины, выражающая меру отрицательного, пренебрежительного или недостаточно предусмотрительного отношения субъекта к личности, обществу или государству, проявившегося в совершении правонарушения».³ Однако даже такие работы, усиливая внимание к количественным аспектам вины, не формируют общепринятой системы критериев степени виновности и не переводят проблему в ранг самостоятельного раздела Общей части уголовного права.

Наиболее заметные расхождения сохраняются в вопросе о связи степени вины с общественной опасностью. Л.О. Павлова исходит из того, что «степень выраженности вины (высокая или низкая степень осознания, предвидения, желания) определяет степень общественной опасности».⁴ Е.Е. Мелюханова, анализируя категорию вины через механизм

---

¹ Гришко А.Я., Беляков А.Ю. Степень вины по уголовному законодательству: ретроспективный и сопоставительный анализ / А. Я. Гришко, А.Ю. Беляков. — Текст : непосредственный // Уголовному кодексу Российской Федерации 25 лет: история, проблемы, перспективы : сборник материалов международной научно-практической конференции. — Рязань, 2022. С. 39.

² Гришко А.Я., Беляков А.Ю. Указ. соч. С. 39.

³ Авдеева О.А., Авдеев В.А. Указ. соч. С. 24.

⁴ Павлова Л.О. Место вины в конструировании отечественной категоризации преступлений / Л.О. Павлова. — Текст : непосредственный // Научные тенденции: юриспруденция : сборник научных трудов по материалам VIII международной научной конференции. — Санкт-Петербург : Международная Научно-Исследовательская Федерация «Общественная наука», 2017. С. 17.

категоризации преступлений, утверждает, что «при изменении формы вины изменяется лишь степень его общественной опасности».¹ В новейшей статье А.М. Герасимова эта линия получает дальнейшее развитие: дифференциация вины на виды позиционируется как «инструмент, позволяющий правоприменителю уточнять степень общественной опасности преступления».² Наличие этих подходов подтверждает, что связь вины и общественной опасности признается многими авторами, однако единая модель такого соотношения до сих пор не выработана: в одних работах форма вины влияет на характер общественной опасности, в других – на ее степень, а в третьих – виды вины рассматриваются как средство уточнения уже судебной оценки.

Представляется, что именно здесь проходит одна из центральных линий дальнейшего научного развития. Отождествление степени вины со степенью общественной опасности методологически неточно, поскольку смешивает субъективную характеристику деяния с общей уголовно-правовой оценкой его вредоносности. Не менее спорно и полное растворение степени вины в рамках наказания, когда она рассматривается только как вспомогательный ориентир для индивидуализации санкции. Степень вины следует понимать как самостоятельную уголовно-правовую характеристику выраженности виновного отношения лица к содеянному: она влияет на оценку общественной опасности, но не поглощается ею. Иначе говоря, связь между этими категориями существует, однако это связь координации, а не тождества.

В итоге, современное состояние российской доктрины характеризуется двойственностью. С одной стороны, институт вины

---

¹ Мелюханова Е.Е. Уголовно-правовая категория «вина» / Е.Е. Мелюханова. — Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. — 2024. — Т. 34, вып. 3. — С. 528.

² Герасимов А.М. Вина и ее отражение на уровне общественной опасности преступления / А.М. Герасимов. — Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2025. — Т. 31, № 3 (98). С. 235.

остаётся одним из наиболее разработанных и активно обсуждаемых в уголовном праве; исследования форм и видов вины продолжают интенсивно развиваться, включая новые контексты, связанные с цифровизацией, усложнением квалификации и ростом требований к субъективному вменению. С другой стороны, проблема степени вины по-прежнему существует преимущественно как несобранный массив частных наблюдений, оценок и прикладных выводов. Это позволяет утверждать, что в современной российской уголовно-правовой науке отсутствует цельное, общепринятое и внутренне согласованное учение именно о системе степеней виновности.

Дополнительный аргумент в пользу несводимости степени вины к формальной конструкции состава даёт и психологическая литература. О.Д. Ситковская указывает, что именно степень вины является важнейшим критерием индивидуализации ответственности и наказания: «индивидуальное наказание должно соответствовать индивидуальной вине субъекта, её степени».¹ Этот тезис важен для настоящего исследования в двойном отношении. С одной стороны, он подтверждает устойчивость прикладного понимания степени вины как инструмента индивидуализации. С другой стороны, он демонстрирует, что даже там, где категория степени вины признаётся необходимой, она по-прежнему функционирует главным образом на стадии оценки ответственности и наказания, а не как универсальная системообразующая категория уголовно-правового вменения.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, проблема степени вины и более широкой градации виновности лица не является новой для уголовно-правовой науки. Ее

---

¹ Ситковская О.Д. Психология вины и ответственности / О.Д. Ситковская. — Текст : непосредственный // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2019. — № 1 (69). С. 92.

предпосылки обнаруживаются уже в дореволюционной уголовно-правовой мысли, а в советский период она получила существенно более определенное теоретическое выражение.

Во-вторых, и дореволюционная, и советская, и современная российская доктрина в основном концентрировались на понятии вины, ее формах и видах, а также на проблемах субъективного вменения. Категория степени вины присутствовала в науке постоянно, однако чаще всего — как вспомогательная, сопутствующая или прикладная характеристика.

В-третьих, наиболее значительный вклад в разработку степени вины внесла советская наука, прежде всего через работы, связывавшие ее с индивидуализацией ответственности и наказания. Однако даже в наиболее развитых концепциях степень вины не была превращена в самостоятельное системообразующее учение Общей части уголовного права.

В-четвертых, современная российская доктрина использует категорию степени вины значительно шире, чем это может показаться при формальном анализе законодательства, однако делает это несистемно. Не выработана общепринятая классификация критериев степени вины, отсутствует единый подход к ее соотношению с общественной опасностью, не проведено последовательное разграничение между степенью вины и степенями виновности.

В-пятых, новейшие публикации 2018–2025 гг. подтверждают одновременно два обстоятельства: интерес к вине как к базовой уголовно-правовой категории сохраняется и даже расширяется за счет новых методологических ракурсов, однако внимание к степени вины по-прежнему остается точечным и функционально разрозненным. Из этого следует, задача построения именно системы степеней виновности остается в науке открытой.

В-пятых, именно поэтому существует реальное и научно обоснованное поле для монографического новаторства. Новизна настоящего исследования заключается не в самом обращении к проблеме, а в попытке построить целостное учение о степенях виновности как самостоятельной категории уголовного права, способной работать не только на стадии назначения наказания, но и в сферах законодательной дифференциации, квалификации, определения пределов вменения и судебной оценки субъективной стороны преступления.

Оценивая современное состояние научной разработанности проблемы, следует учитывать справедливое замечание, что в отечественной литературе внимание долгое время концентрировалось преимущественно на формах и видах вины, тогда как вопрос о степени вины и тем более о степенях виновности не был превращен в самостоятельную системную конструкцию.

Для методологического усиления главы важно и положение Е.Е. Мелюхановой, согласно которому «разработка основ уголовно-правовой категоризации базируется на исследовании понятийно-категориального аппарата уголовного права, она включает в себя анализ оснований категоризации в уголовном праве, обоснование и установление логически последовательной многоуровневой взаимосвязи между уголовно-правовыми категориями, что образует целостную научно-теоретическую концепцию».¹ Данный вывод позволяет точнее обосновать и саму категорию степеней виновности как элемент более широкой системы уголовно-правовых категорий, а не как изолированную оценочную формул.

---

¹ Мелюханова Е.Е. Категоризация в уголовном праве Российской Федерации : монография. — Москва : Юрлитинформ, 2025. С. 6.

Глава 2. Понятие, природа и место степени вины в системе уголовно-правовых категорий

§ 1. Понятие вины как исходной категории

Построение самостоятельного учения о степени вины невозможно без предварительного уточнения исходной категории вины. Для настоящего исследования нет необходимости заново воспроизводить все известные доктринальные подходы к вине, их историческую эволюцию и многообразие дефиниций. Существенно иное: определить те признаки вины, без которых дальнейший разговор о степени вины утрачивает предметную определенность. С этой точки зрения вина должна быть рассмотрена как обязательное условие уголовной ответственности, как категория, имеющая психологическое ядро и юридическое значение, и как конструкция, не сводимая к одной лишь внешней оценке со стороны государства.

Прежде всего вина выступает обязательной субъективной предпосылкой уголовной ответственности. Действующее уголовное законодательство исходит из того, что лицо подлежит уголовной ответственности лишь за те общественно опасные действия (бездействие) и общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина; объективное вменение не допускается. Из этого следует, что вина не является факультативным дополнением к составу преступления, а образует необходимую границу между преступным и не преступным причинением вреда. В литературе обоснованно отмечается, что «вина является обязательным признаком состава преступления и субъективным основанием юридической ответственности».¹

---

¹ Филиппова Е.О. Юридическая конструкция вины в уголовном праве России: становление и история развития, понятие и содержание // *Baltic Humanitarian Journal*. 2020. Т. 9, № 4 (33). С. 371.

Наряду с этим вина остается категорией, в центре которой находится внутреннее отношение лица к совершаемому деянию и его последствиям. Несмотря на отсутствие в УК РФ общего нормативного определения вины, отечественная доктрина в целом сохраняет приверженность тому подходу, согласно которому вина описывается через психическое отношение лица к деянию и последствиям, выраженное в формах, предусмотренных уголовным законом. Характерно, что в литературе отмечается, что «...вся российская учебная литература теперь уже традиционно определяет вину как психическое отношение»¹.

Психологическое ядро вины не сводится к отвлеченному упоминанию «психического отношения». Оно раскрывается через конкретные интеллектуальные и волевые характеристики поведения лица. В специальной литературе убедительно подчеркивается: «Для раскрытия содержания понятий “вина” и “виновная ответственность” недостаточно использования юристами общедоступных положений, почерпнутых из психологической литературы»². Данный тезис имеет ключевое значение. Он означает, что уголовно-правовая теория не вправе подменять юридический анализ вины общепсихологическим описанием эмоций, мотивов и переживаний. Психологическое содержание вины должно быть юридически релевантным, то есть выражать такое внутреннее отношение лица, которое имеет значение для вменения конкретного деяния и его последствий. Именно поэтому в современной литературе обоснованно сохраняется положение о том, что «вина представляет собой психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию и его

---

¹ Кораблёва С.Ю., Казакова В.А. Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию преступлений: монография. Москва: АНО Издательский дом «Научное обозрение», 2016. С. 17.

² Ситковская О.Д. Психология вины и ответственности // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2019. № 1 (69). С. 89.

последствиям, выраженное в предусмотренных законом формах и видах».¹

Поэтому, психологическое ядро вины образуют не любые переживания субъекта и не вся совокупность его внутренних состояний, а лишь такие интеллектуально-волевые процессы, которые характеризуют отношение лица к общественно опасному деянию, его последствиям и иным юридически значимым обстоятельствам. Вина потому и имеет уголовно-правовое значение, что позволяет установить, осознавало ли лицо характер совершаемого поведения, предвидело ли развитие причинной связи, желало ли наступления последствий, сознательно ли допускало их, легкомысленно ли рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело их при наличии обязанности и возможности предвидения.

В таком понимании сохраняет значение и ранее обоснованный вывод о том, что психологический подход к пониманию вины не означает ее абсолютной психологизации. Для уголовного права вина остается юридической категорией, а потому ее психологическое содержание всегда преломляется через нормативные требования субъективного вменения и правовые цели уголовной ответственности.

Однако признание психологического ядра вины не означает отрицания ее юридического значения. Напротив, именно юридическое значение вины делает возможным ее использование в механизме уголовно-правового регулирования. Вина необходима не только для констатации самого факта уголовной ответственности, но и для квалификации содеянного, разграничения смежных составов, установления стадий преступной деятельности, решения вопросов

---

¹ Авдеева О.А., Авдеев В.А. Теоретико-методологические и отраслевые аспекты понимания вины как правовой категории // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 24

соучастия, вменения квалифицирующих обстоятельств и индивидуализации наказания.

Однако признание юридического значения вины не должно вести к ее растворению в одной лишь оценке. В современной литературе периодически возобновляются попытки представить вину преимущественно как оценочную категорию, как упрек, формулируемый государством или судом по поводу совершенного деяния. Подобный подход отражает реальную сторону проблемы — действительно, вина в уголовном праве не остается вне государственной оценки, — но он становится методологически уязвимым тогда, когда оценка начинает подменять содержание самой вины. Не случайно в литературе отмечается, что «чисто оценочное понимание вины приводит к размыванию ее границ как признака состава преступления».¹

Еще более определенно данная опасность обозначена в современной статье, где указано: «Порок оценочной теории в том, что она фактически предполагает отказ от признания состава преступления единственным основанием для применения уголовной ответственности и противоречит принципу законности»². С этим тезисом следует согласиться по существу. Чисто оценочное понимание вины способно сместить центр тяжести с установления конкретного психического отношения лица к деянию на внешнюю характеристику личности или результата. В таком случае вина перестает быть юридически определенным субъективным признаком и превращается в общий вывод о заслуженности упрека.

Поэтому более точным представляется следующее положение: вина имеет психологическое ядро и юридическую форму выражения. Она не сводится ни к чисто психологическому описанию переживаний субъекта, ни к чисто нормативной оценке его поведения. Ее содержание образуют

---

¹ Кораблёва С.Ю., Казакова В.А. Указ. соч. С. 20.

² Филиппова Е.О. Указ. соч. С. 370.

интеллектуально-волевые характеристики отношения лица к совершаемому деянию и его последствиям, а ее юридическое значение проявляется в том, что именно через вину уголовное право устанавливает пределы допустимого вменения, обеспечивает реализацию принципа личной ответственности и исключает объективное вменение.

В этом же ключе заслуживает внимания наблюдение П.А. Волостнова о том, что «социальная характеристика вины раскрывается через негативность и непростительность отношения субъекта к охраняемому объекту».¹ Данная конструкция методологически полезна. Она позволяет объяснить, почему «степень вины выражает не абстрактную «силу переживания», а меру отрицательного и юридически неизвинительного отношения, которое получает уголовно-правовое значение лишь в рамках допустимого вменения».²

Именно в таком качестве вина и выступает исходной категорией для последующего анализа степени вины. Степень вины не может быть понята вне самой вины, но и понятие вины, в свою очередь, должно быть очищено как от излишне расширительных оценочных построений, так и от упрощенного психологизма. Для настоящей монографии принципиально важно исходить из того, что вина — это обязательное условие уголовной ответственности и одновременно центральная форма уголовно-правового выражения субъективного отношения лица к деянию и его последствиям.

§ 2. Понятие степени вины

---

¹ Волостнов, П.А. Вина и ее степень / П.А. Волостнов // Российское право: образование, практика, наука. — 2015. — № 6. С. 26.

² Волостнов, П.А. Там же. С.28

Категория степени вины относится к числу наиболее дискуссионных в отечественной уголовно-правовой науке. С одной стороны, она давно используется в теории, судебной практике и языке правоприменения. С другой стороны, ее содержание по-прежнему остается не вполне определенным, а границы — подвижными. Именно поэтому данный параграф имеет ключевое значение для всей главы: без уточнения понятия степени вины невозможно определить ни ее место в системе уголовно-правовых категорий, ни ее соотношение с формой и видом вины, ни ее функциональное значение для квалификации, законодательной конструкции состава и назначения наказания.

Примечательно, что сама постановка вопроса о степенях вины в науке не нова. Еще Б.С. Утевский специально подчеркивал: «Учебники уголовного права и имеющиеся специальные работы не ставят вопроса о степенях вины. Теория уголовного права оставила этот вопрос без исследования»¹. Эта констатация, сделанная в середине XX в., и сегодня сохраняет значительную объяснительную силу. Категория степени вины используется существенно чаще, чем исследуется. Она присутствует в научном языке, но долгое время оставалась либо приложением к учению о наказании, либо побочным вопросом в рамках общего учения о вине.

При этом уже на раннем этапе советской дискуссии обнаружилось принципиально различные подходы к самой возможности количественной характеристики вины. Б.С. Утевский исходил из того, что «вина не может быть ни большей, ни меньшей виной, если ее ограничивать формально-психологическими признаками умысла или неосторожности»². Сильной стороной этой позиции было то, что она ясно показывала ограниченность чисто формального анализа умысла и неосторожности: действительно, если замкнуть исследование

---

¹ Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве: монография. Москва: Гос. изд. юрид. лит., 1950. С. 95.

² Утевский Б.С. Указ. соч. С. 73.

исключительно на юридическом констатировании формы вины, то пространство для различения ее степеней почти исчезает. Однако данная концепция чрезмерно сближала степень вины с внешней морально-политической оценкой деяния, что в конечном счете грозило ослаблением собственно субъективного критерия.

Иной, более продуктивный для целей настоящего исследования подход был развит в последующих работах. В современной литературе вполне справедливо отмечается, что «в науке существует такое понятие как “степень вины”, которое в отличие от форм отражает количественный критерий вины и детализирует интеллектуальный и волевой моменты»¹. Данное положение заслуживает поддержки, поскольку оно позволяет сразу провести исходную линию разграничения между формой вины и ее степенью. Форма вины выражает качественный способ психического отношения лица к деянию и последствиям, закрепленный в уголовном законе; степень вины отражает количественную интенсивность этого отношения в пределах уже установленной формы.

Указанная мысль последовательно проводилась и в ранее выполненном диссертационном исследовании автора, где подчеркивалось, что «степень вины ... рассматривается нами как количественная характеристика вины в ее материальном значении»². Данная формула представляется методологически верной и в рамках настоящей монографии. Она позволяет, во-первых, избежать смешения степени вины с формой вины; во-вторых, показать, что речь идет не о второстепенном риторическом обороте, а о самостоятельной характеристике виновного отношения; в-третьих, связать степень вины не только с индивидуализацией наказания, но и с более широкими вопросами законодательной дифференциации.

---

¹ Павлова Л.О. Место формы вины в категоризации преступлений // Научный диалог: Юриспруденция. 2017. С. 16.

² Баумштейн А.Б. *Вина, ее формы и их регламентация в составах экологических преступлений*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. С. 9.

Из этого вытекает первое принципиальное положение: степень вины не тождественна форме вины. Форма вины — это качественная юридическая характеристика психического отношения, выраженная через умысел или неосторожность. Именно поэтому нельзя признать удачными те концепции, которые фактически сводят степень вины к форме вины. Как обоснованно отмечалось в диссертационном исследовании автора, «в такой трактовке смешиваются качественные и количественные характеристики вины»¹. Действительно, прямой и косвенный умысел, легкомыслие и небрежность — это прежде всего виды, а не степени. Они различаются по структуре интеллектуального и волевого моментов, а не по шкале “больше — меньше” как таковой.

Но столь же важно подчеркнуть и другое: степень вины не тождественна виду вины. Вид вины представляет собой внутривидовую, качественно определенную модификацию формы вины: прямой или косвенный умысел, легкомыслие или небрежность. Степень вины представляет собой не самостоятельный вид вины, а параметр интенсивности виновного отношения лица к содеянному, проявляющийся внутри соответствующей формы и вида вины. Иначе говоря, прямой умысел как вид вины не тождествен степени вины, хотя в обычных случаях выражает более высокую степень виновности по сравнению с косвенным умыслом; легкомыслие также не совпадает со степенью вины, хотя, как правило, характеризуется более выраженным виновным отношением, чем небрежность. Следовательно, форма и вид вины влияют на степень вины, но не исчерпывают ее содержания.

В таком понимании сохраняет методологическое значение положение А.И. Рарога, что «степень вины — это оценочная категория, содержащая психологическую и социально-политическую характеристику вины в ее количественной стороне и выражающая меру

---

¹ Баумштейн А.Б. Указ. соч. С. 21.

отрицательного, пренебрежительного или недостаточно внимательного отношения лица, виновного в совершении преступления, к основным социальным ценностям»¹. В указанной формуле заслуживает поддержки прежде всего мысль о количественной стороне вины. Именно она позволяет рассматривать степень вины не как новый вид умысла или неосторожности, а как самостоятельную характеристику интенсивности и выраженности виновного отношения лица к содеянному. В то же время термин «оценочная категория» нуждается в уточнении. Если понимать его как допущение произвольного судебного усмотрения, то такой подход неприемлем. Если же речь идет о юридически значимой оценке реально установленных особенностей психического отношения лица к деянию, то данный элемент вполне допустим.

Тем самым степень вины нельзя сводить к эмоциональной фигуре речи суда. Такая редукция была бы ошибочной по меньшей мере по трем причинам. Во-первых, степень вины описывает объективируемые различия в содержании интеллектуального и волевого моментов: глубину осознания, определенность предвидения, характер волевого отношения к последствиям, устойчивость антисоциальной установки, меру самонадеянности либо небрежности. Во-вторых, сама судебная практика постоянно нуждается в понятийном аппарате, позволяющем разграничивать различную степень выраженности виновного отношения лица к содеянному при формально одинаковой форме вины.

В этом отношении показательно, что, как ранее отмечалось в авторской диссертации, «судьи на практике ссылаются на степень вины, но понимают ее крайне неодинаково». ² В-третьих, степень вины значима не только для наказания, но и для законодательной конструкции состава

---

¹ Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве: монография / науч. ред. Б.В. Здравомыслов. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. С. 102.

² Баумштейн А.Б. Указ. соч. С. 21.

преступления, поскольку именно через нее раскрывается, насколько глубоко лицо включено в причинение конкретного вреда.

Поэтому наиболее точным представляется следующее определение: степень вины — это количественная характеристика интенсивности и выраженности виновного отношения лица к содеянному, отражающая меру его отрицательного, пренебрежительного либо недостаточно внимательного психического отношения к охраняемым уголовным законом ценностям, проявившегося в конкретном общественно опасном деянии и наступивших последствиях. В таком определении принципиальны три элемента. Во-первых, степень вины производна от самой вины и невозможна вне нее. Во-вторых, она носит количественный, а не качественно-видовой характер. В-третьих, ее предметом является не общественная опасность деяния в целом, а интенсивность и выраженность виновного отношения лица к содеянному.

Последнее требует специального пояснения. Степень вины, безусловно, связана с общественной опасностью преступления, но не совпадает с ней. Общественная опасность охватывает совокупную характеристику деяния, включающую и объективные, и субъективные элементы. Степень вины отражает лишь субъективный вклад в эту общую опасность. В современной литературе отмечается, что степень вины определяется предвидением либо непредвидением последствий, отношением лица к деянию и его последствиям.¹ Данная мысль верна постольку, поскольку она фиксирует ядро степени вины именно в области психического отношения. Однако было бы неправильно растворять степень вины в общей характеристике опасности преступления или, наоборот, объявлять ее полностью независимой от характера причиняемого вреда. Более обоснованной представляется позиция,

---

¹ Авдеева О.А., Авдеев В.А. Указ. соч. С. 16.

согласно которой объективные признаки могут учитываться лишь через их психическое отражение в сознании виновного.

Этим объясняется и значение степени вины для законодательной конструкции состава преступления. Если степень вины понимать лишь как оценочную характеристику, применяемую на стадии назначения наказания, то ее роль действительно будет производной и ограниченной. Однако если признать, что степень вины выражает количественную сторону виновного отношения лица к содеянному и имеет самостоятельное материально-правовое значение, становится очевидным, что она должна учитываться уже на более ранних уровнях уголовно-правового регулирования — при конструировании составов преступлений, дифференциации санкций и разграничении смежных моделей ответственности. Именно такой подход ранее был сформулирован в авторской диссертации, где указывалось, что учет степени вины необходим «не только при индивидуализации наказания, но и на стадии законотворческого процесса, т.е. при конструировании конкретных составов преступления»¹.

Из этого следует, понятие степени вины должно строиться на одновременном разграничении и соотнесении с иными уголовно-правовыми категориями. От формы вины его отличает качественно-количественный критерий; от вида вины — то, что степень не образует самостоятельной нормативной разновидности умысла или неосторожности; от общественной опасности — то, что степень вины характеризует только субъективную сторону опасности, а не деяние в целом; от судебной оценки — то, что она имеет собственное предметное содержание и не исчерпывается словесным выражением упрека. Именно поэтому степень вины должна рассматриваться как самостоятельная уголовно-правовая категория, отражающая количественную сторону

---

¹ Баумштейн А.Б. Указ. соч. С. 9.

виновного отношения лица к содеянному и имеющая значение не только для назначения наказания, но и для всей системы уголовно-правового вменения.

§ 3. Соотношение категорий: вина, виновность, степень вины, степени виновности

Построение самостоятельного учения о степенях виновности невозможно без четкого разграничения тех категорий, которыми традиционно оперирует уголовно-правовая наука. На уровне общей теории здесь долгое время сохранялась терминологическая и смысловая неопределенность: одни авторы фактически отождествляли вину и виновность, другие предлагали различать их лишь в процессуальном аспекте, третьи — связывали виновность с более широкой уголовно-правовой оценкой содеянного. Неопределенность в базовых понятиях неизбежно препятствует и построению целостной концепции степеней виновности. Поэтому на данном этапе необходимо не просто перечислить смежные категории, а выстроить их в логически непротиворечивую систему.

Исходной категорией в этой системе является вина. Именно она выражает минимально необходимое и в то же время содержательно насыщенное субъективное основание уголовной ответственности. Вина указывает на юридически значимое психическое отношение лица к совершаемому деянию и его последствиям, выраженное в предусмотренных уголовным законом формах. С этой точки зрения вина остается базовой субъективной категорией уголовного права: без нее невозможны ни вменение, ни квалификация, ни наказание, ни какое-либо дальнейшее разграничение более частных категорий.

Из этого вытекает и место формы вины в рассматриваемой системе. Форма вины не тождественна самой вине, поскольку отражает не всё содержание субъективного отношения лица к содеянному, а лишь качественный способ его уголовно-правового выражения. Иными словами, форма вины показывает, как соотносятся интеллектуальный и волевой элементы психического отношения лица к деянию и последствиям — в виде умысла либо неосторожности. Отсюда следует, что форма вины является качественной характеристикой вины, но не охватывает ее количественную сторону, выражающую степень виновного отношения лица к содеянному.

Именно поэтому степень вины должна быть отделена и от самой вины, и от ее формы. Если форма вины отвечает на вопрос о качественном типе психического отношения, то степень вины раскрывает его количественную сторону внутри уже установленной формы. В этом отношении сохраняет значение ранее сформулированное положение о том, что «степень вины, которая рассматривается нами как количественная характеристика вины в ее материальном значении», имеет самостоятельное уголовно-правовое значение. Количественный характер степени вины не означает возможности ее механического измерения; речь идет о сравнительной интенсивности и выраженности виновного отношения лица к содеянному, определяемой глубиной осознания, направленностью воли, степенью предвидения, мерой пренебрежения к охраняемым уголовным законом интересам и иными параметрами внутреннего отношения субъекта к содеянному.¹

Наиболее сложным является вопрос о соотношении категорий «вина» и «виновность». Современная литература обоснованно указывает, что «в уголовно-правовой литературе широко распространено суждение о тождестве понятий «вина» и «виновность»». Действительно, полное

---

¹ Баумштейн А.Б. Указ. соч. С. 9.

разведение этих терминов далеко не всегда проводилось последовательно, а в ряде концепций виновность либо полностью поглощала вину, либо, напротив, сводилась к доказанности вины в процессуальном смысле. Характерно, что в монографической литературе подчеркивается, что «при таком подходе просто смешиваются разные по содержанию термины «вина» и «виновность», в результате чего и появляются две вины»¹.

Представляется, однако, что и простое отождествление, и сугубо процессуальная редукция виновности недостаточны. Процессуальный аспект здесь, безусловно, присутствует: в современной литературе справедливо отмечается, что «виновность в процессуальном праве представляет собой вину лица, доказанную с учетом обстоятельств совершения правонарушения (проступка или преступления) и установленную вступившим в законную силу приговором суда с учетом порицаемого государством психического отношения лица к его совершению и общественно опасным последствиям». Однако для целей материального уголовного права этого недостаточно. Виновность целесообразно понимать как итоговую уголовно-правовую оценку субъекта как лица, подлежащего ответственности за конкретное деяние. Вина входит в эту конструкцию как ее центральный элемент, но виновность шире простой фиксации формы умысла или неосторожности, поскольку «предполагает установленность и юридическую определенность связи между конкретным деянием, конкретным лицом и конкретным видом субъективного отношения».²

При таком подходе степень вины занимает в системе категорий промежуточное, но принципиально важное место. Она не растворяется ни в форме вины, ни в виновности, а выступает внутренней количественной характеристикой конкретной формы вины. Виновность же, будучи

---

¹ Кораблёва С.Ю., Казакова В.А. Указ. соч. С. 25. Набойченко В.В. Указ. соч. С. 157.

² Авдеева О.А., Авдеев В.А. Указ. соч. С. 23.

итоговой уголовно-правовой оценкой, предполагает уже не только наличие вины и ее формы, но и определенный уровень выраженности виновного отношения лица к содеянному. Именно этот уровень и позволяет перейти от понятия степени вины к более широкой категории степеней виновности.

Под степенями виновности, таким образом, следует понимать систему уровней уголовно-правовой оценки виновного отношения лица к содеянному, имеющую значение для уголовно-правового вменения, квалификации содеянного и назначения наказания. Если степень вины относится к внутренней количественной характеристике конкретной формы умысла или неосторожности, то степени виновности отражают более широкую систему уголовно-правовой оценки субъекта и деяния. Они строятся на основе степени вины, но не исчерпываются ею, поскольку в реальной уголовно-правовой оценке учитываются и иные субъективно значимые обстоятельства — направленность волевого отношения, характер нарушения специальной обязанности, степень осознанности риска, особенности мотивационного комплекса, пределы предвидения последствий.

В результате соотношение рассматриваемых категорий может быть выражено следующим образом. Вина — базовая субъективная категория уголовного права; форма вины — качественный способ выражения психического отношения лица к деянию и последствиям; степень вины — количественная характеристика выраженности виновного психического отношения внутри конкретной формы вины; виновность — итоговая уголовно-правовая оценка субъекта как лица, подлежащего ответственности за конкретное деяние; степени виновности — система уровней итоговой уголовно-правовой оценки виновного отношения лица к содеянному, значимая для вменения, квалификации и наказания. Именно такое разграничение позволяет перейти от разрозненных наблюдений о «большей» или «меньшей» вине к построению самостоятельного учения

о степенях виновности как системной категории Общей части уголовного права.

§ 4. Степень вины и общественная опасность

Соотношение степени вины и общественной опасности относится к числу наиболее сложных вопросов общей части уголовного права, поскольку здесь пересекаются две фундаментальные категории, каждая из которых имеет самостоятельное значение. Методологически ошибочно как отождествлять степень вины со степенью общественной опасности деяния, так и полностью разрывать их между собой. Первое ведет к растворению субъективной стороны в общей оценке преступления, второе — к игнорированию того обстоятельства, что общественная опасность преступления в реальном уголовно-правовом измерении определяется не только внешними свойствами посягательства, но и внутренним отношением лица к совершаемому.

В то же время было бы неверно полностью разрывать степень вины и степень общественной опасности. В современной литературе справедливо отмечено: «В то время как степень вины влияет на степень общественной опасности преступления»¹. Это положение представляется верным, но нуждается в уточнении. Степень вины влияет на общественную опасность не непосредственно как самостоятельный заменитель ее степени, а через субъективную сторону преступления, то есть через глубину осознания, предвидения, волевого отношения к последствиям, степень пренебрежения охраняемыми интересами и меру нарушения требуемого стандарта поведения.

Не менее односторонней является и противоположная позиция, согласно которой общественная опасность представляет собой

---

¹ Павлова Л.О. Указ. соч. С. 15.

исключительно объективное свойство деяния и потому не связана сущностно с виной. Подобная линия в доктрине известна и сегодня. Ее сильная сторона состоит в том, что она препятствует смешению объективного вреда с субъективной оценкой личности. Однако в чистом виде она не объясняет ни законодательную дифференциацию одинаковых по последствиям умышленных и неосторожных деяний, ни зависимость квалификации и наказания от особенностей психического отношения лица к содеянному. По этой причине «полное разобщение степени вины и степени общественной опасности представляется не менее ошибочным, чем их отождествление».¹

При этом признание связи степени вины с общественной опасностью не должно вести к их полному слиянию. Если считать, что общественная опасность полностью поглощает вину и все ее градации, то вина утрачивает значение самостоятельной субъективной категории и превращается лишь в элемент общей социальной оценки содеянного. Такой подход методологически непрочен. Действующий уголовный закон конструирует преступление как виновно совершенное и одновременно общественно опасное деяние; следовательно, вина и общественная опасность находятся в системном единстве, но не совпадают по своему содержанию. Вина отвечает на вопрос о внутреннем отношении лица к деянию, тогда как общественная опасность выражает опасность преступления для охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Влияние степени вины на общественную опасность проявляется не само по себе, а через внутреннее отношение лица к совершаемому деянию, последствиям, риску и нарушаемой обязанности. Одинаковые по внешнему результату деяния могут существенно различаться по уровню

---

¹ Герасимов А.М. Вина и ее отражение на уровне общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3 (98). С. 236.

осознания общественно значимого характера поведения, по глубине предвидения последствий, по степени уверенности в их предотвращении, по уровню безразличия к охраняемым уголовным законом благам. Именно поэтому для уголовного права принципиально важно учитывать не только форму вины, но и ее внутреннюю интенсивность. Показательно, что еще в кандидатской диссертации автора подчеркивалось: «степень общественной опасности преступного деяния зависит не только от формы, но и от степени вины, которая рассматривается нами как количественная характеристика вины в ее материальном значении»¹.

Этим объясняется и различное значение формы и степени вины для оценки общественной опасности. Современная литература обоснованно подчеркивает: «форма вины влияет на определение характера общественной опасности совершенного деяния (на нормотворческом уровне); вид вины учитывается при оценке степени общественной опасности содеянного (на правоприменительном уровне)». Для настоящего исследования данное положение следует уточнить, что форма вины участвует в определении качественной характеристики общественной опасности, тогда как степень вины выражает количественную сторону виновного отношения лица к содеянному в пределах уже установленной формы вины и поэтому влияет преимущественно на степень общественной опасности конкретного преступления.²

В таком понимании заслуживает внимания и более широкая теоретическая модель, согласно которой «Оценка характера общественной опасности деяния в совокупности со степенью вины лица формирует представление о степени общественной опасности поведения». При всей дискуссионности самой категории «общественной опасности поведения» данное наблюдение представляет

---

¹ Баумштейн А.Б. Указ. соч. С. 9.

² Герасимов А.М. Указ. соч. С. 238.

методологическую ценность. «Оно точно фиксирует, что степень вины способна усиливать либо ослаблять итоговую оценку опасности преступного поведения, но не подменяет собой оценку деяния как такового».¹

Из этого следует, что степень вины и степень общественной опасности соотносятся не как тождественные, а как функционально взаимосвязанные категории. Степень вины отражает количественную сторону виновного отношения лица к содеянному, тогда как степень общественной опасности выражает интегральную оценку опасности конкретного преступления в единстве его объективных и субъективных признаков. Первая входит в общую структуру второй, но не исчерпывает ее содержания. Именно такой подход позволяет, с одной стороны, избежать растворения вины в абстрактной оценке общественной опасности, а с другой — объяснить, почему различная глубина психического отношения лица к деянию и последствиям имеет значение для вменения, квалификации и наказания.

Дополнительный аргумент в пользу такой функциональной связи дает экономический подход О.Н. Бибика. По его замечанию, «чем больше риск, тем больше степень вины субъекта»². Этот тезис не следует абсолютизировать: степень вины не сводится к математическому расчету риска. Вместе с тем он убедительно показывает, что объем и характер предвидимого риска могут влиять на степень выраженности виновного отношения лица к содеянному, не превращая ее в простую производную от общей оценки причиненного вреда.

---

¹ Мирошниченко Д.В. Теоретико-методологическое обоснование общественной опасности деяния в уголовном праве // *Lex Russica*. 2024. Т. 77, № 10. С. 74.

² Бибик О.Н. Экономический подход при исследовании категории вины в уголовном праве // *Правоприменение*. 2018. Т. 2, № 4. С. 100.

§ 5. Степень вины и принцип справедливости

Связь степени вины с принципом справедливости имеет для настоящего исследования не частное, а системообразующее значение. Если вина выступает необходимым субъективным основанием уголовной ответственности, то степень вины обеспечивает внутреннюю меру этой ответственности. Без учета различий в субъективной упречности невозможно добиться такой соразмерности наказания, при которой уголовно-правовая реакция действительно соответствует не только содеянному, но и личности виновного. Не случайно в современной литературе подчеркивается, что наказание должно быть «не произвольного, а соответствующего общественной опасности содеянного и личности виновного»¹.

В таком понимании принцип справедливости, закрепленный в ст. 6 УК РФ, требует учитывать не только формальное различие между умыслом и неосторожностью, но и различную интенсивность субъективного отношения лица к деянию в пределах каждой из этих форм. Именно здесь категория степени вины приобретает самостоятельное значение: она позволяет перейти от общего признания виновности к более точной индивидуализации уголовной ответственности. Как справедливо отмечено в психологико-правовой литературе, «именно степень вины является важнейшим критерием индивидуализации ответственности и наказания: индивидуальное наказание должно соответствовать индивидуальной вине субъекта, ее степени»².

Для отечественной теории данное положение не является новым. В ранее выполненном диссертационном исследовании уже отмечалось, что категория «степень вины» имеет «большое значение для правильной

---

¹ Ситковская О.Д. Указ. соч. С. 88.

² Ситковская О.Д. Указ. соч. С. 92.

квалификации деяния и назначения справедливого наказания»¹. Однако по-настоящему принципиальным является не само упоминание этой категории в судебных актах, а ее содержательное наполнение. Если степень вины понимается лишь как риторическая ссылка суда на некую «большую» или «меньшую» виновность без ясных критериев, то такая ссылка не усиливает, а, напротив, ослабляет требование справедливости. Справедливость предполагает не словесное упоминание степени вины, а ее последовательный учет при квалификации, конструировании составов преступлений и назначении наказания.

Связь степени вины со справедливостью подтверждается и в работах о взаимной вине. О.А. Канашина прямо указывает: «Игнорирование взаимной вины влечет также нарушение принципа справедливости»². Значение этого наблюдения выходит за пределы самой концепции взаимной вины: всякий раз, когда лицу вменяется больший объем причиненного вреда либо более высокая степень виновного отношения к содеянному, чем это следует из его реального психического и фактического вклада, нарушается требование справедливого соразмерения уголовной ответственности.

Особая ценность категории степени вины состоит в том, что она препятствует скрытому смещению центра тяжести уголовно-правовой оценки на одни лишь объективные последствия. Право исходит из того, что «объективное вменение, подразумевающее привлечение к ответственности за невиновное причинение вреда, исключается»³. Но одинаково значим и более тонкий вывод: одинаковая оценка неодинаковой виновности методологически приближает правоприменение к скрытому объективному вменению. Если различия в субъективной упречности внутри одной и той же формы вины не принимаются во внимание, то

---

¹ Баумштейн А.Б. Указ. соч. С. 21.

² Канашина О.А. Об уголовной ответственности с учетом взаимной вины // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 5 (106). С. 202.

³ Авдеева О.А., Авдеев В.А. Указ. соч. С. 14.

решающее значение начинают приобретать прежде всего объективные последствия, а не реальная мера отрицательного отношения лица к охраняемым уголовным законом ценностям. Тем самым принцип вины формально сохраняется, но принцип справедливости оказывается реализованным лишь частично.

Именно поэтому степень вины не может быть сведена только к стадии индивидуализации наказания в узком смысле. Она имеет значение уже на уровне общей теории вины и на уровне законодательной дифференциации ответственности. В диссертационном исследовании автора степень вины обоснованно определялась как «оценочная категория, содержащая психологическую и социально-политическую характеристику вины с ее количественной стороны и выражающая меру отрицательного, пренебрежительного или недостаточно внимательного отношения лица, виновного в совершении преступления, к основным социальным ценностям»¹. Именно количественный характер данной категории позволяет использовать ее как инструмент справедливой дифференциации случаев, совпадающих по форме вины, но существенно различающихся по степени выраженности виновного отношения лица к содеянному.

Современная литература также подтверждает необходимость учета вины при построении справедливых правил назначения наказания. Показательно, что в специальном исследовании 2024 г. прямо указано: «Следует согласиться с автором о принципиальной необходимости существования в Общей части УК РФ специального правила назначения наказания с учетом вида вины»². С этим тезисом следует согласиться, но его необходимо дополнить. Для настоящей монографии недостаточно правила, учитывающего только вид вины. Принцип справедливости

---

¹ Баумштейн А.Б. Указ. соч. С. 25.

² Мелюханова Е.Е. Уголовно-правовая категория «вина» // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2024. Т. 34, вып. 3. С. 527.

требует различать не только прямой умысел, косвенный умысел, легкомыслие и небрежность как типизированные формы и виды психического отношения, но и разные степени упречности внутри них. Иначе говоря, справедливое наказание предполагает не только качественную, но и количественную дифференциацию субъективной стороны преступления.

Сказанное позволяет сформулировать общий вывод. Степень вины и принцип справедливости соотносятся как конкретизирующая категория и руководящее начало уголовно-правовой оценки. Без степени вины принцип справедливости оказывается слишком общим и не получает достаточной конкретизации применительно к субъективной стороне преступления. Без принципа справедливости категория степени вины утратила бы свое нормативное назначение и осталась бы лишь описанием различной интенсивности психического отношения. Именно их единство обеспечивает возможность соразмерного вменения, дифференцированной квалификации и индивидуализированного наказания.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, вина остается исходной и базовой субъективной категорией уголовного права. Она выступает обязательным условием уголовной ответственности, имеет психологическое ядро и юридическое значение, но не может быть сведена ни к одному из этих аспектов в отдельности.

Во-вторых, степень вины представляет собой самостоятельную теоретическую категорию. Она выражает количественную характеристику интенсивности и выраженности виновного отношения лица к содеянному внутри конкретной формы и вида вины и потому не тождественна ни самой вине, ни форме вины, ни итоговой уголовно-правовой оценке деяния.

В-третьих, категории «вина», «виновность», «степень вины» и «степени виновности» образуют не набор близких терминов, а внутренне связанную систему. Если вина характеризует субъективное отношение лица к деянию, а степень вины — меру интенсивности этого отношения, то виновность выражает итоговую уголовно-правовую оценку лица как подлежащего ответственности за конкретное деяние, а степени виновности — уровни такой оценки, обусловленные различной выраженностью виновного отношения и иными субъективно значимыми обстоятельствами.

В-четвертых, степень вины не совпадает со степенью общественной опасности преступления, но и не может быть от нее полностью оторвана. Она влияет на общественную опасность через субъективное отношение лица к деянию и его последствиям, образуя вместе с объективными признаками преступления единое, но не тождественное целое.

В-пятых, связь степени вины с принципом справедливости подтверждает ее практическое и методологическое значение. Без учета степени вины невозможно справедливое наказание, а одинаковая оценка неодинаковой виновности ведет к деформации субъективного вменения и приближает правоприменение к скрытому объективному вменению.

В-шестых, именно поэтому степени виновности должны рассматриваться как более широкая системная конструкция, чем степень вины в узком смысле. Эта конструкция объединяет различные уровни итоговой уголовно-правовой оценки лица как субъекта виновного поведения и призвана служить фундаментом для последующего анализа вменения, квалификации содеянного, дифференциации ответственности и назначения наказания. Именно в таком качестве она образует теоретическое основание настоящего исследования.

При уточнении природы вины полезно учитывать тезис Е.В. Юрчак о том, что «Психологическую и оценочную концепции вины не следует,

по моему мнению, рассматривать как противоположные друг другу»¹. Это положение значимо для настоящего исследования, поскольку позволяет избежать как упрощенного психологизма, так и редукции вины к одной лишь внешней юридической оценке.

С этой точки зрения заслуживает внимания и вывод Е.Е. Мелюхановой о том, что «Наиболее общие понятия являются уголовно-правовыми категориями, обеспечивающими структурную организацию понятийно-категориального аппарата уголовного права»². Включение категории степени вины в систему уголовно-правовых категорий тем самым получает дополнительное теоретическое обоснование.

---

¹ Юрчак Е.В. Теория вины в праве : монография / ответственный редактор Т.В. Кашанина. — Москва : Проспект, 2022. С. 59.

² Мелюханова Е.Е. Категоризация в уголовном праве Российской Федерации : монография. — Москва : Юрлитинформ, 2025. С. 97.

РАЗДЕЛ II. КРИТЕРИИ И СИСТЕМА СТЕПЕНЕЙ ВИНОВНОСТИ

Глава 1. Критерии определения степени вины

§ 1. Интеллектуальный критерий

Построение системы степеней виновности невозможно без выделения критериев, позволяющих не только описывать различия между отдельными проявлениями вины, но и юридически значимо измерять их. Первым и методологически исходным среди таких критериев выступает интеллектуальный критерий. Его значение объясняется тем, что именно через сферу сознания и предвидения объективные признаки деяния преобразуются в субъективное отношение лица к содеянному. Поэтому степень вины не может быть установлена без ответа на вопрос о том, насколько полно, глубоко и определенно лицо осознавало фактические обстоятельства совершаемого деяния, его социальный смысл и вероятные последствия. Показательно, что в современной литературе подчеркивается, что «Количественной характеристикой вины является ее степень». Однако для целей настоящего исследования этого общего положения недостаточно: «необходимо показать, какие именно интеллектуальные параметры образуют содержание такой количественной оценки».¹

Законодательная модель вины в ст. 25 и 26 УК РФ исходит из сочетания интеллектуального и волевого моментов. При этом интеллектуальная сторона вины включает не только формальное осознание совершения определенного действия или бездействия, но и внутреннее отражение юридически значимых обстоятельств,

---

¹ Авдеева О.А., Авдеев В.А. Теоретико-методологические и отраслевые аспекты понимания вины как правовой категории // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2024. — № 1 (108). С. 24.

составляющих содержание деяния и возможных последствий. В литературе обоснованно отмечается, «Осознание лицом общественной опасности своих действий (бездействия) и предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий... объединяют в интеллектуальный момент». Для целей теории степеней виновности из этого следует принципиально важный вывод, что «интеллектуальный критерий должен оцениваться не по схеме есть либо нет, а по степени выраженности и содержательной насыщенности соответствующего осознания и предвидения».¹

Прежде всего интеллектуальный критерий охватывает объем осознания фактических обстоятельств деяния. Иными словами, важно установить, насколько полно в сознании субъекта отражаются свойства объекта посягательства, характер совершаемого действия, способ, обстановка, нарушаемые правила, специальные требования предосторожности, а также те фактические элементы, которые делают поведение уголовно значимым. С этой точки зрения сохраняет методологическое значение положение А.И. Рарога о том, что объем и определенность сознания, характер предвидения могут существенно повлиять на степень вины. Поэтому, более высокая степень вины предполагает, как правило, более широкий и конкретный объем осознания тех обстоятельств, которые придают деянию опасный характер. Если лицо осознает лишь отдельные внешние признаки ситуации, но не воспринимает целостную фактическую картину, интеллектуальный критерий выражен слабее, чем в случаях, когда «субъект ясно понимает структуру своего поведения и его связь с нарушением охраняемого уголовным законом интереса».²

---

¹ Набойченко В.В. Вина в умышленных преступлениях (закон, теория, практика) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Саратов, 2016. С. 50.

² Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве : монография. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1987. С. 102.

Кроме того, интеллектуальный критерий включает глубину понимания социальной значимости деяния. Осознание в уголовно-правовом смысле не исчерпывается знанием фактов; оно предполагает и понимание их отрицательного социального значения. Именно поэтому в научной литературе обоснованно отмечается, что осознание общественной опасности является ключевой составляющей умысла. Для теории степеней виновности данное положение особенно важно, поскольку одно и то же по внешним признакам деяние может сопровождаться различной глубиной понимания его антисоциальной направленности. Чем отчетливее лицо осознает, что своими действиями посягает на значимые общественные отношения, тем более выраженным является интеллектуальный элемент его виновного отношения к содеянному. В связи с этим заслуживает внимания и вывод о том, что повышение уровня осознания отражается на возрастании степени вины.

Тем самым глубина «социального понимания деяния выступает не побочным, а центральным показателем интеллектуального критерия».¹

Третьим элементом интеллектуального критерия является характер предвидения последствий. Для уголовно-правовой оценки имеет значение не только сам факт предвидения, но и его модальность: лицо может предвидеть неизбежность или лишь возможность последствий; возможность может восприниматься как реальная либо как более абстрактная; наконец, предвидение может охватывать последствия непосредственно либо через понимание закономерного развития причинной связи. Все это влияет на степень вины. Более интенсивное интеллектуальное отношение, как правило, связано с более ясным и устойчивым предвидением развития ситуации. Напротив, когда прогноз последствий носит расплывчатый, поверхностный или фрагментарный

---

¹ Авдеева О.А., Авдеев В.А. Указ. соч. С. 24; Кораблёва С.Ю., Казакова В.А. Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию преступлений : монография. — Москва : АНО Издательский Дом «Научное обозрение», 2016. С. 55.

характер, это свидетельствует о меньшей определенности интеллектуального отношения, хотя само по себе не устраняет вины.

С характером предвидения тесно связаны определенность либо неопределенность предвидения и степень конкретизации предвидимого вреда. Именно здесь интеллектуальный критерий приобретает особо прикладное значение. А.И. Рарог обоснованно подчеркивал, что виновный предвидит не абстрактный вред своего деяния, а вполне определенный вред. Из этого вытекает важное методологическое следствие: чем более конкретизирован в сознании лица предвидимый вред, тем выше интеллектуальная насыщенность вины. Предвидение некоего отвлеченного неблагоприятного исхода и предвидение смерти, тяжкого вреда здоровью, крупного имущественного ущерба либо иной четко представляемой формы вреда — интеллектуально неравнозначны. Соответственно и степень вины внутри одной формы не может быть одинаковой. Более высокий уровень конкретизации означает, что «субъект не просто предполагал опасность вообще, а соотносил свое поведение с определенным масштабом и содержанием возможного вреда».¹

Особенно сложным является действие интеллектуального критерия в неосторожных преступлениях. Здесь длительное время господствовало представление о том, что осознание общественной опасности отсутствует, а решающее значение имеет только предвидение либо непредвидение последствий. Однако современные исследования убеждают в необходимости более тонкого подхода. В частности, справедливо отмечается, что такое осознание имеет разную степень и объем. Это положение имеет ключевое значение для настоящей монографии. Оно показывает, что даже в рамках преступного легкомыслия интеллектуальная сторона не является однородной: субъект

---

¹ Рарог А.И. Указ. соч. С. 102.

может по-разному осознавать опасность поведения, по-разному представлять развитие причинной связи и в различной степени конкретизировать возможный вред. В еще большей мере это относится к случаям нарушения специальных правил, когда «объем осознания зависит от профессионального статуса лица, его подготовки, опыта, характера нарушаемой обязанности и содержания конкретной ситуации».¹

Из этого следует, интеллектуальный критерий степени вины представляет собой количественно-качественную характеристику отражения в сознании лица фактических обстоятельств деяния, его социального смысла и вероятных последствий. В его содержание входят: объем осознания фактических обстоятельств; глубина понимания социальной значимости деяния; характер предвидения последствий; определенность или неопределенность такого предвидения; степень конкретизации предвидимого вреда. Указанные элементы не подменяют форму вины и не устраняют значения волевого критерия, но позволяют выявить внутреннюю градацию виновного отношения лица к содеянному в пределах одной и той же формы вины. Именно поэтому интеллектуальный критерий должен рассматриваться как первый и базовый элемент системы степеней виновности: через него устанавливается, насколько полно и глубоко объективное содержание преступления было отражено в сознании виновного лица.

§ 2. Волевой критерий

---

¹ Хилюта В.В. Характер осознания в преступной неосторожности: всегда ли он отсутствует? // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2022. — № 2 (88). С. 28.

Если интеллектуальный критерий показывает, что именно было отражено в сознании лица, то волевой критерий позволяет установить, как субъект внутренне отнесся к осознанному и предвидимому результату. Для системы степеней виновности это принципиально важно, поскольку одна и та же интеллектуальная база может сочетаться с различной направленностью воли: от настойчивого стремления к результату до его безразличного принятия либо легкомысленного расчета на его предотвращение. Поэтому волевой критерий фиксирует не абстрактное наличие воли, а меру ее направленности, интенсивность и характер отношения к охраняемым уголовным законом благам.

В современной литературе справедливо подчеркивается, что «волевой критерий правовой оценки содержания вины состоит в психическом отношении лица, предметом которого является отношение к предполагаемым последствиям, которое может проявляться в: 1) сознательном допущении наступления негативных последствий; 2) желании наступления негативных последствий; 3) расчете на предотвращение негативных последствий». Это положение важно не только для описания законодательных формул умысла и неосторожности, но и для построения внутренней шкалы степени вины. Перечисленные варианты волевого отношения не являются равноценными по степени выраженности виновного отношения лица к содеянному: желание результата, его сознательное допущение, безразличное принятие и самонадеянный расчет на предотвращение последствий свидетельствуют о различной глубине волевого включения лица в преступный результат.

Во-первых, волевой критерий включает степень направленности воли на достижение результата. Наиболее высокая ее выраженность характерна для тех случаев, когда преступный результат выступает желаемой целью поведения либо сознательно принимается как необходимое средство достижения другой цели. Чем более последовательно субъект подчиняет свое поведение достижению

общественно опасного результата, тем выше степень вины по волевой линии. В таком понимании различия между волевым стремлением к результату и его попутным принятием имеют не только качественное, но и количественное значение: они показывают, насколько глубоко воля лица сопряжена с причинением вреда.

Следующим элементом волевого критерия является интенсивность желания. Не всякое желание преступного результата одинаково по своей внутренней силе. Оно может быть прямым, устойчивым, заранее сформированным и поддерживаемым всей логикой поведения, а может иметь ситуативный, импульсивный, менее определенный характер. Для уголовно-правовой оценки это означает, что внутри даже прямого умысла возможны разные уровни волевой насыщенности. Поэтому степень вины зависит не только от наличия желания как такового, но и от того, насколько настойчиво, последовательно и энергично субъект стремился к наступлению последствий.

Особое место в структуре волевого критерия занимает степень сознательного допущения последствий. Здесь воля не направлена на достижение результата как желаемой цели, однако субъект внутренне соглашается с возможностью его наступления. Такое отношение нельзя считать нейтральным или психологически слабым по определению. Напротив, в ряде ситуаций сознательное допущение может свидетельствовать о высокой степени выраженности виновного отношения лица к содеянному: субъект осознает риск причинения вреда, однако продолжает избранную линию поведения и фактически принимает опасный исход как допустимую цену своего действия. Чем ниже субъективная значимость охраняемых благ для виновного и чем очевиднее вероятность причинения вреда, тем выше степень вины при сознательном допущении.

С этим тесно связан вопрос о степени безразличия к охраняемым благам. Безразличие не следует понимать как простое отсутствие

эмоциональной реакции. В уголовно-правовом смысле оно означает такое волевое отношение, при котором субъект не придает значения сохранности тех благ, на которые посягает его поведение. Именно поэтому в литературе справедливо указывается, что «в волевой компонент законодатель включает желание наступления общественно-опасных последствий; сознательное допущение или безразличное отношение к таким последствиям; расчет на предотвращение общественно-опасных последствий».¹ Для настоящего исследования это означает, что безразличие представляет собой самостоятельный показатель степени вины: оно демонстрирует меру внутреннего отчуждения лица от ценности охраняемых уголовным законом интересов.

Самостоятельный элемент волевого критерия образует и характер расчета на предотвращение последствий при преступном легкомыслии. Такой расчет не может оцениваться формально — как простая ссылка виновного на надежду избежать вреда. Значение имеет его внутренняя основательность, связь с конкретной обстановкой, реальными возможностями субъекта и теми обстоятельствами, на которые он рассчитывал. Если расчет опирался на минимальные либо явно недостаточные основания, волевой критерий выражен более интенсивно, чем в пограничных случаях, где самонадеянность носит менее грубый характер. Иначе говоря, степень вины при легкомыслии зависит не только от самого факта расчета на предотвращение последствий, но и от качества этого расчета, от степени его отрыва от реальной ситуации и от меры беспечного игнорирования очевидных рисков.

Важным итогом является то, что волевой критерий не сводится к формальному разграничению прямого умысла, косвенного умысла и легкомыслия. Его значение существенно шире: он позволяет выявить внутреннюю градацию виновного отношения лица к содеянному по

---

¹ Филиппова Е.О. Юридическая конструкция вины и ее формы в уголовном праве // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — Т. 9, № 4 (33). С. 370.

степени выраженности его волевого элемента. Именно поэтому волевой критерий должен рассматриваться как необходимый элемент системы степеней виновности наряду с интеллектуальным критерием. Если интеллектуальный критерий отвечает на вопрос, что именно субъект осознавал и предвидел, то волевой критерий раскрывает, насколько он стремился к результату, принимал его, мирился с ним либо самонадеянно рассчитывал его избежать. В совокупности это дает возможность перейти от простого описания форм вины к более точной градации их внутренней выраженности.

Отсюда следует, что волевой критерий степени вины включает: направленность воли на достижение результата; интенсивность желания; степень сознательного допущения последствий; характер расчета на их предотвращение; степень безразличия к охраняемым благам. В совокупности эти элементы позволяют определить, насколько выражен волевой компонент виновного отношения лица к деянию и его последствиям. Именно в таком значении волевой критерий и должен использоваться в предлагаемой системе степеней виновности — как инструмент разграничения различных уровней внутренней причастности субъекта к причиненному им вреду.

§ 3. Мотивационно-целевой критерий

Мотивационно-целевой критерий позволяет оценить степень выраженности виновного отношения лица к содеянному не только через интеллектуальный и волевой элементы вины — то есть через то, что лицо осознавало, чего желало либо что сознательно допускало, — но и через мотив и цель его поведения: ради чего оно действовало и какого результата стремилось достичь. Если интеллектуальный критерий характеризует содержание осознания, а волевой — направленность и

интенсивность волевого отношения, то мотивационно-целевой критерий раскрывает внутреннее побудительное основание поведения и ценностную ориентацию избранной цели. Именно через мотив и цель наиболее рельефно проявляется социальный смысл совершаемого деяния для самого субъекта, а значит — и глубина его отрицательного отношения к охраняемым уголовным законом благам.

В литературе справедливо отмечено, что «всякое сознательное поведение является мотивированным и целенаправленным».¹

Из этого следует принципиально важный для настоящего исследования вывод: мотив и цель не образуют самостоятельной формы вины, но и не могут рассматриваться как случайные или безразличные для уголовно-правовой оценки обстоятельства. Их значение особенно заметно тогда, когда законодатель прямо включает мотив или цель в диспозицию статьи Особенной части УК РФ. Однако и за пределами таких случаев они сохраняют серьезное значение для измерения степени вины, поскольку позволяют выявить действительную направленность поведения, устойчивость преступного намерения, глубину антисоциальной ориентации и конкретный смысл, который лицо придавало своим действиям.

Характерно, что указывается и на то, что «мотив и цель — это признаки субъективной стороны преступления, неразрывно связанные с виной».²

Одновременно данная связь не должна вести к отождествлению мотивационно-целевых признаков с самой виной. Более обоснованным является подход, согласно которому «мотив и цель не следует включать в содержание вины ввиду того, что данные категории никаким образом не

---

¹ Кораблёва С.Ю., Казакова В.А. Указ. соч. С. 31.

² Кораблёва С.Ю., Казакова В.А. Указ. соч. С. 33.

связаны с ее составляющими признаками, которыми выступают воля и интеллект».¹

Иначе говоря, мотив и цель не совпадают с интеллектуальным и волевым моментами вины, но во многом определяют их конкретное содержание в соответствующей жизненной ситуации. Поэтому мотивационно-целевой критерий должен рассматриваться как самостоятельный критерий определения степени вины: не как замена формы вины, а как показатель глубины, направленности и характера виновного отношения лица к содеянному в пределах уже установленной формы и вида вины.

Такой подход имеет и практическое подтверждение. По точному замечанию О.Д. Ситковской, «установление мотива, цели, эмоционального компонента существенно дополняет содержательный анализ интеллектуального и волевого моментов вины, что в свою очередь позволяет рассмотреть вопрос о степени вины субъекта, совершившего общественно опасные действия».²

Именно поэтому корыстный, насильственный, экстремистский, эгоистический, карьеристский, мстительный и иные подобные мотивы, как правило, указывают на более высокую степень вины, поскольку раскрывают повышенную антисоциальную направленность виновного отношения лица к содеянному. Их значение определяется не самой словесной маркировкой мотива, а тем, что они свидетельствуют о большей глубине деформации ценностных ориентаций, об инструментальном отношении к личности и иным охраняемым благам, о более последовательном подчинении поведения антисоциальной цели. Чем более осознанно лицо подчиняет свое поведение такому мотиву и чем

---

¹ Авдеева О.А., Авдеев В.А. Указ. соч. С. 22.

² Ситковская О.Д. Психология вины и ответственности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2019. — № 1 (69). С. 92.

более значима для него преступная цель, тем выше степень вины внутри одной и той же формы вины.

В то же время отсутствие низменного мотива не устраняет вину как таковую. Оно не превращает преступление в невиновное причинение вреда и не исключает уголовной ответственности, если установлены все необходимые признаки состава преступления. Однако отсутствие корыстной, насильственной либо иной явно антисоциальной мотивации способно снижать степень вины, поскольку меняет внутренний смысл деяния и позволяет более точно оценить меру отрицательного отношения лица к охраняемым уголовным законом ценностям. Одно и то же по внешним признакам деяние, совершенное из корысти, мести, карьеристских побуждений либо под влиянием ошибочно понятой заботы о близком, зависимости, страха, ложной солидарности или иной конфликтной жизненной ситуации, может существенно различаться по степени вины, поскольку мотив и цель раскрывают различную направленность виновного отношения лица к содеянному.

Как справедливо подчеркивается в психологической литературе по уголовному праву, так, «не зная мотива, невозможно решить, на что направлен умысел, почему он возник, ситуативен он или заранее обдуман».¹

Поэтому, мотивационно-целевой критерий включает: содержание и направленность внутреннего побуждения; характер и социальную значимость желаемой цели; степень антисоциальности мотива; соотношение основной цели и побочных последствий; устойчивость мотивационно-целевой установки; связь цели с избранными средствами достижения результата. Этот критерий особенно важен для разграничения внешне сходных деяний, для оценки различной интенсивности умысла, для дифференциации степени вины в ситуациях

---

¹ Ситковская О.Д. Указ. соч. С. 32.

косвенного умысла и преступного легкомыслия, а также для справедливой индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

§ 4. Эмоционально-ситуативный критерий

Построение системы степеней виновности требует учета не только интеллектуальных, волевых и мотивационно-целевых параметров, но и эмоционально-ситуативных условий, в которых формируется и реализуется преступное решение. Однако данный критерий требует особой осторожности. Эмоциональное состояние лица и особенности ситуации не образуют самостоятельной формы вины и не должны механически включаться в ее законодательное содержание. Их уголовно-правовое значение заключается в том, что они могут влиять на интенсивность осознания, характер волевого контроля и степень выраженности виновного отношения лица к содеянному в рамках вменяемого поведения.

В современной литературе обоснованно отмечается, что эмоциональный компонент находится за пределами уголовно-правовой категории вины и представляет собой в отдельных составах преступлений мотивообразующий признак субъективной стороны преступления. Эта позиция заслуживает поддержки постольку, поскольку она препятствует размыванию самой категории вины и смешению ее с иными психическими явлениями. Тем не менее из этого не следует, что «эмоции и особенности ситуации безразличны для оценки степени вины».¹

---

¹ Филиппова, Е.О. Юридическая конструкция вины в уголовном праве России: становление и история развития, понятие и содержание / Е.О. Филиппова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — Т. 9, № 4 (33). С. 371.

Как справедливо подчеркивается и в диссертационной литературе, эмоции, являясь признаком субъективной стороны преступления, могут существенным образом влиять на степень общественной опасности преступления. Поэтому, эмоционально-ситуативный критерий действует не как самостоятельная форма виновного отношения, а как «модификатор интенсивности уже установленного интеллектуально-волевого процесса».¹

Наиболее очевидно значение данного критерия проявляется в состоянии аффекта. В психолого-правовой литературе отмечено, что на высоте аффекта возникает частичное сужение сознания – человек не может осознать в полной мере окружающую обстановку, реальную ситуацию, его восприятие отличается фрагментарностью и неполнотой. Для уголовного права из этого вытекает не устранение вины как таковой, а снижение уровня осознанности и самоконтроля при сохранении вменяемости. Именно поэтому аффект не исключает уголовную ответственность, но может существенно снижать степень вины, поскольку влияет на интеллектуальный и волевой компоненты виновного отношения лица к содеянному.²

Не менее важны стрессовая ситуация, конфликтность, внезапность и дефицит времени на принятие решения. Эти обстоятельства не тождественны аффекту, однако способны в разной степени сужать возможность спокойного взвешивания альтернатив и ослаблять полноту волевого контроля. По точному замечанию О.Д. Ситковской, «к числу факторов, снижающих уровень контроля и осознанности поведения в рамках вменяемости, относятся возникающие в особых экстремальных ситуациях различные психические состояния, такие как нервно-психическое напряжение, потеря ориентации, растерянность. В подобных условиях лицо сохраняет способность осознавать значение своих

---

¹ Набойченко В.В. Указ. соч. С. 51.

² Кораблёва С.Ю., Казакова В. А. Указ. соч. С. 95.

действий и руководить ими, но эта способность реализуется при существенно менее благоприятных внутренних и внешних предпосылках».¹

То же относится и к психотравмирующим обстоятельствам, не исключаям вменяемость. Если они устойчиво деформируют процесс принятия решения, усиливают импульсивность поведения, обостряют конфликтное восприятие ситуации либо резко ограничивают время на оценку последствий, они подлежат учету при определении степени вины. О.Д. Ситковская обоснованно пишет: «Все названные группы случаев определяют психологический механизм преступного поведения, который связан с совершением противоправных действий в условиях, существенно ограничивающих (извне или внутри-лично) способность осознавать социальное значение своих действий и руководить ими, и, следовательно, оказывает влияние на степень вины».²

Следует подчеркнуть, однако, что эмоционально-ситуативный критерий не может рассматриваться как универсальное основание для автоматического снижения степени вины. Конфликт, переживание, усталость, нервно-психическое напряжение или дефицит времени приобретают уголовно-правовое значение лишь тогда, когда реально влияют на уровень осознанности, характер волевого контроля и степень выраженности виновного отношения лица к содеянному. Юридическое значение имеют лишь те состояния и обстоятельства, которые действительно повлияли на осознание социальной значимости деяния, на характер предвидения и на степень волевого самоконтроля. Поэтому в каждом случае требуется индивидуализированная оценка: суд должен установить не просто наличие эмоционального напряжения, а его реальное влияние на интеллектуально-волевой механизм преступного поведения.

---

¹ Ситковская О.Д. Указ. соч. С. 92.

² Ситковская О.Д. Указ. соч. С. 92.

Как справедливо отмечено в психологической литературе по уголовному праву, выяснение характера субъективного переживания, отношения к ситуации совершения преступления (в широком смысле слова), безусловно, значимо для оценки вины в любом случае. Именно этим и определяется «самостоятельное значение эмоционально-ситуативного критерия в системе степеней виновности».¹

Поэтому эмоционально-ситуативный критерий включает: состояние аффекта; стрессовую или конфликтную ситуацию; внезапность развития событий; дефицит времени на принятие решения; психотравмирующие обстоятельства, которые не исключают вменяемость, но влияют на интенсивность осознания и характер волевого контроля. Его функция заключается не в подмене вины и не в превращении эмоциональных процессов в самостоятельную форму виновности, а в более точной оценке степени выраженности виновного отношения лица к содеянному в конкретной жизненной ситуации.

§ 5. Личностно-ролевой критерий

Личностно-ролевой критерий завершает систему базовых критериев степени вины, поскольку позволяет учитывать не только то, что лицо осознавало и как относилось, но и то, *каким именно субъектом* оно выступало в конкретной ситуации. Для уголовно-правовой оценки существенно, обладало ли лицо профессиональными знаниями и навыками, имело ли специальную подготовку, какой объем обязанностей на него был возложен, каков был его специальный статус, каков его предшествующий опыт и знание об опасности, а также могло ли оно предвидеть последствия именно в силу своей профессии, должности или

---

¹ Ситковская О.Д. Указ. соч. С. 92.

компетенции. Данный критерий особенно значим применительно к неосторожным преступлениям, связанным с нарушением специальных правил, однако не исчерпывается ими. В ряде случаев он позволяет точнее оценить и умышленное поведение: специальное знание может усиливать осознанность посягательства и тем самым повышать степень вины.

В доктрине степень вины обоснованно рассматривается как количественная характеристика интенсивности и выраженности виновного отношения лица к содеянному, степень вины обоснованно рассматривается как количественная характеристика интенсивности и выраженности виновного отношения лица к содеянному, зависящая от совокупности интеллектуально-волевых и личностных параметров поведения. Показательно, что в современной литературе подчеркивается: «Критериями правового понимания вины следует считать качественные и количественные характеристики, в том числе ее сущность, содержание, степень, форму и объем». Это положение имеет прямое значение для личностно-ролевого критерия. Если специальный статус лица расширяет объем его профессионального знания и увеличивает возможность точного прогноза опасных последствий, то и «количественная характеристика вины не может оставаться на том же уровне, что и у обычного участника отношений, не наделенного подобной компетенцией».¹

Профессиональные знания и специальная подготовка сами по себе не образуют самостоятельной формы вины и не подменяют ее содержания. Однако они изменяют меру субъективной упречности, поскольку определяют более высокий стандарт осознания опасности и предвидения вреда. В преступлениях, связанных с источниками повышенной опасности, медицинской деятельностью, транспортом, экологической безопасностью, оборотом оружия, цифровыми системами управления, должностным администрированием, лицо действует не как

---

¹ Авдеева О.А., Авдеев В.А. Указ. соч. С. 12.

абстрактный субъект, а как носитель специальной компетенции. Поэтому игнорирование им очевидных профессиональных рисков свидетельствует не просто о факте нарушения правил, но и о более глубокой деформации отношения к охраняемым благам. Чем выше уровень профессиональной подготовленности и чем более определенно лицо знало характер угрозы, тем выше степень вины при прочих равных условиях.

Особенно наглядно это проявляется в неосторожных преступлениях, совершаемых при нарушении специальных инструкций и регламентов. В монографической литературе справедливо отмечено, что предвидение, связанное со знанием этой инструкции, не есть предвидение в чистом виде, это уже долженствование и возможность предвидения, характерные для небрежности. Данная формула чрезвычайно важна. Она показывает, что профессионально обусловленное знание об опасности переводит вопрос о вине из плоскости абстрактного психологического рассуждения в плоскость конкретной ролевой обязанности лица. Если субъект по своему статусу обязан контролировать ситуацию, понимать риск и предотвращать вред, то его «непредвидение последствий оценивается строже, чем непредвидение со стороны лица, которое не обладало аналогичным объемом компетенции».¹

С этим напрямую связан и объем обязанностей. Чем более специализированы, конкретизированы и нормативно закреплены обязанности лица, тем более определенно очерчен круг обстоятельств, которые оно должно было учитывать. В таком понимании личностно-ролевой критерий неразрывно связан с интеллектуальным и волевым критериями, но не поглощается ими. Он отвечает не столько на вопрос о том, что лицо фактически осознавало, сколько на вопрос о том, почему степень его вины должна оцениваться именно таким образом. Наличие у субъекта специальных обязанностей повышает значимость охраняемого

---

¹ Кораблёва С.Ю., Казакова В.А. Указ. соч. С. 137.

стандарта поведения и одновременно увеличивает уголовно-правовой вес допущенного отклонения от этого стандарта.

Значение имеет и предшествующее знание об опасности. Если лицу ранее указывалось на риск, если оно проходило инструктаж, обучение, аттестацию, если ему были известны прежние инциденты, дефекты оборудования, типовые аварийные сценарии или иные обстоятельства, раскрывающие опасный характер ситуации, то последующее причинение вреда характеризуется более высокой степенью вины. В такой ситуации возрастает не только возможность предвидения вредных последствий, но и уголовно-правовой вес игнорирования ранее усвоенного знания об опасности. В собственной диссертационной работе по вопросам вины верно отмечалось, вслед за А.И. Рарогом, что «особенности объекта и объективной стороны, а иногда и особые свойства предмета посягательства оказывают влияние на степень вины через содержание умысла или неосторожности»¹. Для настоящей монографии этот тезис следует развить: специальные правила, должностные функции, профессиональные инструкции и накопленный опыт не механически добавляются к вине извне, а входят в ее оценку через конкретное содержание осознания, предвидения и волевого отношения лица к опасности.

Важнейшим элементом личностно-ролевого критерия выступает специальный статус субъекта. Речь идет не только о признаках специального субъекта в законодательном смысле, но и о более широком наборе ролевых позиций: должностное лицо, водитель-профессионал, медицинский работник, инженер, оператор, командир, руководитель работ, педагог, лицо, ответственное за безопасность или сохранность значимых благ. Специальный статус означает, что общество и право обоснованно ожидают от такого лица более высокого уровня

---

¹ Баумштейн А.Б. Вина, ее формы и их регламентация в составах экологических преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 29.

внимательности, предусмотрительности, точности оценки ситуации и готовности к предотвращению вреда. Поэтому, одинаковый по внешнему результату вред, причиненный обычным лицом и лицом, специально обученным предотвращать такой вред, не может получать идентичную оценку степени вины.

При этом личностно-ролевой критерий требует осторожного применения. Он не должен вести к объективному вменению и не может подменять доказанность вины ссылкой на одну только должность или профессию. Недостаточно констатировать, что субъект занимал ответственное положение; необходимо установить, какие именно знания, навыки, регламентированные обязанности и реальные возможности предвидения были у него в конкретной ситуации. Именно поэтому правильным представляется подход, при котором личностно-ролевые свойства учитываются не как автономное основание ответственности, а как фактор количественной оценки уже установленного психического отношения. В противном случае возникал бы риск наказания не за виновное отношение к деянию, а за сам факт принадлежности к определенной профессиональной или должностной группе.

Именно здесь показателен новейший вывод В.А. Губко, о том, что «используемые судами формулы вроде «не мог не знать» имеют доказательственное значение лишь постольку, поскольку фактические обстоятельства позволяют заключить, что лицо действительно знало о нарушаемых требованиях, а не просто должно было знать о них в силу должности или опыта».¹ Для теории степеней виновности это особенно важно, поскольку «личностно-ролевой критерий усиливает меру упрека только тогда, когда профессиональный статус трансформируется в

---

¹ Губко, В.А. Вина как признак преступления в сфере экономической деятельности : диссертация ... кандидата юридических наук : 5.1.4 / В.А. Губко. — Москва, 2025. С. 138.

реально установленный объем осознания, а не в скрытую презумпцию виновности».¹

В то же время полное игнорирование личностно-ролевых параметров столь же ошибочно. Оно нивелировало бы различия между субъектами, находящимися в объективно неравном положении по отношению к риску, и создавало бы иллюзию одинаковой виновности там, где она в действительности различна. Как справедливо подчеркивается в психологико-правовой литературе, реализация справедливого подхода предполагает учет неодинаковости людей, степени свободы их поведения. В приложении к рассматриваемой проблеме это означает необходимость учитывать не абстрактную лучшую осведомленность вообще, а конкретную ролевую способность субъекта понимать характер угрозы и воздействовать на ситуацию. «Чем более обоснованно от лица ожидалось профессионально компетентное предупреждение вреда, тем более высока степень его вины при необоснованном игнорировании этой обязанности».²

Отсюда следует, что личностно-ролевой критерий включает: уровень профессиональных знаний и специальных навыков; наличие профильной подготовки и инструктажа; объем и конкретность нормативно закрепленных обязанностей; специальный статус лица; его практический опыт; предшествующее знание об опасности; реальную способность предвидеть последствия именно в силу профессии, должности или компетенции. Этот критерий не подменяет форму вины и не превращает профессиональное положение лица в самостоятельный источник уголовной ответственности. Его назначение состоит в ином — дать инструмент для более точной оценки степени вины в тех случаях, когда специальная роль субъекта объективно усиливает требования к качеству его осознания, предвидения и волевого самоконтроля.

---

¹ Губко, В.А. Там же. С. 139.

² Ситковская О.Д. Указ. соч. С. 88.

§ 6. Отражение объективных обстоятельств в сознании субъекта

Отражение объективных обстоятельств в сознании субъекта образует самостоятельный критерий определения степени вины, поскольку позволяет установить, в какой мере лицо восприняло и интеллектуально охватило внешние признаки совершаемого деяния. Для настоящего исследования принципиально важно подчеркнуть, что сами по себе объективные последствия, способ действия, свойства предмета посягательства, обстановка, длительность нарушения либо масштаб причиненного вреда не равны степени вины. Они приобретают значение лишь постольку, поскольку были осознаны, предвиделись или должны были и могли быть осмыслены конкретным субъектом в момент поведения. Иначе говоря, объективное влияет на степень вины не непосредственно, а через его психическое отражение в сознании лица.

Это обстоятельство верно подмечено и в современной доктрине, где отмечается, что «содержание вины, выступая качественным признаком, позволяет установить осознание лицом вида и характера объектов посягательств, влекущих социально-негативные последствия».¹ Данная позиция важна тем, что связывает юридическое значение внешних обстоятельств не с их простой констатацией, а с тем, как они входят в содержание интеллектуального элемента вины.

Близкий по смыслу вывод сформулирован и в монографической литературе: «субъективный – в сознании лица отражаются все факторы и обстоятельства, характеризующие его деяние как отклоняющееся».² Из этого следует, что объективные признаки деяния могут усиливать либо ослаблять степень вины только тогда, когда они были восприняты

---

¹ Авдеева О.А., Авдеев В.А. Указ. соч. С. 24.

² Кораблёва С.Ю., Казакова В.А. Указ. соч. С. 50.

субъектом как свойства собственного поведения, а не остались внешним для него фактом.

Из этого следует важное следствие: тяжесть наступивших последствий сама по себе не совпадает со степенью вины. Один и тот же по объективной тяжести результат может быть причинен при различной глубине осознания обстоятельств дела, различной определенности предвидения и различной степени конкретизации ожидаемого вреда. Поэтому ошибка состояла бы как в полном отрыве степени вины от объективной стороны, так и в их фактическом отождествлении. В первом случае игнорировалась бы реальная связь психического отношения с внешней ситуацией, во втором — происходила бы подмена субъективного вменения оценкой одного лишь результата.

Особенно наглядно данная зависимость проявляется при анализе предвидения последствий. Показательно, что в современной литературе подчеркивается, что «предвидение общественной опасности последствий возможно только при осознании опасности самих действий».¹ Этот тезис методологически важно и для общей теории степеней виновности: чем полнее лицо осознает опасный характер собственного деяния и его причинно-следственный потенциал, тем выше может быть степень вины при прочих равных условиях.

Заслуживает внимания и экономическая интерпретация данной зависимости. О.Н. Бибик пишет, что «чем больше риск, тем больше степень вины субъекта».² Для теории критериев это важно не как предложение свести вину к вероятностному расчету, а как подтверждение того, что интенсивность интеллектуального отношения возрастает вместе с конкретностью и реальностью осознаваемого риска.

---

¹ Хилюта В.В. Указ. соч. С. 28.

² Бибик О.Н. Экономический подход при исследовании категории вины в уголовном праве // Правоприменение. 2018. Т. 2, № 4. С. 100.

Именно поэтому объективные обстоятельства должны анализироваться в плоскости их психического отражения. Для определения степени вины имеют значение не сами по себе предмет посягательства, характер последствий, способ совершения деяния, вид нарушенного правила или наличие предшествующих предупреждений, а то, насколько все эти обстоятельства были включены в сферу сознания субъекта. Если лицо знало о дефектности оборудования, видело нарушение технологического режима, осознавало уязвимость потерпевшего, понимало запретный характер способа действия либо предвидело особую тяжесть возможного вреда, то соответствующие объективные признаки усиливают степень вины именно потому, что они стали элементами его внутреннего отношения к деянию.

Обратная ситуация также показательна. Даже значительный объективный вред не может автоматически означать высокую степень вины, если конкретные свойства ситуации не были и не могли быть адекватно отражены в сознании лица. В таких случаях уголовно-правовая оценка должна исходить из пределов фактического осознания и реальной возможности предвидения, а не из ретроспективной оценки уже наступившего результата. Тем самым сохраняется субъективный характер исследуемой категории и исключается скрытое объективное вменение.

Из этого следует, отражение объективных обстоятельств в сознании субъекта выступает необходимым каналом связи между внешней стороной преступления и степенью вины. Объективное и субъективное в преступлении образуют единство, но не совпадают: первое задает фактическую основу оценки, второе определяет ее внутренний предел. Поэтому объективные признаки могут влиять на степень вины только через их осознание, предвидение, оценку и волевое принятие либо игнорирование субъектом. Именно в таком понимании и сохраняется подлинно субъективный характер категории степени вины.

§ 7. Недопустимые критерии

Выявление позитивных критериев степени вины само по себе еще не решает задачу построения целостной доктринальной модели. Не менее важно определить те основания, которые не могут быть использованы для вывода о большей или меньшей степени вины. Без такой отрицательной части теория легко утрачивает определенность: количественная характеристика виновного психического отношения начинает смешиваться то с тяжестью результата, то с общественным резонансом, то с общим впечатлением о личности виновного. Поэтому система критериев степени вины должна включать не только дозволенные, но и недопустимые критерии.

Во-первых, степень вины недопустимо выводить только из тяжести наступивших последствий. Последствия, безусловно, имеют уголовно-правовое значение, однако сами по себе они еще не раскрывают глубину субъективного отношения лица к содеянному. Это значение точно обозначено в классической доктрине. Особенности объекта и объективной стороны, а иногда и особые свойства предмета посягательства оказывают влияние на степень вины через содержание умысла или неосторожности. Поэтому, тяжесть вреда может повышать или понижать степень вины лишь постольку, поскольку она охватывалась сознанием лица, предвиделась им в определенном объеме и соотносилась с его волевым отношением к возможному результату. Иное решение означало бы «подмену субъективного критерия объективным масштабом вреда».¹

---

¹ Парог А.И. Указ. соч. С. 102.

Именно поэтому в современной литературе степень вины определяется как величина, имеющая собственное субъективное содержание. Так, справедливо отмечается, что степень вины – это количественная социально-психологическая характеристика вины, выражающая меру отрицательного, пренебрежительного или недостаточно предусмотрительного отношения субъекта к личности, обществу или государству, проявившегося в совершении правонарушения. В приведенной формуле существенны два момента. Во-первых, речь идет именно о характеристике вины, а не о характеристике одних лишь последствий. Во-вторых, количественное измерение связывается с мерой отрицательного отношения, то есть с субъективной стороной деяния. Поэтому «тяжесть последствий без анализа их психического охвата не может выступать самостоятельным критерием степени вины».¹

Не может служить самостоятельным критерием степени вины и общественный резонанс содеянного. Общественный резонанс выражает главным образом силу социальной реакции на преступление, его восприятие в общественном мнении, а иногда и актуальные приоритеты уголовной политики. Однако резонанс преступления и степень вины относятся к категориям различного порядка: первый характеризует внешний социальный эффект деяния, вторая — внутреннюю степень выраженности виновного отношения лица к содеянному. Их отождествление привело бы к тому, что идентичные по форме и степени вины деяния получали бы различную уголовно-правовую оценку лишь в зависимости от общественного внимания, медийного освещения или политической чувствительности соответствующей сферы. Подобная логика несовместима с принципом вины и с требованием

---

¹ Авдеева О.А., Авдеев В.А. Теоретико-методологические и отраслевые аспекты понимания вины как правовой категории // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2024. — № 3 (110). С. 24.

индивидуализации ответственности на основе конкретного психического отношения лица к деянию и его последствиям.

Столь же недопустимо выводить степень вины только из личности виновного вне связи с деянием. Личность субъекта действительно имеет значение для уголовного права, но не как самостоятельный заменитель анализа вины. Для настоящего исследования релевантны лишь те личностные особенности, которые воздействуют на осознание, предвидение, выбор варианта поведения, расчет на предотвращение вреда и иные элементы субъективной стороны. В противном случае возникает риск переноса в сферу степени вины общих характеристик лица, не связанных с механизмом конкретного преступления. Характерно, что в монографической литературе прямо подчеркивается, что включение признаков субъекта в содержание вины все-таки следует признать излишним. Отсюда следует, социальный портрет лица, его репутация, образ жизни либо иные сведения общего характера не могут сами по себе повышать или снижать степень вины, если они «не раскрывают структуру его психического отношения именно к данному деянию».¹

Сказанное непосредственно связано с запретом объективного вменения. Как справедливо отмечено в современной литературе, «объективное вменение, т.е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается».² Если же степень вины будет определяться по внешним данным о личности без анализа того, как эти свойства проявились в конкретной интеллектуально-волевой деятельности субъекта, то формально сохраняя язык субъективной стороны, правоприменитель фактически станет оценивать не вину, а личность как таковую. Такой подход недопустим. Он несовместим и с принципом вины, и с тем понятийным аппаратом, который выстраивается в настоящей монографии.

---

¹ Кораблёва С.Ю., Казакова В.А. Указ. соч. С. 30.

² Ситковская О.Д. Указ. соч. С. 89.

Нельзя выводить степень вины и только из посткриминального поведения. Добровольное возмещение ущерба, раскаяние, попытки скрыться, давление на потерпевшего, уничтожение следов преступления и иные действия после совершения деяния, безусловно, обладают уголовно-правовым значением. Они могут использоваться как доказательственные ориентиры, характеризовать отношение лица к уже наступившим последствиям, учитываться при назначении наказания, а в ряде случаев — при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности. Однако все эти обстоятельства возникают после завершения того психического процесса, который образует вину в момент совершения деяния. Поэтому посткриминальное поведение способно дополнять оценку личности и наказания, но не может обратным образом создавать или изменять уже состоявшуюся степень вины. Иначе говоря, оно может иметь производное, но не исходное значение.

Наконец, степень вины недопустимо выводить только из моральной неприязни к деянию. Моральная оценка преступления в уголовном праве неизбежна, но она не должна подменять собой анализ конкретных интеллектуальных, волевых, мотивационных и ситуационных признаков. Если степень вины будет определяться исключительно по тому, насколько отвратительным представляется содеянное, то правоприменение неизбежно утратит критерий проверяемости. В этом случае различаться будет не глубина психического отношения лица к охраняемым благам, а сила эмоциональной реакции суда, общества или исследователя. Между тем даже признавая наличие оценочного элемента в вине, современная теория исходит из того, что правоприменитель не вправе растворять вину в одной лишь нравственной реакции. Степень вины как количественная характеристика субъективной упречности требует опоры на юридически значимые признаки, а не на эмоционально окрашенное неодобрение.

Показательно, что даже в работах о взаимной вине критерии предлагается делить на объективные и субъективные; к последним О.А. Канашина относит «степень пренебрежения правилами безопасности, мотивы и цели поведения лиц».¹ Отсюда следует, и в специальных конструкциях оценка виновности должна опираться на проверяемые юридически значимые признаки, а не на моральное негодование.

Итак, к числу недопустимых критериев степени вины относятся: тяжесть последствий, взятая сама по себе; общественный резонанс, не соотнесенный с психическим отношением субъекта; личность виновного вне связи с механизмом деяния; посткриминальное поведение как самостоятельный источник вывода о большей или меньшей виновности; а также абстрактная моральная неприязнь к совершенному. Все эти обстоятельства могут иметь различное значение для уголовно-правовой оценки в широком смысле, но не могут подменять собой анализ самой вины. Их допустимое использование возможно только в пределах той связи, в которой они раскрывают или подтверждают содержание субъективной стороны конкретного преступления.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что степень вины является не случайной оценочной формулой, а самостоятельной уголовно-правовой категорией, характеризующей количественную сторону виновного отношения лица к содеянному. Ее установление невозможно путем ссылки на какой-либо один признак. Только совокупный анализ интеллектуального, волевого, мотивационно-целевого, эмоционально-ситуативного, личностно-ролевого критериев, а также особенностей психического отражения объективных обстоятельств преступления позволяет достоверно установить реальную интенсивность виновного отношения лица к содеянному.

---

¹ Канашина О.А. Об уголовной ответственности с учетом взаимной вины // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 5 (106). С. 201.

В то же время глава показала, что формирование системы критериев требует не только позитивного, но и негативного определения границ. Именно поэтому в состав разработанного инструментария включены и недопустимые критерии. Степень вины не может определяться исключительно тяжестью последствий, общественным резонансом, общей характеристикой личности, посткриминальным поведением либо моральной неприязнью к деянию. Указанные обстоятельства способны влиять на иные элементы уголовно-правовой оценки, но для вывода о степени вины они допустимы лишь постольку, поскольку отражены в сознании субъекта или непосредственно связаны с механизмом его психического отношения к преступлению.

Главный результат главы состоит в том, что в ней сформирована рабочая система критериев степени вины. Эта система, с одной стороны, сохраняет субъективный характер исследуемой категории, а с другой — делает возможным ее практическое применение в законотворчестве, квалификации содеянного и назначении наказания. Именно на основе выявленных критериев становится возможным переход к следующему этапу исследования — построению уровней и системы степеней виновности как более широкой конструкции, отражающей итоговую уголовно-правовую оценку виновного отношения лица к содеянному.

Для обоснования самой идеи внутренней неоднородности вины показателен вывод Е.В. Юрчак о том, что «в одном случае вина может быть более значительной, чем в другом, притом, что форма вины будет одной и той же».¹ Данный тезис непосредственно поддерживает необходимость построения системы критериев степени вины внутри одной и той же законодательной формы.

Не менее важным представляется и следующее положение того же автора, что «степень вины зависит от объективных обстоятельств

---

¹ Юрчак Е.В. Теория вины в праве : монография / ответственный редактор Т.В. Кашанина. — Москва : Проспект, 2022. С. 126.

правонарушения, характера общественно вредного деяния, особенностей психического отношения к действию или бездействию, мотива и цели, обстоятельств, характеризующих личность виновного, причин или условий, повлиявших на формирование умысла или обусловивших содержание неосторожного деяния, и т.д».¹ Данный перечень ценен прежде всего как подтверждение многофакторности оценки степени вины, хотя каждый из названных факторов требует дополнительной уголовно-правовой фильтрации.

Глава 4. Градуированная система виновности: уровни, модели и переходные зоны

§ 1. Недостаточность традиционного деления вины на умысел и неосторожность

Теоретическое обсуждение степени виновности неизбежно начинается с вопроса о пределах традиционного деления вины на умысел и неосторожность. Это деление закреплено в действующем уголовном законе и образует нормативное ядро института вины: в силу ст. 24 УК РФ виновным может быть признано лишь лицо, совершившее деяние умышленно либо по неосторожности; содержание умысла раскрыто в ст. 25 УК РФ, содержание неосторожности — в ст. 26 УК РФ, а ст. 27 УК РФ специально регулирует случаи преступлений с двумя формами вины. Уже из этого следует исходный методологический вывод: отрицание двучленной модели означало бы отрицание действующего закона. Однако

---

¹ Юрчак Е.В. Указ. соч. С. 126.

столь же ошибочным было бы считать, что указанная двучленная конструкция исчерпывает все уголовно-правовое содержание субъективного вменения.

Именно в этой точке возникает ключевая проблема настоящего исследования. Законодательно закрепленная дихотомия выполняет функцию основного классификационного каркаса, однако не дает исчерпывающего ответа на вопрос о внутренней неоднородности виновного отношения лица к деянию и его последствиям. Практика индивидуализации ответственности, квалификации смежных составов и назначения наказания постоянно сталкивается с тем, что деяния, формально относимые к одной и той же форме вины, могут существенно различаться по степени вины, то есть по интенсивности и выраженности виновного отношения лица к содеянному. Следовательно, двучленная модель необходима, но недостаточна: она очерчивает границы, однако не исчерпывает шкалу уголовно-правовой оценки внутри этих границ.

В отечественной литературе мысль о том, что установление умысла или неосторожности еще не исчерпывает всей проблемы виновности, была сформулирована достаточно определенно. Б.С. Утевский писал, что «вопрос о степенях вины лежит за рамками признания наличия умысла или неосторожности».¹ Эта формула сохраняет методологическую значимость и применительно к современному уголовному праву. Она не разрушает двучленную модель, а указывает на ее собственные пределы: закон фиксирует основные формы вины, однако наука и правоприменение неизбежно выходят к проблеме различий внутри каждой из них.

Из этого следуют два важных вывода. Во-первых, признание степени виновности не означает создания третьей формы вины наряду с умыслом и неосторожностью. Подобная конструкция противоречила бы буквальному смыслу уголовного закона. Во-вторых, отрицание

---

¹ Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. С. 72.

внутренних различий в пределах одной формы вины фактически приводит к чрезмерному упрощению действительности и затрудняет объяснение того, почему законодатель, судебная практика и доктрина постоянно используют категории большей или меньшей степени вины, направленности умысла, характера предвидения, глубины неосмотрительности, интенсивности волевого отношения и иных градационных признаков.

П.С. Дагель и Р.И. Михеев справедливо подчеркивали, что «совокупность формы и содержания вины определяет степень его вины».¹ В этом суждении принципиально важно именно сочетание формы и содержания. Форма вины отвечает на вопрос о виде психического отношения лица к деянию и его последствиям, но не исчерпывает оценки его конкретной содержательной наполненности в индивидуальном случае. Поэтому квалификационная типология вины и оценка ее степени соотносятся как взаимосвязанные, но не тождественные уровни уголовно-правового анализа.

Недостаточность двучленной модели особенно наглядна применительно к умышленной вине. Уже сам закон различает прямой и косвенный умысел. Однако этим различия внутри умышленной виновности не исчерпываются. Практически значимыми оказываются: степень определенности предвидения результата; характер направленности воли на наступление последствий; степень продуманности решения; устойчивость преступной мотивации; соотношение заранее сформированного намерения и внезапно возникшего умысла; отношение лица к возможному расширению вреда за пределы первоначального плана. Все эти обстоятельства не отменяют умысел как форму вины, но существенно влияют на степень вины,

---

¹ Дагель П.С., Михеев Р.И. Установление субъективной стороны преступления : учеб. пособие. Владивосток, 1972. С. 17.

поскольку раскрывают различную интенсивность и направленность виновного отношения лица к содеянному.

А.И. Рарог обоснованно отмечал: «Различие в интенсивности и определенности интеллектуальных и волевых процессов определяет форму вины»¹. Для настоящего исследования этот тезис важен в более широком смысле. Если различие в интенсивности и определенности психических процессов позволяет разграничивать сами формы вины, то тем более оно имеет значение и внутри каждой формы, когда необходимо определить не только юридический тип отношения, но и степень его социальной порочности.

В пределах умысла право постоянно сталкивается с разной степенью субъективной напряженности. Прямой умысел на убийство, сопряженный с целенаправленным достижением результата, и косвенный умысел, при котором лицо сознательно допускает смерть потерпевшего, безусловно, объединяются общей родовой формой умышленной вины, однако уровень личностной направленности, волевого принятия результата и глубина отрицательного отношения к охраняемым благам в этих случаях неодинаковы. Именно поэтому судебная практика по делам об убийстве требует устанавливать не только саму форму вины, но также мотивы, цель и иные субъективные характеристики содеянного.

Не менее показателен анализ неосторожной вины. Закон различает легкомыслие и небрежность, что уже само по себе опровергает представление о неосторожности как внутренне однородной категории. Однако и это деление не исчерпывает всех значимых различий. Степень вины в пределах неосторожности определяется конкретной мерой нарушенной осмотрительности: характером возложенной на лицо обязанности предвидеть вред, профессиональным статусом и специальными навыками субъекта, степенью очевидности риска, числом

---

¹ Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. С. 88.

проигнорированных предупредительных факторов, продолжительностью опасного поведения, а также возможностью предотвратить результат на различных этапах развития причинной связи. По существу, неосторожность также представляет собой не точку, а спектр.

Современная зарубежная литература исходит из того же общего вывода, что «считается, что безрассудство, при прочих равных условиях, является более предосудительным, чем халатность».¹ Хотя англо-американская система понятий не тождественна российской, ее значение для настоящего исследования состоит в ином: сравнительно-правовой материал также подтверждает наличие внутренней градации виновного отношения лица к риску причинения вреда. Следовательно, сама идея градуированной виновности не является искусственным продуктом локальной доктрины; она выражает более общее свойство уголовно-правового мышления.

Для российского уголовного права это обстоятельство имеет особое значение в составах, связанных с профессиональной, транспортной, экологической и иной деятельностью повышенной опасности. Один случай неосторожного причинения вреда может характеризоваться единичной ошибкой в сложной ситуации, другой — длительным и грубым игнорированием очевидных требований безопасности. Формально в обоих случаях речь идет о неосторожности, но реальная степень виновности различна. Игнорирование этого различия неизбежно ослабляло бы индивидуализацию ответственности и создавало бы риск фактического объективного вменения по тяжести последствий.

Именно поэтому принцип виновной ответственности не может быть сведен к формальной констатации наличия того или иного *mental element*. Как отмечают М. Кремницер и Т. Хёрнле, «абсолютная ответственность

---

¹ Greenberg A. Awareness and the Recklessness/Negligence Distinction // Criminal Law and Philosophy. 2024. Vol. 18, no. 2. P. 352.

как форма уголовной ответственности противоречит принципу вины».¹ Для российской доктрины этот вывод значим постольку, поскольку отсутствие разработанной теории степени виновности нередко компенсируется чрезмерной ориентацией на результат, общественный резонанс или иные внешние факторы. Между тем принцип вины требует установить именно качественно и количественно определенное психическое отношение лица к деянию.

Тезис о недостаточности двучленной модели подтверждается не только доктриной, но и самим позитивным правом. Во-первых, закон уже содержит внутренние деления внутри обеих форм вины: прямой и косвенный умысел; легкомыслие и небрежность. Во-вторых, ст. 27 УК РФ прямо признает ситуации, в которых основное деяние совершается умышленно, а более тяжкие последствия охватываются неосторожностью. Это не означает существования особой третьей формы вины, но наглядно показывает, что двучленная модель в реальном правоприменении работает сложнее, чем простая дихотомия.

Во многих составах Особенной части УК различие между умышленным и неосторожным причинением вреда выступает как конструктивная граница между разными преступлениями. Достаточно сопоставить убийство и причинение смерти по неосторожности, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, умышленное уничтожение имущества и уничтожение имущества по неосторожности. Однако и внутри каждого из этих блоков сохраняется значительная градация степени вины, которая не получает полного выражения в одной лишь формуле «умышленно» или «по неосторожности».

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам об убийстве требует от судов «устанавливать форму вины,

---

¹ Kremnitzer M., Hörnle T. Human Dignity and the Principle of Culpability // Israel Law Review. 2011. Vol. 44, no. 1–2. P. 132.

мотивы, цель и иные обстоятельства, от которых зависит правильная юридическая оценка содеянного».¹ Тем самым Верховный Суд фактически исходит из того, что одной лишь констатации умышленного характера деяния недостаточно: для верного разграничения составов и справедливой оценки содеянного необходимо вскрыть внутреннюю структуру субъективной стороны.

Не менее показательна практика по транспортным преступлениям. Пленум Верховного Суда Российской Федерации специально разъясняет, что «предусмотренные ст. 264 УК РФ последствия относятся к неосторожной форме вины; одновременно подчеркивается, что вопрос о виновности и степени вины не может быть переложен на эксперта».² Из этого следует важный методологический вывод: степень виновности рассматривается как самостоятельная судебная проблема, требующая правовой, а не технико-экспертной оценки.

Аналогичный подход прослеживается и в разъяснениях по экологическим преступлениям, где Верховный Суд ориентирует суды на «установление формы вины даже в тех случаях, когда диспозиция статьи Особенной части УК не дает исчерпывающего прямого ответа на этот вопрос».³ Поэтому, судебная практика не ограничивается механическим воспроизведением двучленной схемы, а фактически вырабатывает более тонкие критерии субъективной оценки.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (по вопросам установления формы вины, мотивов, цели и способа причинения смерти).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 25 июня 2024 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (по вопросам формы вины в транспортных преступлениях и пределов использования специальных познаний эксперта).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (по вопросам установления формы вины при квалификации экологических преступлений).

В научной литературе можно выделить две крайние позиции, каждая из которых представляется недостаточно убедительной. Первая сводится к тому, что после установления умысла или неосторожности дальнейший разговор о степени вины имеет лишь наказательно-индивидуализирующее, но не общетеоретическое значение. Недостаток такого подхода состоит в том, что он не способен объяснить ни устойчивую практику разграничения различных по степени вины вариантов одного и того же вида виновности, ни нормативные конструкции, уже встроенные в закон. Вторая крайность выражается в стремлении преодолеть сложность материала путем конструирования особых смешанных, двойных или иных самостоятельных форм вины. Этот путь также неприемлем, поскольку размывает законодательный текст и смешивает разные уровни анализа — форму вины как базовую юридическую категорию и степень виновности как градуированную характеристику ее конкретного проявления.

Представляется более обоснованным иной вывод. Деление на умысел и неосторожность должно быть сохранено в качестве обязательной нормативной основы; вместе с тем внутри каждой формы необходимо различать уровни виновности, выявляемые через совокупность интеллектуальных, волевых, мотивационных и ситуационных признаков, релевантных для уголовно-правовой оценки. Такая конструкция позволяет избежать и догматического упрощения, и неоправданного увеличения форм вины.

В итоге традиционная двучленная модель вины в уголовном праве необходима, но недостаточна. Она необходима потому, что прямо закреплена в законе и обеспечивает базовую типологию субъективной стороны преступления. Она недостаточна потому, что внутри умысла и внутри неосторожности существуют различные уровни выраженности виновного отношения лица к содеянному, имеющие значение для квалификации, разграничения смежных составов, индивидуализации

ответственности и предупреждения объективного вменения. Действующее право уже учитывает эти различия, однако делает это фрагментарно — через деление умысла и неосторожности на виды, через конструкцию преступлений с двумя формами вины, через отдельные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации и через практику назначения наказания. Отсутствие общей теории не устраняет проблему, а лишь делает ее менее прозрачной. Поэтому дальнейшая разработка градуированной системы виновности должна рассматриваться не как ревизия основ учения о вине, а как его закономерное развитие.

§ 2. Степени виновности в умышленных преступлениях

Внутренняя градация виновности наиболее отчетливо проявляется именно в умышленных преступлениях. Действующий уголовный закон правильно различает прямой и косвенный умысел, связывая их с различным сочетанием интеллектуального и волевого отношения лица к общественно опасным последствиям. Однако для построения целостной теории степени виновности этого различения недостаточно. Уже на уровне законодательной формулы видно, что умысел представляет собой не единичный психический акт, а сложную конструкцию, в которой поразному соотносятся осознание, предвидение и волевая направленность. Как справедливо писал А.И. Рарог, «в определении умысла содержатся такие формально-определенные понятия, как «сознавало», «предвидело» и «желало»». ¹ Отсюда следует, внутри умысла изначально заложена возможность неодинаковой интенсивности его содержания.

Если ограничиться только традиционным делением умысла на прямой и косвенный, правовая оценка будет фиксировать лишь вид

---

¹ Рарог А.И. Указ. соч. С. 104.

отношения лица к результату, но не меру напряженности, устойчивости и предметной определенности этого отношения. Между заранее сформированной программой причинения смерти, реализуемой последовательными действиями, и внезапным конфликтным решением причинить вред существует не только фактическая, но и субъективная разница. Зарубежная теория также исходит из необходимости более тонкой дифференциации: Д.Н. Гусак отмечал, что «основная проблема возникает из-за отсутствия систематического анализа относительной вины».¹ Для российской доктрины этот тезис имеет особое значение, поскольку именно в рамках умышленных преступлений наиболее резко проявляется несоразмерность между формальным видом умысла и реальной степенью выраженности виновного отношения лица к содеянному.

Дополнительное подтверждение этому дает экономическая интерпретация заранее обдуманного умысла. О.Н. Бибик справедливо обращает внимание на случаи, когда «лицо заранее обдумывало возможные последствия, способы избежать уголовной ответственности».² Это наблюдение важно для настоящего исследования потому, что момент формирования умысла и объем предварительной интеллектуально-волевой подготовки действительно повышают уровень виновности внутри одной и той же формы вины.

Предлагаемая модель не отменяет действующее деление умысла. Напротив, она строится поверх него и предназначена для решения иного вопроса. Вид умысла отвечает на вопрос, как лицо относилось к последствию; степень виновности — насколько интенсивным, устойчивым и развернутым было это отношение. Поэтому прямой умысел в целом следует считать более пригодной формой для выявления

---

¹ Husak D.N. The Sequential Principle of Relative Culpability // *Legal Theory*. 1995. Vol. 1, no. 4. P. 493.

² Бибик О.Н. Экономический подход при исследовании категории вины в уголовном праве // *Правоприменение*. 2018. Т. 2, № 4. С. 103.

повышенных и максимальных уровней виновности, хотя и в пределах косвенного умысла возможны существенно различные по упречности ситуации. Показательно, что судебная практика давно подчеркивает особую роль направленности умысла: Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что «покушение на убийство возможно лишь при прямом уме». ¹ Уже одно это свидетельствует о том, что внутри умышленных преступлений право фактически признает разные уровни субъективной опасности.

Авторская модель степеней виновности в умышленных преступлениях должна опираться не на случайный набор обстоятельств, а на систему критериев, непосредственно относящихся к структуре умысла. Такими критериями, по нашему мнению, являются: интеллектуальная определенность ожидаемого результата; волевая устойчивость преступного решения; временная протяженность и сохранность преступной направленности; предметная концентрированность посягательства; характер принятия побочных, сопутствующих или множественных последствий; степень ситуативной и эмоциональной обусловленности преступного решения. Все они относятся не к внешней стороне содеянного как таковой, а к содержанию и силе субъективного отношения лица к деянию и его результату.

Первым критерием выступает интеллектуальная определенность результата. Степень виновности будет различной в зависимости от того, осознает ли лицо возможность причинения вреда лишь в общих чертах и соглашается с ним как с побочным следствием либо ясно представляет конкретный результат, удерживает его в сознании как цель и соотносит свои действия именно с его достижением. Вторым критерием является волевая устойчивость: от импульсивного решения, не получившего

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (по вопросу разграничения оконченного убийства и покушения на убийство; покушение возможно лишь при прямом уме).

длительного внутреннего закрепления, до стойкой преступной направленности, сохраняемой во времени и реализуемой через преодоление препятствий. Третий критерий — ситуативная обусловленность. Не всякое внезапное решение снижает степень виновности, однако, если умысел формируется под сильным конфликтным или аффективным воздействием и не перерастает в устойчивую преступную программу, это должно учитываться при оценке степени вины, поскольку влияет на интеллектуальный и волевой компоненты виновного отношения лица к содеянному.

Особо необходимо подчеркнуть, что названные критерии не могут подменяться тяжестью последствий, общественным резонансом или отрицательной характеристикой личности виновного. Они имеют значение лишь постольку, поскольку позволяют реконструировать собственно умысел — степень его сформированности, направленности и устойчивости. Иначе теория степени виновности неизбежно скатится либо к объективному вменению, либо к моральной оценке личности вне связи с конкретным деянием.

Максимальная степень виновности имеет место тогда, когда лицо совершает целенаправленное посягательство с полным осознанием характера деяния, ясным представлением конкретного результата и устойчивой волевой направленностью на его достижение. Речь идет прежде всего о прямом определенном умысле, при котором общественно опасное последствие не сопровождает поведение виновного, а составляет его смысловой центр. Такой уровень характеризуется длительным удержанием преступного решения, выбором средств, специально пригодных для достижения результата, последовательностью действий и готовностью преодолевать препятствия ради доведения задуманного до конца.

В данной группе субъективное отношение лица к результату носит не просто желательный, а программный характер. Последствие заранее

встроено в структуру поведения как его конечная цель. Именно поэтому здесь наиболее выражено значение направленности умысла. А.Н. Попов обоснованно писал, что «при прямом умысле содеянное, как правило, квалифицируется по направленности умысла».¹ Верховный Суд Российской Федерации, в свою очередь, указывал, что «направленность умысла на убийство подтверждается совокупностью обстоятельств нападения»², а в более поздней практике связывал вывод о прямом умысле с «целенаправленным продолжением действий, локализацией ударов и иными данными, свидетельствующими о внутренней сосредоточенности виновного на лишении жизни потерпевшего».³ В определении от 25 января 2024 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации специально отметила, что «о направленности умысла на убийство обеих потерпевших свидетельствовали обстоятельства, указывавшие на заранее сложившуюся и последовательно реализуемую преступную установку».⁴

При этом максимальная степень виновности не должна автоматически связываться с любым заранее возникшим умыслом. Сам по себе временной разрыв между возникновением решения и его реализацией еще не означает максимальной степени виновности. Принципиально важно иное: превратилось ли преступное решение в

---

¹ Попов А.Н. Преступление, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107, 113 УК РФ). 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2004. С. 86.

² Определение суда надзорной инстанции Верховного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2008 г. № 77-Д08-8 (по делу об убийстве лица, находившегося в беспомощном состоянии) // Банк судебных решений Верховного Суда Российской Федерации (дата обращения: 4 апреля 2026 г.).

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2022 г. № 53-УД22-38-А5 (по делу об убийстве, совершенном группой лиц) // Банк судебных решений Верховного Суда Российской Федерации (дата обращения: 4 апреля 2026 г.).

⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2024 г. № 46-УД23-43А4 (по делу о направленности умысла на убийство обеих потерпевших) // Банк судебных решений Верховного Суда Российской Федерации (дата обращения: 4 апреля 2026 г.).

устойчивую внутреннюю программу, в которой цель посягательства удерживается сознанием, волей и практическим поведением лица на всем протяжении преступной деятельности. Только в этом случае можно говорить о максимальной степени виновности в пределах умысла.

Повышенную степень виновности образуют ситуации, в которых лицо отчетливо осознает высокую вероятность либо фактическую неизбежность тяжких последствий и принимает их как допустимую цену достижения основного результата. В отличие от максимальной степени здесь преступный исход может не всегда выступать единственной или центральной целью. Однако интеллектуальная охваченность последствий и волевое принятие их наступления достигают такой силы, что обычным, типичным умыслом это уже не исчерпывается. Наиболее наглядно данная группа проявляется в случаях интенсивного косвенного умысла, когда виновный не стремится непосредственно к каждому из наступивших последствий, но сознательно включает их в сферу допустимого.

Именно здесь особенно заметно, что косвенный умысел не является однородной категорией. Одно дело — абстрактное допущение возможного вреда, другое — сознательное принятие практически неизбежных либо множественных последствий, тесно связанных с избранным способом посягательства. Если лицо, стремясь к одному преступному результату, выбирает заведомо общееопасное средство и тем самым охватывает сознанием широкий круг тяжких побочных последствий, степень виновности возрастает. Она выше типичной, поскольку субъект не просто допускает вред вообще, а принимает именно высокий по вероятности и тяжести вред как реальный компонент собственной преступной программы.

Типичная степень виновности охватывает основной массив умышленных преступлений. Здесь лицо осознает общественно опасный характер деяния и либо желает наступления результата, либо сознательно допускает его, однако без тех дополнительных признаков, которые

позволяют говорить о максимальной, повышенной или сниженной степени виновности. Для типичного прямого умысла характерно отсутствие развернутой и устойчивой преступной программы при сохранении направленности на определенный результат. Для типичного косвенного умысла — отсутствие особой интенсивности в принятии побочных последствий. Именно этот уровень следует использовать как исходный, базовый стандарт для оценки умышленных деяний, неотягощенных особыми субъективными признаками и не обусловленных обстоятельствами, снижающими степень вины.

Сниженная степень виновности в пределах умысла имеет место тогда, когда преступное решение формируется и реализуется в условиях сильной ситуационной, конфликтной или аффективной обусловленности, существенно ослабляющей устойчивость волевого самоконтроля, но не исключающей осознанности поведения. В этих случаях умысел сохраняется, однако его структура объективно отличается от обычного прямого либо косвенного умысла: она менее стабильна, менее рефлексивна и в большей степени детерминирована конкретной травмирующей ситуацией. В.В. Хилюта точно отмечает, что «аффектированный умысел возникает как реакция на неправомерное поведение потерпевшего».¹ Эта характеристика представляется принципиально важной: сниженная степень виновности здесь выводится не из жалости к виновному, а из особенностей самого механизма формирования умысла.

То же подчеркивается и в специальной литературе о привилегированных составах. А.Н. Попов пишет, что «умысел на совершение преступления всегда возникает и реализуется в состоянии аффекта».² Закон прямо учитывает данное различие, закрепляя

---

¹ Хилюта В.В. Аффектированный умысел и его значение при квалификации преступлений // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2023. № 1 (53). С. 36.

² Попов А.Н. Указ. соч. С. 124.

привилегированную ответственность за убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта). Следовательно, действующее право само исходит из того, что умысел различается не только по виду — прямой или косвенный, — но и по степени выраженности виновного отношения лица к содеянному. Судебная практика также принимает во внимание «спонтанность посягательства, отсутствие данных о предварительной подготовке и конкретную провоцирующую ситуацию при оценке соответствующих деяний».¹

Однако сниженную степень виновности нельзя превращать в универсальное оправдание конфликтного насилия. Не всякий внезапно возникший умысел сам по себе свидетельствует о снижении степени вины. Для такого вывода необходимы установленные обстоятельства, подтверждающие ситуационный характер преступного решения, его кратковременность, отсутствие устойчивой преступной программы и существенное эмоциональное воздействие противоправного либо грубо аморального поведения потерпевшего. Если же лицо, прикрываясь ссылкой на конфликт, фактически реализует ранее сложившуюся установку на причинение вреда, оснований для признания сниженной степени виновности не имеется.

Первое возможное возражение сводится к тому, что выделение степеней виновности в пределах умысла якобы излишне, поскольку все необходимые различия уже могут быть учтены при назначении наказания. С данной позицией согласиться нельзя. Наказание действительно учитывает множество индивидуализирующих обстоятельств, однако без

---

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 г. № 35-АПУ 18-4 (по делу об убийстве, совершенном в состоянии аффекта; при оценке содеянного учитывались спонтанность деяния и отсутствие данных о предварительной подготовке) // Банк судебных решений Верховного Суда Российской Федерации (дата обращения: 4 апреля 2026 г.).

общей доктринальной модели такой учёт остается фрагментарным и нередко смешивает собственно субъективные показатели с посторонними факторами. Теория степени виновности нужна не вместо назначения наказания, а для того, чтобы придать ему концептуальную опору и обеспечить единообразный язык оценки умышленных деяний.

Второе возражение состоит в том, что предлагаемая модель будто бы незаконно включает в вину мотив, эмоции и иные явления, не относящиеся к ее содержанию. Но в действительности речь идет о другом. Ни мотив, ни эмоциональное состояние не объявляются самостоятельными элементами вины. Они приобретают значение лишь постольку, поскольку влияют на формирование, устойчивость и направленность умысла. Иными словами, учитывается не мотив сам по себе, а то, как он отражается в интеллектуальном и волевом отношении лица к преступному результату. Такой подход не разрушает классическое учение о вине, а конкретизирует его применительно к задачам дифференцированной оценки умышленных преступлений.

Третье возражение связано с риском неопределенности: если внутри умысла выделять несколько степеней виновности, то границы между ними будто бы окажутся слишком оценочными. Однако оценочность в данном случае не является пороком. Право и без того оперирует оценочными категориями при установлении направленности умысла, характера аффекта, степени участия и роли соучастников, устойчивости преступной группы, характера и степени общественной опасности деяния. Важно не устранить оценку, что невозможно, а снабдить ее понятными и проверяемыми критериями. Предлагаемая модель именно это и делает: она связывает уровень виновности не с общим моральным впечатлением, а с доказуемыми характеристиками умысла.

В итоге, в пределах умышленных преступлений целесообразно выделять четыре степени виновности: максимальную, повышенную,

типичную и сниженную. Максимальная степень характеризует целенаправленное посягательство с полным осознанием и устойчивой волевой направленностью на достижение конкретного результата. Повышенная степень охватывает случаи отчетливого осознания и принятия высоковероятных либо практически неизбежных тяжких последствий. Типичная степень отражает обычный прямой или косвенный умысел без специальных усиливающих и без специальных смягчающих субъективных признаков. Сниженная степень виновности в пределах умысла относится к аффективному, ситуативному, конфликтно-обусловленному и иным сходным видам умысла, в которых осознанность поведения сохраняется, но волевая устойчивость преступного решения заметно ослаблена.

Степень виновности в умышленном преступлении, следовательно, может быть определена как качественно-количественная характеристика умысла, выражающая меру интеллектуальной определенности, волевой устойчивости, предметной направленности и ситуативной обусловленности преступного решения. Такая конструкция не подменяет законодательное различие прямого и косвенного умысла, а делает его научно и практически более содержательным. Для дальнейшего развития теории вины это имеет ключевое значение, поскольку именно в сфере умышленных преступлений становится возможным построение общей шкалы выраженности виновного отношения лица к содеянному, имеющей значение как для квалификации, так и для индивидуализации уголовной ответственности.

§ 3. Степени виновности в неосторожных преступлениях

Авторская концепция степени виновности не может быть полной, если она применима только к умышленным преступлениям. Неосторожная вина традиционно рассматривается как менее интенсивная

по сравнению с умыслом, однако из этого не следует ее внутреннее единообразие. Напротив, именно в сфере неосторожных преступлений особенно наглядно обнаруживается различие между формальным наличием вины и реальной степенью выраженности виновного отношения лица к содеянному. В отечественной доктрине «проблема неосторожной вины давно рассматривается как одна из наиболее сложных в общей части уголовного права».¹ Это связано с тем, что неосторожность соединяет в себе одновременно нормативную обязанность предвидения, индивидуальную возможность такого предвидения и конкретную ситуацию нарушения правил предосторожности.

Законодательное деление неосторожности на легкомыслие и небрежность является необходимым, но оно не исчерпывает всего содержания вопроса. Уже в специальной литературе подчеркивалось, что преступное легкомыслие занимает промежуточное положение между умыслом и небрежностью. М.С. Гринберг писал, что «по существу преступное легкомыслие является близким к умышленной вине в форме косвенного умысла».² Эта мысль важна не потому, что она стирает границу между формами вины, а потому, что она показывает различную насыщенность интеллектуального и волевого моментов внутри самой неосторожности.

Действительно, легкомыслие не является внутренне однородным: в его пределах возможна различная степень выраженности виновного отношения лица к содеянному. В одном случае лицо предвидит возможность наступления последствий лишь смутно, в условиях быстро меняющейся обстановки, и без достаточных оснований рассчитывает их предотвратить. В другом случае оно ясно осознает наличие очевидного риска, понимает, что безопасность зависит от соблюдения элементарных

---

¹ Нерсесян В.А. Неосторожная вина: проблемы и решения // Государство и право. 2000. № 4. С. 68.

² Гринберг М.С. Преступное легкомыслие // Вестник Омского университета. 2010. № 3 (57). С. 215.

правил, но все же полагается на случай, собственный опыт либо на вмешательство других лиц. Оба варианта формально подпадают под одну и ту же законодательную модель, но по степени виновности они не тождественны.

Не менее неоднородна и преступная небрежность. Ее содержание определяется не только отсутствием фактического предвидения, но и характером той обязанности, которая лежала на лице, а также реальностью исполнения этой обязанности в конкретной ситуации. С.В. Дубовиченко справедливо отмечает, что «объективный критерий небрежности определяется наличием обязанности лица предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий».¹ Из этого следует, уже на уровне исходной конструкции видно, что небрежность может варьироваться в зависимости от определенности нормативного запрета, профессионального статуса субъекта, очевидности опасности, доступности мер предотвращения и длительности нарушения.

Формулы легкомыслия и небрежности отвечают на вопрос о виде неосторожной вины, но не дают исчерпывающего ответа на вопрос о мере субъективного упрека. Между тем для уголовно-правовой оценки существенно, насколько явной была опасность, насколько конкретной была обязанность действовать осторожно, обладало ли лицо специальными знаниями, получало ли оно предупреждения об опасности, сколько времени продолжалось нарушение и насколько элементарными были меры, способные предотвратить вред. Все эти обстоятельства относятся не к последствиям как таковым, а к внутренней характеристике неосторожной виновности.

Именно поэтому одинаковая законодательная квалификация неосторожного деяния еще не означает одинаковой степени виновности. Причинение смерти по неосторожности вследствие кратковременной

---

¹ Дубовиченко С.В. Объективный критерий небрежности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 2. № 1. С. 127.

ошибки в сложной обстановке и причинение того же результата вследствие длительного игнорирования прямых требований безопасности не могут оцениваться как равнозначные по степени вины, поскольку различаются по глубине нарушенной осмотрительности, очевидности риска и характеру отношения лица к возложенным на него требованиям безопасности. В обоих случаях нет умысла, но и в обоих случаях было бы методологически неверно считать субъективную сторону одинаковой только потому, что она укладывается в текст ст. 26 УК РФ.

Позитивное право уже учитывает эти различия, хотя и без общей теории. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по транспортным преступлениям и по делам о нарушениях требований охраны труда ориентируют суды на «установление конкретных правил предосторожности, характера нарушенных обязанностей, круга ответственных лиц, причинной связи и особенностей обстановки».¹ Тем самым правоприменение фактически выходит за пределы простой констатации того, имело ли место легкомыслие либо небрежность, и движется к оценке степени неосторожной виновности.

С теоретической точки зрения целесообразно выделять повышенную степень неосторожной виновности — грубую неосторожность. Речь не идет о создании новой формы вины наряду с легкомыслием и небрежностью. Грубая неосторожность представляет собой повышенную степень уже существующей неосторожной вины,

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 25 июня 2024 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (по вопросам разграничения и доказывания неосторожных транспортных преступлений) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» (по вопросам установления обязанного лица, характера нарушенных правил и причинной связи) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 1.

которая выражается в особенно резком отступлении от требуемой внимательности и предусмотрительности при очевидности риска и реальной возможности предотвратить вред.

Такая конструкция не является произвольной. В сравнительно-правовой литературе отмечается, что «в английском уголовном праве грубая неосторожность характеризуется отступлением от общепринятого стандарта осторожности».¹ Современная англо-американская доктрина также исходит из иерархии форм рискованного поведения. Для целей настоящего исследования это важно в одном отношении: внутри неосторожности возможны такие состояния виновного отношения лица к содеянному, которые по своей интенсивности и выраженности приближаются к верхней границе неосторожной виновности и потому не должны растворяться в усредненном понятии обычной неосторожности.

Грубая неосторожность, как представляется, имеет место тогда, когда одновременно присутствует несколько признаков: опасность была очевидной и не требовала сложного интеллектуального анализа; обязанность действовать осторожно была конкретной, а не абстрактной; субъект обладал профессиональной, служебной либо иной специальной компетенцией; нарушение продолжалось во времени либо повторялось; меры предотвращения вреда были простыми и доступными; при минимально требуемой собранности последствие могло быть предотвращено. При таком сочетании обстоятельств упрек адресуется уже не просто недостаточной внимательности, а демонстративно низкому уровню нормативной самоконтролируемости.

Одновременно грубая неосторожность возможна как в пределах легкомыслия, так и в пределах небрежности. В первом случае лицо фактически видит риск, но самонадеянно и без сколько-нибудь серьезных оснований продолжает опасное поведение. Во втором случае лицо не

---

¹ Дубовиченко С.В. Указ. соч. С. 127.

замечает опасности, которую при данных условиях обязано и в состоянии было заметить без каких-либо специальных усилий. Из этого следует, повышенная степень неосторожной виновности определяется не только видом неосторожности, но и интенсивностью отступления от обязательного стандарта осторожного поведения.

Наряду с грубой неосторожностью целесообразно выделять обычную и сниженную неосторожность. Обычная неосторожность охватывает основной массив преступлений, в которых лицо нарушает требуемую внимательность и предусмотрительность, однако без тех усиливающих признаков, которые позволяют говорить о грубом отступлении от стандарта безопасности. Показательно, что в зарубежной литературе различие между обычной и грубой неосторожностью рассматривается как практически значимое даже тогда, когда первая специально не именуется. Суды, как правило, «не дают конкретного названия этому типу халатности. Они лишь отличают его от грубой халатности».¹

Сниженная неосторожность имеет место тогда, когда лицо действует в условиях ослабленной прогнозируемости ситуации и, хотя содеянное не достигает уровня невинного причинения вреда, оно характеризуется меньшей степенью выраженности виновного отношения по сравнению с типичным случаем неосторожности. К числу таких обстоятельств могут относиться внезапная конфликтность обстановки, дефицит времени для оценки риска, отсутствие устойчивого предшествующего нарушения правил, информационная неполнота, необычность ситуации, а также кратковременный характер упущения. Во всех этих случаях вина сохраняется, однако ее интенсивность уменьшается, поскольку объем реально доступного предвидения и волевого контроля был ниже обычного.

---

¹ Stark F. *Culpable Carelessness: Recklessness and Negligence in the Criminal Law*. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. P. 6.

Важно, однако, не смешивать сниженную неосторожность с казусом. Если лицо не должно было либо не могло предвидеть последствия, уголовная ответственность исключается. Сниженная же неосторожность предполагает, что обязанность и возможность предвидения сохранялись, но их практическая реализация была осложнена конкретной ситуацией. Поэтому сниженная степень виновности не устраняет вину, а лишь фиксирует меньшую меру субъективного упрека в пределах неосторожного преступления.

Против предложенной модели могут быть выдвинуты по меньшей мере три возражения. Первое состоит в том, что выделение грубой, обычной и сниженной неосторожности будто бы излишне, поскольку все необходимые различия уже учитываются в квалифицирующих признаках состава и при назначении наказания. Но это возражение неубедительно. Без общей категории степени неосторожной виновности суд и законодатель действительно учитывают различия, однако делают это фрагментарно, без единых критериев и без возможности сопоставимой оценки разных составов.

Второе возражение связано с опасением объективного вменения: чем шире будет пониматься грубая неосторожность, тем легче станет выводить виновность из одних только последствий. Такой риск действительно существует, однако он устраняется при строгом соблюдении исходного требования: степень виновности выводится не из тяжести результата, а из характера психического отношения лица к нарушенной обязанности, к очевидности риска и к реально доступным средствам предотвращения вреда. Иначе говоря, теория степеней неосторожности усиливает, а не ослабляет принцип субъективного вменения.

Третье возражение состоит в том, что категория сниженной неосторожности якобы подрывает превентивное значение уголовного закона. Между тем уголовное право не должно достигать

предупредительного эффекта ценой нивелирования различий между различными по степени вины состояниями. Напротив, точная градация неосторожной виновности усиливает справедливость ответственности и делает судебную аргументацию более убедительной. Для нашего исследования о степени виновности именно это обстоятельство имеет ключевое значение.

Итак, неосторожные преступления также образуют внутренне дифференцированную систему степеней виновности. Законодательное различие легкомыслия и небрежности необходимо, но недостаточно для полной оценки субъективной стороны. Внутри каждой из этих разновидностей возможны различные уровни выраженности виновного отношения лица к содеянному, которые целесообразно описывать через категории грубой, обычной и сниженной неосторожности. Грубая неосторожность выражает повышенную степень неосторожной виновности; обычная — ее типичное проявление; сниженная — случаи, в которых вина сохраняется, но степень ее выраженности уменьшается вследствие особенностей конкретной ситуации. Такая модель не заменяет закон, а теоретически уточняет его применение.

§ 4. Пограничные зоны между косвенным умыслом и грубой неосторожностью

Наиболее прикладное значение теория степени виновности приобретает в ситуациях, в которых правоприменитель вынужден разграничивать косвенный умысел и повышенную степень неосторожной виновности. Именно здесь особенно отчетливо проявляется недостаточность простого ответа на вопрос о том, действовало ли лицо умышленно либо по неосторожности. Формально-юридическое отнесение содеянного к одной из форм вины необходимо, однако в ряде

дел оно не позволяет объяснить, почему внешне сходные деяния должны получать различную оценку по степени выраженности виновного отношения лица к содеянному и, следовательно, влечь различную уголовно-правовую реакцию.

Обычное разграничение косвенного умысла и легкомыслия строится вокруг известной оппозиции: при косвенном умысле лицо сознательно допускает следствие либо относится к нему безразлично, а при легкомыслии — рассчитывает его предотвратить. Однако для пограничных ситуаций одной этой словесной формулы недостаточно. Еще П.С. Дагель и Р.И. Михеев указывали, что «лишь совокупность формы и содержания вины с учетом всех особенностей психического отношения лица к объективным обстоятельствам преступления и его субъективных, психологических причин определяет степень отрицательного отношения лица к интересам общества, проявленного в совершенном лицом деянии, т. е. степень его вины».¹ Из этого положения вытекает принципиально важный вывод: в переходных случаях необходимо анализировать не только формальный вид вины, но и внутреннюю интенсивность предвидения, характер расчета на предотвращение результата, степень готовности субъекта продолжать опасное поведение и фактическую цену, которую он внутренне допускал ради достижения своей цели.

Проблема усугубляется тем, что доказывание неосторожности в подобных делах нередко подменяется ссылкой на внешние обстоятельства, из которых автоматически выводится либо принятие следствия, либо, напротив, его непринятие. Между тем, как справедливо отмечает С.Ю. Кораблёва, «все они формулируются очень размыто и не дают реальной возможности отграничить легкомыслие от

---

¹ Дагель П.С., Михеев Р.И. Указ. соч. С. 17.

косвенного умысла и даже от небрежности».¹ С этой точки зрения правоприменительная ошибка возникает не потому, что суды не знают формулы статьи 25 УК РФ, а потому, что сама формула без дополнительной теории переходных состояний оставляет слишком широкий простор для оценочного усмотрения.

Сравнительно-правовая литература подтверждает тот же общий тезис. А. Гринберг пишет: «Безрассудство требует, чтобы обвиняемый осознавал риск... Небрежность же требует лишь того, чтобы обвиняемый должен был осознавать такой риск».² Для целей настоящего исследования особенно важно, что различие проводится не только по факту предвидения как такового, но и по качеству позиции субъекта по отношению к уже осознанному риску. Следовательно, и в российском уголовном праве спорные случаи должны решаться не путем механического выбора между двумя ярлыками, а через более точное установление уровня субъективной включенности лица в возможный результат.

Представляется обоснованным рассматривать косвенный умысел и грубую неосторожность как смежные, но не тождественные ступени виновности. Они сближаются тем, что в обоих случаях субъект действует в условиях высокой опасности причинения тяжкого вреда либо смерти. Однако расходятся они по характеру волевого отношения к риску и по структуре внутреннего расчета на предотвращение последствий.

Косвенный умысел имеет место тогда, когда лицо конкретно предвидит реальную возможность, а в ряде ситуаций и высокую вероятность наступления доступного ему строго определенного результата, и, не имея оснований рассчитывать на его предотвращение, продолжает опасное поведение, внутренне соглашаясь с возможным

---

¹ Корablёва С.Ю. Проблемы доказывания легкомыслия на досудебных стадиях уголовного процесса // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2009. № 1. С. 193.

² Greenberg A. Op. cit. P. 352.

исходом. Для такой позиции характерно отсутствие сколько-нибудь определенного, опирающегося на реальные обстоятельства расчета на предотвращение результата. Если субъект продолжает деяние в ситуации, где именно в своем распоряжении не имеет конкретного удерживающего фактора, его волевое отношение выходит за пределы неосторожности и приобретает характер сознательного допущения.

Грубая неосторожность, напротив, образует повышенную степень неосторожной виновности в тех случаях, когда лицо осознает исключительную опасность своего поведения либо обязано и реально способно было осознавать ее на предельно высоком уровне, грубо нарушает элементарные правила предосторожности, но все же не принимает наступление вреда как приемлемый для себя итог. Ее расчет на предотвращение результата может быть ничтожным, самонадеянным, заведомо слабым, иногда почти иллюзорным, однако он сохраняется как психологический контрфактор. Иначе говоря, субъект не соглашается с последствиями, а безосновательно надеется, что они не наступят — за счет случайности, собственных навыков, вмешательства других лиц, технических средств либо иных обстоятельств, которым он придает незаслуженное значение.

Именно поэтому переходная зона между косвенным умыслом и грубой неосторожностью проходит не по линии абстрактного различия между словами «допускал» и «рассчитывал», а по линии качества и предметности такого расчета. Абстрактная надежда на благоприятный исход, не опирающаяся ни на какие конкретные обстоятельства, не образует неосторожности и, по существу, маскирует сознательное допущение. Напротив, даже крайне неразумный, но все же предметно определенный расчет на предотвращение результата свидетельствует о сохранении неосторожной формы вины, хотя и в ее грубой разновидности, характеризующейся повышенной степенью виновности.

Из этого следует предлагаемый критерий. Для признания косвенного умысла необходимо установить не просто высокую опасность поведения и не просто предвидение возможности последствий, а внутреннее принятие этого последствия при отсутствии конкретного сдерживающего расчета. Для признания грубой неосторожности необходима совокупность сочетания трех элементов: повышенной очевидности риска, грубого нарушения обязанностей предосторожности и наличия, пусть явно несостоятельного, но все же психологически реального расчета на предотвращение вреда. Если такой расчет отсутствует, речь идет уже не о грубой неосторожности, а о переходе в сферу косвенного умысла.

Практическая ценность предложенного подхода состоит в том, что он препятствует двум противоположным деформациям квалификации. Первая заключается в искусственном превращении особо опасной неосторожности в умышленное преступление только потому, что наступил тяжкий результат. Вторая — в неоправданном смягчении умышленного причинения вреда ссылкой на формулу о расчете на предотвращение последствий. Именно Верховный Суд Российской Федерации при разрешении вопросов о направленности умысла суда исходит из совокупности всех обстоятельств совершенного и учитывает, в частности, «способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений, а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего».¹

Это разъяснение имеет значение не только для разграничения прямого и косвенного умысла, но и для отделения умысла вообще от грубой неосторожности: ни один отдельный признак сам по себе не должен абсолютизироваться.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (по вопросам установления формы вины, мотивов, цели и способа причинения смерти).

Показательно, что Верховный Суд Российской Федерации неоднократно исправлял квалификационные ошибки, возникавшие именно из-за подмены анализа внутреннего отношения виновного ссылкой на сам факт наступившей смерти. В одном из извлечений, опубликованных в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации, было специально подчеркнуто, что «суд ошибочно признал лицо виновным в убийстве, исходя лишь из факта причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшей, тогда как данные о направленности умысла этому выводу не соответствовали».¹ Логика этого подхода полностью совпадает с предлагаемой здесь моделью: тяжесть результата сама по себе еще не отвечает на вопрос о границе между косвенным умыслом и неосторожностью.

Тот же ориентир прослеживается и в более поздней практике Верховного Суда Российской Федерации, где вопрос о направленности умысла разрешается через «анализ всей фактической ситуации, а не через автоматическое перенесение опасности деяния на субъективную сторону».²

Из этого следует, градация виновности позволяет выстроить более точный алгоритм квалификации.

Во-первых, в делах о насильственных посягательствах на жизнь и здоровье презумптивное значение должны иметь направленность воздействия на жизненно важные органы, кратность и интенсивность насилия, продолжение нападения после появления очевидных признаков смертельной опасности, отсутствие попыток остановить развитие

---

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. № 6. Извлечение: «Суд признал умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, совершенным с особой жестокостью без учета фактических обстоятельств дела и данных о направленности умысла виновного».

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2024 г. № 46-УД23-43А4 (по делу о направленности умысла на убийство обоих потерпевших) // Банк судебных решений Верховного Суда Российской Федерации (дата обращения: 4 апреля 2026 г.).

результата. Если при этом субъект не указывает ни на один конкретный фактор, благодаря которому, по его расчету, последствие должно было быть предотвращено, вывод о косвенном умысле получает прочное основание.

Во-вторых, в делах о нарушении правил безопасности, эксплуатации источников повышенной опасности, профессиональных и технических обязанностей исходной точкой должна служить иная презумпция: даже чрезвычайно грубое нарушение специальных правил не образует косвенного умысла автоматически. Для вывода об умысле здесь необходимо доказать, что лицо не просто нарушало правила в расчете на благополучный исход, а фактически приняло возможную гибель человека как допустимое побочное следствие своей деятельности. При отсутствии такого принятия содеянное должно оцениваться как грубая неосторожность, а не как умышленное причинение смерти.

В-третьих, посткриминальное поведение, признание вины, попытки скрыть следы содеянного, вызов скорой помощи, эмоциональная реакция на последствия могут учитываться лишь как вспомогательные данные. Они способны подтвердить либо ослабить уже сделанный вывод, но не могут самостоятельно решать вопрос о форме и степени виновности. Иное означало бы подмену анализа психического отношения к деянию нравственной оценкой поведения лица после наступления результата.

В-четвертых, при наличии доказательственной неопределенности суду надлежит не механически выбирать более тяжкую либо более мягкую квалификацию, а устанавливать, какой именно элемент не доказан: предвидение, конкретность риска, расчет на предотвращение, либо внутреннее принятие последствия. Такой поэлементный анализ и составляет практический смысл категории переходной зоны.

В итоге пограничные зоны между косвенным умыслом и грубой неосторожностью подтверждают прикладную ценность теории степени виновности. В спорных случаях проблема не исчерпывается формальным

выбором между двумя формами вины; необходимо определить место содеянного в более тонкой шкале степени вины, отражающей различную выраженность виновного отношения лица к содеянному.

Предлагаемая модель позволяет сделать три вывода. Во-первых, косвенный умысел и грубая неосторожность представляют собой смежные уровни виновности, различающиеся прежде всего по характеру волевого отношения к риску. Во-вторых, решающим критерием разграничения служит не сама по себе опасность поведения и не тяжесть последствия, а наличие либо отсутствие конкретного расчета на предотвращение вреда и внутреннее принятие результата как допустимого. В-третьих, использование категории переходной зоны уменьшает риск произвольной перекалфикации, потому что заставляет суд мотивированно раскрывать, почему в данном деле речь идет именно о сознательном допущении последствия либо, напротив, о грубой, но все же неосторожной виновности.

§ 5. Двойная форма вины и сложные конструкции субъективной стороны

Конструкции субъективной стороны, в которых психическое отношение лица к деянию и к его последствиям не совпадает, имеют для настоящего исследования принципиальное значение. Именно здесь особенно отчетливо проявляется, что степень виновности не исчерпывается указанием на форму вины в целом. Закон может признать преступление в целом умышленным, однако внутри состава сочетаются различные по интенсивности и направленности психические отношения к основному деянию, ближайшему последствию и квалифицирующему последствию.

Как справедливо писал А.И. Рарог «различие в интенсивности и определенности интеллектуальных и волевых процессов, протекающих в психике субъекта, определяет форму вины».¹ Этот тезис имеет особую ценность для анализа сложных конструкций вины. В преступлениях с двумя формами вины различаются не только сами формы виновного отношения, но и степень их выраженности внутри одного состава: высокая интенсивность умысла в отношении основного последствия может сочетаться с различной степенью выраженности неосторожного отношения к квалифицирующему последствию.

Преступления с двумя формами вины представляют собой не произвольное исключение из общих положений, а специальную законодательную модель, рассчитанную на ситуации, когда умышленное посягательство вызывает более тяжкий результат, не охватывавшийся умыслом. В одних случаях основным составом охватывается материальное последствие, а квалифицирующим признаком выступает еще более тяжкий результат; в других — основной состав сконструирован как формальный, но квалифицированный вид связывается с причинением смерти или иного тяжкого последствия. В обоих вариантах обязательным является раздельное установление психического отношения к тем юридически значимым элементам, которые имеют самостоятельное значение для квалификации.

В литературе, однако, высказывалась и иная позиция. Так, О.В. Полякова утверждала, что «деяние, субъективная сторона которого характеризуется двумя формами вины, не может рассматриваться в целом как умышленное».² Эта точка зрения важна как критика законодательной формулы, но вряд ли может быть принята полностью. Ее слабое место состоит в том, что она стирает системную связь между умышленным

---

¹ Рарог А.И. Указ. соч. С. 87.

² Полякова О.В. Двойная форма вины и ее значение в уголовном праве // Альманах современной науки и образования. 2009. № 1 (20). Ч. II. С. 131.

характером основного посягательства и теми институтами Общей части, которые ориентированы именно на умышленное преступление. Более обоснованным представляется не отказ от конструкции двойной формы вины, а ее внутреннее градуирование.

Показательно, что и в диссертационном исследовании Т.С. Коваленко подчеркивается: «умысел и неосторожность в подобных составах не образуют качественно новую, третью форму вины, а потому сама конструкция должна применяться с особой осторожностью и не может безгранично расширяться законодателем». Этот вывод важен в двойном отношении: он подтверждает недопустимость превращения преступлений с двумя формами вины в самостоятельную форму виновности и одновременно показывает, что внутри данной модели необходима более тонкая градация выраженности виновного отношения лица отдельно к основному деянию и отдельно к наступившим последствиям.

Несовпадение психического отношения может выражаться не только в различии между умыслом к деянию и неосторожностью к квалифицирующему последствию. Оно может проявляться и внутри самой оценки последствий: одно последствие охватывается прямым умыслом, другое — косвенным умыслом, третье — грубой либо обычной неосторожностью. Сравнительно-правовая литература исходит из предпосылки, значимой и для российского уголовного права: даже при использовании законодателем укрупненной категории неосторожности внутри нее сохраняется внутренняя градация степени вины, обусловленная различной выраженностью виновного отношения лица к содеянному.

Для разграничения сложных составов особенно важно установить, как именно риск входил в структуру практического выбора виновного. А. Гринберг, излагая альтернативную модель Р. А. Даффа, отмечает, что «безрассудство подразумевает практическое отношение, выражающееся в

одобрении или принятии риска, тогда как халатность этого не подразумевает».¹ Для отечественной теории этот вывод полезен постольку, поскольку позволяет различать ситуации, когда квалифицирующее последствие действительно не принималось субъектом и потому должно оцениваться как неосторожное, и ситуации, когда внешне схожее последствие фактически внутренне принято как допустимая цена действия. Во втором случае ссылка на двойную форму вины уже не должна автоматически исключать вывод о косвенном умысле к более тяжкому результату.

Именно поэтому внутри одного и того же состава возможна множественность уровней виновности. При умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего, возможны по меньшей мере четыре существенно различные комбинации: а) максимальный либо повышенный уровень умысла к основному последствию при грубой неосторожности к смерти; б) типичный умысел при обычной неосторожности к смерти; в) сниженный, ситуативно обусловленный умысел при обычной неосторожности; г) сниженный умысел при сниженной неосторожности. Формально это один и тот же состав, однако степень упречности в приведенных вариантах различна настолько существенно, что ее игнорирование означало бы нивелирование субъективной стороны.

Множественность уровней виновности внутри сложного состава подтверждается и тем, что правовые последствия такого сочетания распространяются не только на квалификацию, но и на оценку совместного участия. Р.Д. Шарапов и Д.А. Безбородов справедливо пишут, что «такое преступление в целом признается умышленным, следовательно, совершение его в соучастии не исключается».² Но из этого

---

¹ Greenberg A. Op. cit. P. 352.

² Шарапов Р.Д., Безбородов Д.А. Соучастие в преступлении и иные формы совместной преступной деятельности: закон, теория, практика : учеб. пособие. Санкт-

вовсе не следует, что уровень виновности всех соучастников одинаков. Напротив, в подобных делах необходимо отдельно устанавливать, кто и к какому именно ближайшему либо отдаленному последствию относился умышленно, кто допускал лишь грубую неосторожность, а кто вовсе не охватывал квалифицирующее последствие своим психическим отношением.

В новейшей литературе справедливо указывается, что «в настоящее время в законодательной практике наметилась тенденция к отходу от принципа использования концепта двух форм вины при конструировании квалифицированных составов умышленных преступлений с тяжкими (особо тяжкими) последствиями».¹ Этот сравнительно-правовой вывод заслуживает внимания, но сам по себе не устраняет проблему итоговой оценки виновности. Даже если законодатель изменит технику описания состава, правоприменителю все равно придется отвечать на вопрос, как оценивать сочетание намеренного основного посягательства и неполностью охваченного более тяжкого результата.

Представляется, что итоговая оценка виновности в подобных составах должна строиться по правилу асимметричного приоритета. Юридическая природа преступления определяется умышленным характером основного посягательства, поскольку именно он образует нормативное ядро состава. Однако степень виновности не может выводиться только из этого ядра; она должна корректироваться характером психического отношения к квалифицирующему последствию. Иначе говоря, итоговая степень виновности в преступлении со сложной конструкцией субъективной стороны определяется не механическим сложением двух форм вины, а интегральной оценкой основного

Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. С. 20.

¹ Фролов М.Г. Преступления с двумя формами вины: концептуальные подходы и коллизии правоприменения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 66.

умышленного уровня, уточненной степенью неосторожности либо, при доказанности принятия результата, уровнем косвенного умысла к более тяжкому последствию.

Показательно, что в доктрине дополнительной квалификации специально подчеркивается, что «если преступление предусмотрено статьей, включающей две формы вины, и статьей, включающей лишь неосторожность, квалификация осуществляется по первой статье».¹ Этот вывод важен не только для техники квалификации. Он подтверждает, что в сложном составе итоговая юридическая оценка не сводится к одному лишь неосторожному последствию, поскольку нормативное ядро уже включает более сложную конфигурацию виновности.

Именно такой подход позволяет избежать произвольной переквалификации. Верховный Суд Российской Федерации по делам об убийстве требует «устанавливать направленность умысла исходя из всей совокупности обстоятельств, а не из одного только факта наступления смерти».² Аналогично по транспортным преступлениям Пленум исходит из необходимости специального установления неосторожного отношения к последствиям, хотя нарушение правил может быть сознательным.³

Поэтому, правоприменитель обязан доказывать не только то, что лицо совершило общественно опасное деяние, но и то, как именно оно относилось к каждому юридически значимому последствию.

---

¹ Зацепин А.М. Дополнительная квалификация преступления: доктрина и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 201.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (по вопросам разграничения убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 25 июня 2024 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (по вопросам установления неосторожного отношения к квалифицирующим последствиям).

Судебная практика подтверждает и другую сторону проблемы: при недостаточном анализе субъективной стороны суды склонны либо необоснованно усиливать квалификацию до убийства, либо, напротив, механически сводить сложный умышленно-неосторожный состав к обычной неосторожности. В обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2014) и в ранее опубликованных извлечениях из Бюллетеня Верховного Суда Российской Федерации подчеркивается «недопустимость такой подмены: оценка должна опираться на фактическую направленность умысла, способ действия, локализацию повреждений, интенсивность насилия и иные обстоятельства, позволяющие отделить убийство от причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего».¹

Возражение о том, что предлагаемая модель якобы усложняет квалификацию, нельзя признать убедительным. Сложность здесь существует объективно, поскольку сам законодатель создал конструкции, где психическое отношение к разным элементам состава неоднородно. Игнорирование этой неоднородности не упрощает право, а переводит решение вопроса в сферу неявного судейского усмотрения. Напротив, открытое признание множественности уровней виновности внутри сложного состава делает оценку более проверяемой: суд обязан отдельно мотивировать уровень умысла к основному посягательству, степень неосторожности к квалифицирующему последствию и причины, по которым более тяжкий результат не признается охваченным косвенным умыслом.

---

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2014) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 декабря 2014 г.) (по вопросу разграничения убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего). Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. № 6. Извлечение (по вопросу недопустимости квалификации по ч. 4 ст. 111 УК РФ без учета фактических обстоятельств дела и направленности умысла).

Тем самым, преступления с двумя формами вины и иные сложные конструкции субъективной стороны подтверждают необходимость многоуровневой теории степени виновности. Они показывают, во-первых, что проблема не решается простым указанием на форму вины в целом; во-вторых, что внутри одного состава возможна множественность уровней виновности; в-третьих, что итоговая оценка должна быть интегральной, но не нивелирующей различия между отношением к основному и квалифицирующему последствиям. Для практики это означает необходимость мотивированно отделять косвенный умысел к более тяжкому результату от грубой неосторожности, а внутри неосторожности — грубую, обычную и сниженную ее степени.

§ 6. Универсальная модель степеней виновности

Завершение настоящей главы требует перехода от частных наблюдений к общей модели. Если в предыдущих параграфах была показана внутренняя неоднородность умысла, неосторожности, переходных состояний и сложных конструкций субъективной стороны, то теперь возникает необходимость свести полученные результаты в единую систему. Иначе категория степени виновности останется совокупностью разрозненных интуиций, полезных для описания отдельных случаев, но недостаточно пригодных для последовательного применения в квалификации, в мотивировке судебного решения и при индивидуализации ответственности.

Универсальная модель нужна не для того, чтобы подменить собой законодательные формы вины. Напротив, она исходит из того, что традиционное деление вины на умысел и неосторожность сохраняет свое значение как исходная правовая рамка. Однако внутри этой рамки требуется более дробная шкала, позволяющая оценить степень

выраженности виновного отношения лица к содеянному с учетом интеллектуального и волевого отношения к деянию, последствиям и риску. В таком понимании форма вины отвечает на вопрос о юридическом типе психического отношения, тогда как степень виновности — на вопрос о мере его интенсивности, определенности и уголовно-правовой значимости в конкретном случае.

Отправной предпосылкой предлагаемой конструкции является положение о том, что степень виновности не выводится ни из одной изолированной характеристики. А.И. Рарог обоснованно подчеркивал, что «лишь совокупность формы и содержания вины с учетом всех особенностей психического отношения лица к объективным обстоятельствам преступления и его субъективных, психологических причин определяет степень его вины».¹ Эта мысль принципиально важна. Она означает, что универсальная шкала не может строиться как простое приложение к статьям Общей части и не может механически совпадать ни с делением на прямой и косвенный умысел, ни с делением неосторожности на легкомыслие и небрежность.

Из этого следует и вторая предпосылка: одна и та же ступень шкалы может наполняться различным содержанием в зависимости от формы вины. Повышенная степень виновности в умышленном преступлении и повышенная степень виновности в неосторожном преступлении не тождественны по психическому механизму, однако сопоставимы по степени выраженности виновного отношения лица к содеянному. Поэтому универсальность модели следует понимать не как тождество внутренних переживаний, а как возможность соотнести различные варианты психического отношения по единому критерию — степени выраженности отрицательного, пренебрежительного либо недостаточно

---

¹ Рарог А.И. Указ. соч. С. 100.

внимательного отношения лица к охраняемым уголовным законом ценностям.

Третья предпосылка связана с тем, что степень виновности является категорией не только квалификационной, но и оценочной. А.И. Рарог писал, что «степень вины конкретного лица в совершении определенного преступления является непосредственным выражением меры искажения ценностных ориентаций виновного».¹ Из этого следует, речь идет не о внешней словесной классификации, а о попытке юридически упорядочить те различия, которые уже реально учитываются в практике — при разграничении смежных составов, при выборе квалифицирующих признаков, при назначении наказания и при мотивировке судебных решений.

Особый интерес в этом отношении представляет концепция взаимной вины. О.А. Канашина предлагает исходить из того, что «при взаимной вине каждый участник несет ответственность соразмерно степени вины и степени общественной опасности своего поведения».² Независимо от дискуссионности соответствующих законодательных предложений, сама эта формула подтверждает пригодность шкального подхода: даже в распределенных ситуациях уголовное право нуждается в дифференцированном учете индивидуального вклада.

Универсальная модель не может быть построена по одному показателю. Она требует, как минимум, совокупного учета пяти критериев. Во-первых, учитывается объем и определенность осознания: насколько полно лицо понимало фактический характер деяния, опасность поведения, свойства объекта посягательства и характер возможного вреда. Во-вторых, оценивается качество прогноза последствий либо риска: шла ли речь о четком предвидении определенного результата, о принятии

---

¹ Рарог А.И. Указ. соч. С. 103.

² Канашина О.А. Об уголовной ответственности с учетом взаимной вины // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 5 (106). С. 202.

высоковероятного исхода, о поверхностном расчете на предотвращение вреда либо лишь о возможности предвидения при надлежащей внимательности. В-третьих, анализируется волевая направленность поведения: стремилось ли лицо к результату, внутренне принимало его как допустимую цену действия, безразлично относилось к нему либо, напротив, не желало его и рассчитывало на предотвращение. В-четвертых, учитывается устойчивость антисоциальной установки либо глубина деформации обязанностей внимательности и предусмотрительности. В-пятых, оценивается конкретная ситуация выбора: наличие времени на обдумывание, предупреждений, специальных знаний, профессиональных обязанностей, внешних ограничителей и иных обстоятельств, влияющих на возможность правомерного поведения.

В сравнительно-правовой литературе справедливо отмечается, что «неосторожность в форме самонадеянности считается, при прочих равных условиях, более виновной, чем небрежность» (*recklessness is understood to be more culpable, all else being equal, than negligence*)¹. Для целей настоящего исследования это положение важно не само по себе, а как подтверждение общего принципа: уровень виновности возрастает там, где субъект не просто должен был распознать риск, а реально им располагал в своем сознании и тем не менее не отказался от опасного поведения.

Не менее существен и следующий вывод А. Гринберга, что «осознание подсудимым риска имеет нормативное значение, поскольку оно позволяет ему лучше реагировать на этот риск, чем соответствующему подсудимому, проявившему халатность».² Из этого следует, что шкала степеней виновности должна учитывать не только внутреннее психическое состояние как таковое, но и качество нереализованной возможности действовать иначе. Именно поэтому в

---

¹ Greenberg A. Op. cit. P. 351.

² Greenberg A. Op. cit. P. 351.

универсальной модели возрастают значение предупреждений, очевидности опасности, профессиональной компетентности и иных факторов, показывающих, насколько обоснован был упрек в адрес лица.

Одновременно универсальная модель должна оставаться проверяемой через факты дела. Иначе она превратится в произвольную моральную оценку. Методологически значимым является указание А.И. Рарога на то, что «для установления конкретного содержания интеллектуального и волевого элементов вины нет иных способов кроме умозаключения, основанного на оценке фактических обстоятельств дела».¹ Поэтому, каждый вывод о степени виновности обязан быть разложен на доказуемые обстоятельства: характер действий, способ их совершения, предшествующее поведение, количество и содержание предупреждений, свойства орудия, особенности объекта, длительность опасной ситуации, возможность прекращения поведения, данные о профессиональном статусе виновного и иные релевантные факторы.

С учетом изложенного целесообразно предложить универсальную пятиуровневую модель степени виновности: минимальная, сниженная, типичная, повышенная и максимальная степень виновности. Достоинство этой модели состоит в том, что она сохраняет методологическую гибкость. Она не привязана только к одной форме вины, не требует искусственно создавать новые законодательные конструкции и в то же время позволяет достаточно точно описывать качественные различия внутри уже известных форм вины.

Минимальная степень виновности обозначает нижний порог уголовно значимой степени вины. Она характерна прежде всего для тех случаев, когда вина установлена, однако интеллектуальная определенность прогноза, волевая мобилизация и возможность предотвращения вреда были ограничены, а нарушение обязанностей

---

¹ Рарог А.И. Указ. соч. С. 105.

внимательности имело наименьшую из уголовно наказуемых интенсивностей. В умышленных преступлениях эта ступень встречается редко и главным образом в ситуациях, когда умысел возникает ситуативно, без подготовки, при резко суженном горизонте оценки последствий. В неосторожных преступлениях минимальная степень виновности ближе всего к нижней границе криминализации и потому требует особенно тщательной мотивировки.

Сниженная степень виновности означает наличие более выраженного упрека, однако без обычной для соответствующей формы вины интенсивности. Для умышленных преступлений сюда могут относиться аффектированные, конфликтно обусловленные, импульсивные либо иным образом ситуационно суженные варианты умысла, при которых лицо осознает общественно опасный характер поведения, но действует в условиях существенного дефицита внутренней устойчивости, времени на рефлексию либо под влиянием резко обостренной конфликтной ситуации. Для неосторожных преступлений сниженная степень проявляется там, где лицо нарушает требуемую внимательность, однако риск не был настолько очевиден, а возможность предупреждения вреда не была столь значительной, чтобы говорить о грубой неосторожности.

Типичная степень виновности выполняет функцию базового уровня. Она соответствует обычному прямому либо косвенному умыслу без дополнительных усиливающих или ослабляющих признаков, а в сфере неосторожности — обычному легкомыслию либо небрежности, не достигающим грубого характера и не приближающимся к минимальному порогу уголовно значимой степени вины. Именно этот уровень должен использоваться как отправная точка для дальнейшего сравнения: только по отношению к нему приобретают содержательный смысл категории повышенной и сниженной виновности.

Повышенная степень виновности отражает существенное повышение степени вины по сравнению с типичным уровнем. В умышленных преступлениях она проявляется тогда, когда лицо отчетливо осознает высокую вероятность наступления тяжких последствий, принимает их как допустимый результат либо настойчиво продолжает опасное поведение, несмотря на очевидные сигналы риска и наличие реальной возможности остановиться. В неосторожных преступлениях данный уровень соответствует грубой неосторожности: риск был очевиден, обязанность предвидеть — повышенной, возможность действовать иначе — реальной и практически доступной, а нарушение правил осторожности — грубым и демонстративным по своей интенсивности.

Максимальная степень вины характеризует верхний предел степени выраженности виновного отношения лица к содеянному. Ее ядром является целенаправленное посягательство с полным осознанием фактического и социального смысла деяния, с устойчивой волевой направленностью на достижение результата, преодолением внешних и внутренних сдерживающих факторов, а в ряде случаев — с предварительным формированием решения и последовательной реализацией преступного плана. Максимальная степень виновности типична прежде всего для наиболее опасных вариантов умышленного преступного поведения. В сфере неосторожности эта ступень либо вовсе неприменима, либо может использоваться лишь как предельная сравнительная метка при описании наиболее грубых и социально опасных форм неосторожной виновности, не разрушая, однако, различия между умышленным и неосторожным причинением вреда.

Предлагаемая модель не означает, что все пять уровней одинаково представлены в каждом составе преступления. Напротив, ее универсальность сочетается с несимметричностью распределения уровней. Максимальная степень закономерно тяготеет к сфере

умышленных посягательств; минимальная и сниженная — чаще обнаруживаются в неосторожных и в отдельных ситуационно обусловленных умышленных преступлениях; повышенная занимает особое место в пограничной зоне между косвенным умыслом и грубой неосторожностью, а также в составах с двумя формами вины. Такая несимметричность не опровергает модель, а подтверждает ее пригодность для реального правоприменения.

Практическое применение универсальной модели целесообразно выстраивать в несколько последовательных этапов. Сначала суд обязан установить форму вины либо, если это предусмотрено законом, сочетание форм вины применительно к юридически значимым элементам состава. Затем по названным выше критериям определяется внутренняя степень выраженности виновного отношения лица к содеянному. После этого формируется итоговая оценка степени виновности, которая может использоваться при разграничении смежных составов, оценке спорных квалифицирующих признаков, решении вопроса о пределах соучастия, а также при назначении наказания. Такая последовательность не нарушает принцип законности, поскольку степень виновности не подменяет форму вины, а уточняет ее реальное содержание в конкретном случае.

Сравнительное уголовно-правовое обоснование подобного подхода имеется и в зарубежной литературе. Д. Гусак, разрабатывая проблему относительной вины, исходит из «необходимости специальных критериев для ответа на вопрос, почему и в какой мере один виновный более либо менее заслуживает упрека по сравнению с другим при сопоставимых внешних признаках деяния».¹ В том же направлении движется и Ф. Старк, рассматривающий безрассудство и небрежность как «разновидности преступной халатности, различающиеся по степени выраженности виновного отношения, а не только по формальной словесной

---

¹ Husak D.N. Op. cit. P. 493.

конструкции».¹ Для российской доктрины это означает, что переход к многоуровневой оценке виновности не является методологической экзотикой: он соответствует общей тенденции более точного измерения субъективного основания уголовной ответственности.

Наиболее важное практическое достоинство универсальной модели состоит в том, что она делает мотивировку проверяемой. Суд уже не может ограничиться указанием на то, что умысел был косвенным, а неосторожность — в форме легкомыслия либо небрежности. Он должен раскрыть, насколько определенным было осознание, насколько высока была вероятность результата, в чем выразалось принятие риска, какие меры предотвращения были доступны, почему неосторожность признается грубой либо почему умысел оценивается как сниженный или, напротив, как максимальный. Тем самым уменьшается пространство для скрытого усмотрения и повышается воспроизводимость квалификационных выводов.

Против предлагаемой модели могут быть выдвинуты по меньшей мере три возражения. Первое состоит в том, что закон прямо не называет пять степеней виновности. Однако из этого не следует, что научная систематизация недопустима. Уголовное право постоянно использует доктринальные категории, которые не получили исчерпывающего законодательного определения, но необходимы для единообразного толкования и применения закона. Степень виновности относится именно к таким категориям.

Второе возражение сводится к опасению, что многоуровневая модель приведет к дублированию уже существующих институтов назначения наказания. Это опасение преувеличено. Назначение наказания действительно учитывает степень вины, но само по себе оно не отвечает на вопрос, каким образом степень виновности должна быть описана и

---

¹ Stark F. Op. cit. P. 6.

доказана. Универсальная матрица предлагает не новый санкционный механизм, а язык и критерии для более точного анализа субъективной стороны.

Третье возражение касается риска расширительного усмотрения. На первый взгляд может показаться, что чем больше уровней внутри формы вины, тем выше вероятность произвольной оценки. В действительности ситуация обратная. Произвольность возрастает там, где суд интуитивно ощущает различие между случаями, но не располагает артикулированными критериями его описания. Универсальная модель, напротив, требует открыто показать, по каким именно параметрам один случай отличается от другого более высокой степенью выраженности виновного отношения лица к содеянному. Именно в этом заключается ее дисциплинирующее значение.

Универсальная модель степеней виновности позволяет завершить переход от разрозненных наблюдений к внутренне согласованной системе. Она сохраняет традиционное деление вины на умысел и неосторожность как исходную правовую рамку, но преодолевает его недостаточность посредством многоуровневой оценки степени виновности, отражающей различную выраженность виновного отношения лица к содеянному. Предлагаемая пятиступенчатая модель не отменяет различий между формами вины, а делает эти различия более точными и практически применимыми. Ее основное достоинство состоит в том, что она соединяет квалификационную строгость с оценочной определенностью и тем самым создает основу для более аргументированного разграничения смежных составов, для уменьшения произвольной переквалификации и для более последовательной индивидуализации уголовной ответственности.

Проведенное исследование позволяет сделать несколько итоговых выводов. Во-первых, традиционное деление вины на умысел и неосторожность необходимо для уголовного права, но недостаточно для

точной оценки степени виновности. Во-вторых, как умышленные, так и неосторожные преступления внутренне неоднородны; внутри них обнаруживаются существенно различные уровни виновности. В-третьих, особую ценность категория степени виновности приобретает в пограничных зонах — при разграничении косвенного умысла и грубой неосторожности, а также в преступлениях со сложной конструкцией субъективной стороны. В-четвертых, предложенная в настоящей главе модель показывает, что степень виновности может быть представлена не как единичная оценка, а как система, включающая взаимосвязанные уровни и правила их применения. В-пятых, именно системный характер этой категории делает возможным ее дальнейшее развитие как на уровне доктрины, так и на уровне судебной аргументации.

В завершающей части главы полезно учесть и методологический вывод Е.Е. Мелюхановой о том, что «уголовно-правовые категории находятся в определенной связи, обусловленной существованием многоуровневой категоризации в уголовном праве, которая включает в себя как вертикальные уровни, так и горизонтальные».¹ Это положение дополнительно укрепляет предложенную в главе идею о том, что степени виновности образуют именно систему, а не разрозненный набор оценок.

Для прикладного аспекта градуированной модели показательно и замечание Е.В. Юрчак, что «в одном случае вина может быть более значительной, чем в другом, притом что форма вины будет одной и той же».² Именно эта мысль подтверждает, что при формальном совпадении формы вины возможна различная итоговая степень виновности, и тем самым объясняет потребность в универсальной матрице уровней виновности.

---

¹ Мелюханова Е.Е. Категоризация в уголовном праве Российской Федерации : монография. — Москва : Юрлитинформ, 2025. С. 132.

² Юрчак Е.В. Теория вины в праве : монография / ответственный редактор Т. В. Кашанина. — Москва : Проспект, 2022. С. 126.

РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СТЕПЕНЕЙ ВИНОВНОСТИ

Глава 1. Степени виновности и законодательная дифференциация уголовной ответственности

§ 1. Степень виновности как фактор криминализации и пенализации

Категория степеней виновности приобретает особенно важное значение тогда, когда исследование выходит за пределы общего учения о вине и обращается к уголовно-правовой политике. До тех пор, пока степень вины рассматривается лишь как ориентир для индивидуализации наказания в конкретном деле, ее воздействие на право выглядит частным и ограниченным. Однако такой подход не отражает всей глубины проблемы. Если степень вины выражает количественную сторону виновного отношения лица к содеянному, а степени виновности образуют систему уровней итоговой уголовно-правовой оценки лица как субъекта виновного поведения, то их значение должно проявляться уже на стадии законодательного конструирования ответственности. Иными словами, законодателю недостаточно учитывать только объект посягательства, характер причиняемого вреда и распространенность деяния; он обязан принимать во внимание и типовую степень виновности, присущую соответствующему виду преступного поведения.

Такой вывод имеет ключевое значение для криминализации. Не всякое опасное причинение вреда должно становиться преступлением уже потому, что уголовный закон строится на принципе вины, а не на идее простого возмещения социального ущерба. Поэтому вопрос о криминализации всегда включает не только оценку объективного вреда, но и установление того, насколько типично для соответствующего

поведения наличие достаточной по интенсивности виновности. Если деяние обычно совершается в условиях минимальной или пограничной степени виновности, уголовно-правовая реакция должна быть особенно осторожной. Напротив, если соответствующий тип поведения характеризуется устойчиво повышенной или максимальной степенью виновности, это усиливает основания для криминализации.

В этом отношении сохраняет значение ранее сформулированное положение о том, что «учет степени вины необходим не только при индивидуализации наказания, но и на стадии законотворческого процесса, т.е. при конструировании конкретных составов преступления».¹ Эта мысль представляется методологически верной и для настоящего исследования. Степень виновности не может быть полностью перенесена на уровень судебной оценки; иначе законодатель будет вынужден объединять в одной норме случаи, существенно различающиеся по степени выраженности виновного отношения лица к содеянному, а их последующее разграничение оставлять исключительно сфере санкции и судебного усмотрения. Такой подход допустим лишь частично, поскольку в ряде случаев он ведет к размыванию границ состава преступления.

Не менее существенен вопрос о пенализации. Санкция уголовно-правовой нормы не должна быть безразличной к различию уровней виновности. Если одно и то же по внешним признакам деяние может типично совершаться как при повышенной, так и при сниженной степени виновности, законодатель обязан либо развести такие случаи по самостоятельным составам, либо предусмотреть такую санкционную рамку, которая действительно позволит учитывать этот разброс. Одинаковая санкция при существенно различной виновности есть не признак формального равенства, а дефект законодательной техники. Она

---

¹ Баумштейн А.Б. Вина, ее формы и их регламентация в составах экологических преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. С. 9.

создает иллюзию единообразия там, где, по существу, имеют место различные уровни субъективной опасности.

В современной литературе это хорошо улавливается через идею управления рисками. О.Н. Бибик показывает, что в процессе криминализации риски должны распределяться рационально и что «конструкция вины не может быть безразличной к вероятности вреда, к характеру принятого риска и к тому, кто именно его создает или игнорирует».¹ Для нашей темы из этого следует важный вывод: законодательная дифференциация ответственности должна быть чувствительна не только к факту причинения вреда, но и к тому, каков типовой уровень субъективного принятия или игнорирования риска. Там, где риск осознается, принимается либо грубо игнорируется, уровень виновности выше; там, где причинение вреда связано с предельными, нижними границами уголовно значимой неосторожности, санкционное решение должно быть иным.

Особенно отчетливо эта проблема проявляется в составах, где объективный результат остается одинаковым, но психическое отношение лица к нему существенно различается. Так, причинение смерти, тяжкого вреда здоровью, крупного имущественного ущерба или экологического вреда может характеризоваться различной степенью виновности в зависимости от того, как лицо осознавало риск, предвидело последствия, относилось к их наступлению и могло ли предотвратить вред. Если закон реагирует на такие случаи одинаково или почти одинаково, он фактически подменяет принцип виновной ответственности приоритетом объективного результата. Между тем справедливое наказание предполагает, что мера государственного упрека должна

---

¹ Бибик О.Н. Институт вины как инструмент управления рисками в уголовном праве // Юридический факультет Кубанского государственного университета: 60 лет служения науке и практике : материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2018. С. 556.

корреспондировать не только последствиям, но и степени виновности лица.

Поэтому, на уровне уголовно-правовой политики степень виновности должна рассматриваться как самостоятельный фактор криминализации и пенализации. Она позволяет ответить как минимум на три вопроса: во-первых, достаточно ли типичен и интенсивен субъективный упрек, чтобы соответствующее деяние криминализировать; во-вторых, требует ли данный тип поведения самостоятельного состава либо достаточно общей нормы; в-третьих, насколько широкой или, напротив, дифференцированной должна быть санкция. Без этих ответов законодательная дифференциация ответственности неизбежно останется неполной.

§ 2. Степени виновности и конструирование составов преступлений

Если на стадии криминализации и пенализации степень виновности выступает общим политико-правовым ориентиром, то на стадии конструирования состава преступления она приобретает уже более точное технико-юридическое значение. Законодатель должен решить, в каких случаях форма вины подлежит прямому указанию, когда достаточно общего описания деяния, в каких ситуациях необходим квалифицированный либо привилегированный состав и где различия в степени виновности требуют самостоятельного санкционного выражения.

Прежде всего степень виновности помогает ответить на вопрос о том, когда необходимо прямо указывать форму вины в диспозиции статьи. Чем выше риск объединения в рамках одного внешне сходного деяния случаев, существенно различающихся по степени выраженности виновного отношения лица к содеянному, тем важнее точная нормативная

фиксация формы вины. Если деяние способно совершаться как умышленно, так и по неосторожности, причем различие между этими случаями влечет принципиально разную оценку субъективной стороны и степени виновности, отсутствие прямого указания на форму вины становится источником правовой неопределенности. Законодатель тем самым фактически перекладывает на суд обязанность достраивать то, что должно быть определено на уровне закона.

Но даже там, где форма вины указана, проблема не исчезает. Деление на умысел и неосторожность дает только исходную рамку. Внутри нее возможны весьма разные уровни виновности. Именно поэтому недостаточно просто обозначить, что деяние совершается умышленно либо по неосторожности; необходимо решить, не смешиваются ли в одной норме случаи, различающиеся по типовой мере субъективного упрека настолько, что это требует самостоятельного законодательного разведения. В этом и заключается подлинное значение теории степеней виновности для конструирования состава: она позволяет увидеть не только качественные, но и количественные различия в субъективной стороне.

Из этого следует вопрос о специальных квалифицированных составах. Такие составы оправданы не всякий раз, когда меняется тяжесть последствий, а прежде всего тогда, когда более тяжкий случай выражает более высокую типовую степень виновности либо такое сочетание объективных и субъективных признаков, которое требует усиленной уголовно-правовой оценки. Иначе говоря, квалифицированный состав имеет подлинное доктринальное оправдание тогда, когда он описывает не просто больший вред, а более высокий по степени виновности тип преступного поведения. Если же специальный состав строится только на результате, игнорируя различие в виновности, он становится односторонним и приближается к логике скрытого объективного вменения.

Особого внимания заслуживают те нормы, в которых законодатель фактически смешивает разные уровни степени виновности в одной диспозиции. Такое смешение может проявляться по-разному. Иногда в одной статье оказываются объединены деяния, совершаемые при разных формах вины; иногда — случаи с одинаковой формой, но резко различной интенсивностью предвидения, волевой направленности или нарушения специальной обязанности; иногда — базовый вариант поведения и вариант поведения с более высокой степенью виновности различаются лишь квалифицирующим последствием, хотя различие в их субъективной стороне требует более глубокого нормативного разведения. Именно в таких зонах теория степеней виновности демонстрирует свою практическую ценность, поскольку предоставляет критерии для оценки внутренней согласованности законодательной конструкции.

Дополнительный аргумент здесь дает учение о юридической технике квалификации. Как справедливо показывает А.М. Зацепин, «существование специальной нормы имеет практический смысл лишь тогда, когда она иначе решает вопросы уголовной ответственности по сравнению с общей нормой».¹ Для нашей темы это означает следующее: специальная норма оправдана не только тогда, когда она точнее описывает внешний случай, но и тогда, когда она нормативно выражает иной уровень виновности. Если же такого различия нет, дробление закона может оказаться избыточным; если же различие есть, но специальная норма отсутствует, возникает дефект законодательной дифференциации.

Отсюда следует, что степень виновности должна быть включена в число обязательных ориентиров при конструировании составов преступлений. Она позволяет определить, где необходимо прямое указание на форму вины, когда требуется создание квалифицированного или привилегированного состава, в каких случаях следует

---

¹ Зацепин А.М. Дополнительная квалификация преступления: доктрина и практика: дис. ... д-ра юридических наук : 5.1.4. Екатеринбург, 2022. С. 155.

дифференцировать санкции, а где действующее законодательство неправомерно объединяет в одной норме случаи, существенно различающиеся по степени виновности.

§ 3. Степени виновности и квалификация преступлений

Наиболее осязаемое прикладное значение теория степеней виновности приобретает в сфере квалификации преступлений. Именно здесь суд и следствие сталкиваются с необходимостью не только установить форму вины, но и мотивированно выбрать одну из конкурирующих уголовно-правовых оценок. Формально близкие деяния нередко требуют различной квалификации именно потому, что различаются по степени выраженности виновного отношения лица к содеянному.

Во-первых, степень виновности имеет значение для разграничения смежных составов. Речь идет не только о классических парах умышленного и неосторожного причинения одного и того же вреда, но и о составах, в которых различается глубина осознания, направленность умысла, степень определенности предвидения либо характер нарушения специальной обязанности. Там, где внешне похожие деяния образуют разные составы, вопрос обычно сводится к выявлению той границы, на которой количественные различия в субъективной стороне переходят в качественно иную уголовно-правовую оценку. Теория степеней виновности делает эту границу более понятной.

Во-вторых, особое значение данная категория имеет для разграничения умышленного и неосторожного причинения одного и того же вреда. Здесь ошибка правоприменителя наиболее опасна: завышение уровня виновности ведет к необоснованному ужесточению ответственности, занижение — к ослаблению уголовно-правового упрека

вопреки фактическому отношению лица к результату. Как было показано в главе 4, именно переходные случаи между косвенным умыслом и грубой неосторожностью образуют одну из главных проблем квалификации. Поэтому значение имеет не абстрактная формула, а конкретная реконструкция психического отношения: насколько определенно лицо предвидело результат, имело ли реальный расчет на предотвращение вреда, сохраняло ли контроль над ситуацией, принимало ли высоковероятные последствия как допустимые.

В-третьих, степень виновности особенно важна в переходных случаях. Переходная зона — это не просто затруднение доказывания, а особая правовая ситуация, в которой обычная бинарная модель оказывается недостаточной для объяснения различий между делами. Одно и то же нарушение правил безопасности может находиться на нижней границе косвенного умысла или на верхней границе грубой неосторожности; причинение вреда в конфликтной ситуации может колебаться между типичным и сниженным умыслом; в сложных составах с двумя формами вины итоговая оценка зависит от того, как соотносены отношение к основному деянию и отношение к квалифицирующему последствию. Теория степеней виновности не устраняет этих трудностей, но дает язык для их мотивированного разрешения.

В-четвертых, степень виновности имеет значение при выборе между общей и специальной нормой. Конкуренция общей и специальной нормы не может быть сведена только к формальному правилу: специальная норма подлежит применению потому, что она точнее отражает юридически значимые особенности конкретного случая. Одной из таких особенностей может выступать иная степень выраженности виновного отношения лица к содеянному. Если специальная норма описывает не просто частный внешний вариант деяния, а тип поведения с более высокой либо, напротив, сниженной степенью виновности, выбор в

ее пользу означает не техническую подстановку, а более точную уголовно-правовую квалификацию.

В таком понимании выводы, разработанные в работах А.М. Зацепина о конкуренции общей и специальной нормы, дополняются теорией степеней виновности: «специальная норма должна восприниматься как нормативное выражение в том числе и иной субъективной оценки».¹

Наконец, степень виновности важна и для разграничения общей и специальной нормы в тех случаях, когда законодатель использует исключительные либо привилегированные конструкции. Здесь выбор нормы невозможен без понимания того, выражает ли данная статья действительно иной тип виновности или лишь иначе описывает тот же самый случай. Ошибка в этом вопросе ведет либо к избыточной квалификации, либо к неоправданному поглощению более точной нормы общей.

Отсюда следует, в сфере квалификации степень виновности выполняет не вспомогательную, а системную функцию. Она служит критерием разграничения смежных составов, позволяет отделять умышленное причинение вреда от неосторожного, помогает решать переходные случаи и делает более обоснованным выбор между общей и специальной нормой.

§ 4. Степени виновности в отдельных группах преступлений

Прикладная убедительность теории степеней виновности особенно возрастает тогда, когда она проверяется на материале отдельных групп

---

¹ Там же. С. 155.

преступлений. Для целей настоящей главы достаточно выделить четыре опорных блока.

Во-первых, это преступления против жизни и здоровья. Именно здесь различия в степени виновности наиболее заметны и социально значимы. Одно дело — целенаправленное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью при устойчивой волевой направленности на результат; другое — ситуационно возникший умысел; третье — грубая неосторожность; четвертое — нижняя граница уголовно наказуемой небрежности. Формально речь может идти об одном и том же вреде, однако степень выраженности виновного отношения лица к содеянному во всех этих случаях различна. Поэтому данная группа преступлений нагляднее всего показывает, почему одинаковый результат не должен автоматически влечь одинаковую по строгости уголовно-правовую реакцию.

Вторая опорная группа — преступления против общественной безопасности и безопасности движения. Именно здесь особенно отчетливо проявляется проблема риска, нарушения специальных правил и сложного соотношения предвидения с обязанностью предвидеть. Работы О.Н. Бибика, связывающие вину с управлением рисками, весьма полезны для понимания того, «почему транспортные, техногенные и иные опасные составы не могут оцениваться только по последствиям».¹ В этих преступлениях повышение степени виновности связано, как правило, не с одним лишь фактом нарушения правил, а с очевидностью риска, числом проигнорированных предостережений, профессиональным статусом субъекта, длительностью опасного поведения и реальной возможностью предотвращения вреда. Отсюда следует, и законодательная, и правоприменительная оценка должны быть чувствительны к различию между типичной и повышенной неосторожной виновностью.

---

¹ Бибик О.Н. Экономический подход при исследовании категории вины//Правоприменение. 2018. Т. 2, № 4. С. 102.

Третья группа — экономические преступления. Здесь вопрос о степени виновности тесно связан с интеллектуальной насыщенностью поведения. В экономической сфере значительное число деяний предполагает сложную систему решений, расчетов, документального оформления, осознание регулятивной среды и понимание последствий для имущественных интересов, конкуренции, публичных финансов или кредиторов. Поэтому умысел в этих составах нередко характеризуется более высокой степенью продуманности и устойчивости. Одновременно именно в сфере экономической деятельности особенно заметна опасность законодательного смешения случаев, различающихся по глубине осознания противоправности, цели извлечения выгоды и роли профессионального статуса. В таком понимании перспективными выглядят и новейшие исследования вины в преступлениях в сфере экономической деятельности, поскольку они «помогают точнее уловить специфику субъективной стороны данной группы деяний».¹

Новейшее исследование В.А. Губко уточняет этот тезис применительно к бланкетным экономическим составам, что «в ряде случаев для вывода об умысле требуется установить не абстрактное «долженствование знать», а фактическую осведомленность лица о нарушаемых регулятивных требованиях и об иноотраслевой противоправности своего поведения».² Это особенно важно для теории степеней виновности, поскольку в экономической сфере интеллектуальная насыщенность поведения способна существенно повышать степень выраженности виновного отношения лица к содеянному и одновременно служить ограничителем против необоснованного завышения степени виновности в тех случаях, когда осознание нормативного запрета не доказано надлежащим образом.

---

¹ Губко В.А. Вина как признак преступления в сфере экономической деятельности : дис. ... канд. юридических наук : 5.1.4. Москва, 2025. 257 с.

² Губко В.А. Там же. С. 138.

Четвертая группа — экологические и профессиональные преступления. Здесь теория степеней виновности важна вдвойне. С одной стороны, многие такие деяния связаны с нарушением специальной обязанности, а потому степень виновности определяется не только психическим отношением лица к причиненному вреду, но и характером профессионального стандарта поведения, объемом возложенных обязанностей и мерой отклонения от них. С другой стороны, именно здесь чаще всего возникают ситуации распределенного причинения, многоэтапного нарушения правил, допуска к деятельности некомпетентных лиц и проблематика так называемой взаимной вины. В этом аспекте полезны наблюдения О.А. Канашиной о необходимости «учитывать поведение потерпевшего и распределенный характер виновного вклада, поскольку единый результат не всегда исчерпывается односторонним упреком одному субъекту».¹ Для профессиональных и экологических составов это особенно важно: степень виновности может возрастать не только из-за индивидуальной беспечности исполнителя, но и из-за организационного допуска к опасной деятельности в условиях очевидной неготовности, некомпетентности или отсутствия контроля.

В совокупности рассмотренные группы преступлений подтверждают общий вывод: степени виновности не являются отвлеченной категорией общей части. Они реально работают в Особенной части — при оценке преступлений против личности, опасных транспортных и техногенных деяний, экономических преступлений, а также экологических и профессиональных составов. Чем сложнее объективная структура деяния и чем сильнее значение риска, специальной обязанности или организационного фактора, тем заметнее практическая роль данной категории.

---

¹ Канашина О.А. Взаимная вина в уголовном праве: необходимость установления : монография. Москва : Юрлитинформ, 2012. 276 с.; Канашина О.А. Об уголовной ответственности с учетом взаимной вины // Вестник Самарского государственного университета. 2023. № 5 (106). С. 201.

§ 5. Законодательные дефекты и пути их устранения

Из сказанного следует, что действующее уголовное законодательство уже фрагментарно учитывает различия в степени виновности, но делает это непоследовательно. Из этого следует необходимость выделить основные дефекты и наметить пути их устранения.

Первый дефект состоит в отсутствии указания на форму вины там, где такое указание необходимо для разграничения случаев, существенно различающихся по степени виновности. Если диспозиция статьи не позволяет надежно отличить умышленное поведение от неосторожного или оставляет чрезмерно широкое пространство для судебного достраивания субъективной стороны, это создает риск неодинаковой квалификации сходных дел. Устранение данного дефекта требует более точной законодательной регламентации составов, в которых форма вины имеет конструктивное значение.

Второй дефект выражается в одинаковой или почти одинаковой санкционной реакции на случаи, различающиеся по степени виновности. Формально такая модель может выглядеть простой, но, по существу, она нивелирует принцип справедливости. Если закон объединяет в одной санкционной рамке случаи типичной и повышенной виновности либо не отличает грубую неосторожность от минимально уголовно значимой, суд получает чрезмерно широкий и мало структурированный простор усмотрения. В результате недостаток законодательной дифференциации компенсируется судебной оценкой, что далеко не всегда обеспечивает единообразие практики.

Третий дефект — избыточная ориентация на последствия при слабой проработке субъективной стороны. Такой подход особенно опасен

в преступлениях с тяжкими последствиями, в квалифицированных составах и в деяниях, связанных с нарушением специальных правил. Когда законодателя интересует почти исключительно результат, степень виновности начинает фактически выводиться из тяжести наступившего вреда. Тем самым создается почва для скрытого объективного вменения, против которого и направлен принцип вины.

Четвертый дефект заключается в объединении в одной норме случаев, различающихся по степени виновности. Речь идет о ситуациях, когда закон охватывает одним составом деяния, различающиеся по характеру предвидения, интенсивности волевой направленности, роли специальной обязанности, профессиональному статусу субъекта либо по сочетанию умышленного деяния с неосторожным последствием. Там, где такие различия имеют типовой характер, их нельзя полностью переносить на уровень назначения наказания.

Пути устранения названных дефектов, на наш взгляд, состоят в следующем. Во-первых, требуется более последовательное указание на форму вины в тех составах, где без этого размывается граница между существенно различающимися уровнями степени виновности. Во-вторых, необходимо расширять использование специальных и привилегированных составов там, где различие в степени виновности имеет устойчивый характер. В-третьих, санкции должны проектироваться с учетом типового диапазона выраженности виновного отношения лица к содеянному, а не только тяжести последствий. В-четвертых, в Общей части уголовного закона целесообразно нормативно подчеркнуть значение субъективной стороны и степени виновности для дифференциации ответственности и назначения наказания. Наконец, в судебной практике следует добиваться более развернутой мотивировки выводов о форме и степени виновности, особенно в переходных и пограничных случаях.

Итак, законодательные дефекты в сфере учета степеней виновности носят не случайный, а системный характер. Их преодоление возможно лишь при условии, что степень виновности будет признана не факультативным оценочным оборотом, а полноценным фактором законодательной дифференциации уголовной ответственности.

Степени виновности должны работать уже на уровне закона. Законодательная дифференциация уголовной ответственности не может строиться только на объекте посягательства и тяжести последствий; она должна учитывать типовую меру субъективной упречности соответствующего поведения.

Категория степеней виновности имеет значение для криминализации, пенализации, конструирования составов, квалификации и построения санкций. Она позволяет выявить те случаи, когда общая норма излишне широка, специальная — необходима, а санкция — недостаточно чувствительна к различию уровней виновности.

Теория степеней виновности особенно важна для разграничения смежных составов, умышленных и неосторожных деяний, переходных случаев и конкуренции общей и специальной нормы. Она обеспечивает более точную связь между принципом вины и реальной практикой квалификации.

В Особенной части уголовного права значение данной категории особенно заметно применительно к преступлениям против жизни и здоровья, преступлениям против общественной безопасности и безопасности движения, экономическим преступлениям, а также экологическим и профессиональным деяниям.

Отсутствие прямого указания на форму вины, установление одинаковой санкции для случаев, различающихся по степени виновности, избыточная ориентация только на последствия и объединение неодинаковых уровней виновности в одной норме должны рассматриваться как дефекты законодательной техники. Их устранение

является одним из необходимых условий дальнейшего развития принципа субъективного вменения.

Глава 6. Степени виновности и индивидуализация уголовной ответственности

§ 1. Значение степени виновности при назначении наказания

Проблема степени виновности обнаруживает свое наиболее наглядное практическое значение в сфере назначения наказания. Именно здесь уголовно-правовая оценка перестает быть только вопросом квалификации и становится вопросом выбора конкретной меры государственного принуждения. Однако, действующее право и судебная практика учитывают субъективную сторону преступления в этой части неполно и неравномерно. Форма вины, хотя и признается одним из исходных ориентиров уголовно-правовой оценки, реально учитывается главным образом опосредованно - через квалификацию преступления, категорию содеянного и общую характеристику общественной опасности. Вид вины учитывается еще более фрагментарно: различие между прямым и косвенным умыслом, между легкомыслием и небрежностью, между типичным и аффектированным умыслом либо между обычной и грубой неосторожностью далеко не всегда получает самостоятельное отражение при определении меры наказания. Степень же виновности нередко вообще «остается нераскрытой и подменяется либо формулой об умышленном характере деяния, либо ссылкой на тяжесть последствий».¹

Такой подход вызывает методологические возражения. Если вина в уголовном праве представляет собой обязательное основание

---

¹ Гришко А.Я., Беляков А.Ю. Степень вины по уголовному законодательству: ретроспективный и сопоставительный анализ // Уголовному кодексу Российской Федерации 25 лет: история, проблемы, перспективы : сборник материалов международной научно-практической конференции. Рязань, 2022. С. 40.

ответственности, а степень вины выражает количественную сторону виновного отношения лица к содеянному, то именно она «должна служить одним из главных мостов между составом преступления и индивидуализацией наказания».¹ Без этого между признанием лица виновным и назначением ему конкретной санкции возникает разрыв: состав фиксирует наличие вины, но не раскрывает, каков был реальный объем осознания, степень волевой мобилизации, глубина предвидения, устойчивость преступного решения, роль ситуации, профессионального статуса и иных факторов, определяющих меру субъективного упрека.

Общие начала назначения наказания, закрепленные в статье 60 УК РФ, требуют учитывать характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Однако прямая нормативная отсылка именно к степени виновности в данной норме отсутствует. На практике это нередко ведет к тому, что субъективная сторона как бы растворяется в более широкой характеристике общественной опасности. Между тем такой подход не вполне согласуется ни с принципом вины, ни с принципом справедливости, поскольку «одинаковая санкционная реакция на случаи разной виновности фактически приближает назначение наказания к объективистской логике».²

Еще советская доктрина достаточно ясно уловила особую роль степени вины в индивидуализации ответственности. А.И. Рарог связывал ее именно «с количественной стороной вины и с судебной оценкой меры отрицательного отношения лица к охраняемым уголовным законом

---

¹ См.: Баумштейн А.Б. Вина, ее формы и их регламентация в составах экологических преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. С. 21.

² Авдеева О.А., Авдеев В.А. Теоретико-методологические и отраслевые аспекты понимания вины как правовой категории // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 14.

ценностям».¹ В более современной литературе эта линия была развита и психологико-правовыми исследованиями. О.Д. Ситковская справедливо подчеркивает, что «индивидуальное наказание должно соответствовать индивидуальной вине субъекта, ее степени».² Для настоящей монографии этот тезис имеет ключевое значение: степень виновности не является факультативным «уточнением» к квалификации, а выступает той категорией, которая позволяет превратить формально верное установление состава в действительно справедливое решение о наказании.

Эту линию дополнительно подтверждает Е.В. Юрчак, подчеркивающая, что степень вины является количественным выражением сравнительной тяжести вины и именно поэтому служит критерием индивидуализации ответственности и наказания. В контексте настоящего исследования этот вывод особенно ценен тем, что он связывает степень вины не только с общей теорией, но и с судебной практикой «распределения меры порицания между лицами, совершившими формально сходные деяния».³

В действительности форма вины учитывается судами недостаточно именно потому, что она слишком часто воспринимается как самодостаточная характеристика. Констатация умысла еще не означает раскрытия всей субъективной картины преступления. В одном случае умышленное преступление совершается после подготовки, в условиях отчетливого предвидения, при настойчивой волевой направленности на результат; в другом — в конфликтной, эмоционально суженной, внезапно возникшей ситуации. Оба деяния могут быть умышленными, но они различаются по степени выраженности виновного отношения лица к содеянному. Аналогичным образом неосторожное преступление может

---

¹ Рапог А.И. Вина в советском уголовном праве. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1987. С. 103.

² Ситковская О.Д. Указ. соч. С. 92.

³ Юрчак Е.В. Указ. соч. С. 71.

располагаться либо на нижней границе уголовно наказуемой небрежности, либо на уровне грубой неосторожности, близкой к верхнему пределу неосторожной виновности. Если все эти варианты объединяются лишь общей ссылкой на «форму вины, назначение наказания неизбежно утрачивает внутреннюю точность».¹

С этой точки зрения степень виновности должна рассматриваться как обязательный промежуточный элемент между юридической конструкцией состава и индивидуализацией ответственности. Она позволяет перейти от бинарного противопоставления «умысел — неосторожность» к более тонкой шкале уголовно-правовой оценки виновного отношения лица к содеянному. Именно поэтому предложенная в предыдущей главе пятиуровневая матрица степеней виновности - минимальная, сниженная, типичная, повышенная и максимальная - имеет не только теоретическое, но и прямое практическое значение для назначения наказания: она дает суду язык и критерии для объяснения, почему «одинаково квалифицированные деяния заслуживают различной санкционной реакции».²

§ 2. Степени виновности и общие начала назначения наказания

Положение о том, что при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, не может быть истолковано таким образом, будто степень вины или степень

---

¹ Бибик О.Н. Экономический подход при исследовании категории вины // Правоприменение. 2018. Т. 2, № 4. С. 98-105; Бибик О.Н. Институт вины как инструмент управления рисками в уголовном праве // Юридический факультет Кубанского государственного университета: 60 лет служения науке и практике : материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2018. С. 554.

² Мелюханова Е.Е. Категоризация в уголовном праве Российской Федерации : монография. Москва : Юрлитинформ, 2025. С. 132.

виновности находятся вне структуры судебной оценки. Напротив, характеристика общественной опасности без анализа степени выраженности виновного отношения лица к содеянному неизбежно остается неполной. Общественная опасность преступления включает объективные и субъективные элементы; поэтому ее степень не может быть корректно определена без ответа на вопрос, каким было психическое отношение лица к деянию и последствиям, насколько оно было интенсивным, устойчивым, осознанным и волевым.¹

Отсюда следует, что степень виновности должна рассматриваться как самостоятельный оценочный ориентир для суда. Она, разумеется, связана с характером и степенью общественной опасности, но не совпадает с ними. Общественная опасность характеризует преступление в целом; степень виновности - только субъективный вклад лица в эту опасность. Если суд не выделяет этот компонент специально, он невольно подменяет анализ вины анализом результата, способа совершения деяния или характеристик личности.

Поэтому принципиально важно отличать степень виновности от обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Смягчающие и отягчающие обстоятельства — это элементы системы назначения наказания, которые могут относиться как к самому деянию, так и к личности виновного, его поведению до, во время и после преступления. Но они не тождественны степени виновности. Например, явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, возмещение ущерба, примирение с потерпевшим, совершение преступления впервые вследствие случайного стечения обстоятельств, рецидив, использование особой уязвимости потерпевшего — все это юридически значимые факторы назначения наказания, однако они не

---

¹ Юрчак Е.В. Понятие «степень вины» как теоретическая характеристика вины и критерий индивидуализации юридической ответственности // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 10 (54). С. 71.

всегда характеризуют саму меру субъективного упрека в отношении содеянного.

Отсюда следует, что степень виновности должна определяться логически раньше, чем суд перейдет к учету смягчающих и отягчающих обстоятельств. Сначала необходимо установить степень выраженности виновного отношения лица к содеянному в рамках самого преступления; затем — определить, какие внешние по отношению к этой оценке факторы усиливают или ослабляют санкционную реакцию. Если указанная последовательность нарушается, возникает риск подмены: например, низкая степень виновности ошибочно выводится из последующего раскаяния, а высокая — из тяжести последствий либо данных о личности. Такая подмена недопустима, поскольку степень виновности относится прежде всего к интеллектуально-волевой и мотивационной структуре деяния, а не к последующему поведению лица.

Представляется, что степень виновности как самостоятельный ориентир для суда должна определяться как минимум по четырем блокам признаков.

Во-первых, интеллектуальные признаки: объем и определенность осознания общественно опасного характера деяния, степень предвидения последствий, понимание характера риска и значение нарушаемой обязанности.

Во-вторых, волевые признаки: направленность на результат, устойчивость преступного решения, принятие последствий либо, напротив, наличие лишь ослабленного контроля и сниженной волевой мобилизации.

В-третьих, мотивационно-ситуационные признаки: конфликтность ситуации, аффектированность, внезапность, давление обстоятельств, дефицит времени на принятие решения, а также иные факторы, влияющие на интенсивность субъективного упрека, но не устраняющие вины.

В-четвертых, личностно-ролевые признаки: наличие специальной подготовки, профессиональных обязанностей, должностного статуса, специальных знаний и объективно ожидаемой способности предупреждать вред. Эти признаки особенно значимы в неосторожных и профессиональных преступлениях, где «повышенный уровень компетентности может усиливать меру виновного упрека при необоснованном игнорировании очевидного риска». ¹

Такое понимание позволяет точнее соотнести степень виновности с общими началами назначения наказания. Суд не должен ограничиваться ссылкой на то, что преступление умышленное или неосторожное, тяжкое либо средней тяжести. Он обязан показать, как именно субъективная сторона сказалась на выборе наказания. Иначе общие начала назначения наказания остаются формально воспроизведенными, но не раскрытыми по существу.

§ 3. Степени виновности и освобождение от уголовной ответственности или наказания

Категория степеней виновности значима не только для выбора вида и размера наказания, но и для решения вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности или наказания. Льготные институты уголовного права по своей природе предполагают, что в ряде случаев цели уголовно-правового реагирования могут быть достигнуты без полного объема карательного воздействия. Однако их применение должно соотноситься со степенью виновности лица, поскольку именно

---

¹ Ситковская О.Д. Указ. соч. С. 88, 92; Кораблёва С.Ю., Казакова В.А. Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию преступлений : монография. Москва : Издательский Дом «Научное обозрение», 2016. С. 95.

она показывает, насколько выраженным было виновное отношение к содеянному в рамках самого преступления.

Невысокая степень виновности может и должна рассматриваться как аргумент в пользу более мягких форм реагирования. Это особенно очевидно в тех случаях, когда деяние совершено при минимальной или сниженной степени виновности, когда преступное решение носило ситуативный, неустойчивый характер, когда лицо действовало в условиях ограниченной возможности для спокойной оценки обстановки, а нарушение обязанности предвидеть последствия не отличалось грубостью. В подобных ситуациях сама мера субъективного упрека подсказывает, что полноценная уголовная репрессия может оказаться избыточной. Такой вывод вполне согласуется с природой институтов освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, возмещением ущерба, а также с институтами освобождения от наказания либо смягчения дальнейшего исполнения наказания.

Показательно, что и в современной литературе о малозначительности деяния низкая степень вины, мотив и цель рассматриваются среди обстоятельств, способных указывать на недостаточный уровень общественной опасности и, следовательно, на допустимость более мягкого правового реагирования. С этой точки зрения теория степеней виновности оказывается методологически сопряженной с учением о малозначительности: обе конструкции ориентируют правоприменителя на то, чтобы «не допускать чрезмерной репрессии при минимальной степени виновности».¹

Иначе уголовное право начинает формировать противоречивый нормативный сигнал: поведение, характеризующееся повышенной или

---

¹ Аубакирова-Тер-Григорян Н.М. Малозначительность деяния: оценочное понятие уголовного закона // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 264.

максимальной степенью виновности, может получать неоправданно мягкую правовую реакцию лишь потому, что формальные критерии льготного института соблюдены. Здесь обнаруживается и системный дефект действующего регулирования. Закон содержит развернутые условия применения отдельных видов освобождения, но не выстраивает ясной связи между этими решениями и степенью виновности лица. В результате суды нередко сосредотачиваются на внешних предпосылках: категории преступления, поведении после его совершения, факте возмещения ущерба, истечении части срока наказания, состоянии здоровья или наличии детей. Все это важно, но без оценки степени виновности решение оказывается неполным. Оно может быть формально законным, но недостаточно убедительным в плане справедливости.

Иначе уголовное право начинает формировать противоречивый нормативный сигнал: поведение, характеризующееся повышенной или максимальной степенью виновности, может получать неоправданно мягкую уголовно-правовую реакцию лишь потому, что формальные критерии льготного института соблюдены. Поэтому более ясная связь между степенью виновности и решениями об освобождении от уголовной ответственности или наказания является необходимой. Она не означает превращения степени виновности в самостоятельное формальное основание освобождения либо отказа в освобождении. Ее значение должно быть иным: она должна стать обязательным содержательным фактором судебной мотивировки, позволяющим показать, почему именно в данном случае льготный институт соответствует либо не соответствует требованиям справедливости.

§ 4. Степени виновности и иные меры уголовно-правового характера

Степени виновности имеют значение и при выборе иных мер уголовно-правового характера, а также более мягких режимов уголовно-правового реагирования. В этом контексте принципиален не столько сам факт признания лица виновным, сколько вопрос о том, какой способ уголовно-правового воздействия наиболее соответствует конкретной степени виновности.

Во-первых, речь идет об условном осуждении. По смыслу статьи 73 УК РФ условное осуждение допустимо тогда, когда суд приходит к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания. Очевидно, что такой вывод не может основываться только на данных о личности и смягчающих обстоятельствах. Он должен учитывать и степень виновности. Низкая либо сниженная степень виновности, как правило, в большей мере согласуется с условным осуждением, поскольку свидетельствует о меньшей устойчивости преступного решения, менее выраженной антисоциальной направленности виновного поведения и меньшей необходимости жесткой карательной реакции. Напротив, повышенная и особенно максимальная степень виновности обычно хуже совместимы с условным осуждением, поскольку указывают на более глубокую антисоциальную направленность, более высокий уровень сознательного принятия вреда и большую внутреннюю завершенность преступного решения.

Сходным образом должен решаться вопрос об отсрочке исполнения приговора. Сам по себе социальный статус осужденного, наличие ребенка, беременность либо иные предусмотренные законом обстоятельства не исчерпывают оснований для принятия такого решения. Суду необходимо сопоставить гуманитарные цели отсрочки с характером совершенного деяния и степенью виновности лица. Чем выше степень виновности, тем более строгой и развернутой должна быть аргументация допустимости временного отказа от немедленного исполнения наказания.

Особого упоминания заслуживают принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним. В этих случаях роль степени виновности особенно велика, поскольку уголовное право здесь заведомо ориентировано на повышенное значение воспитательного эффекта, на учет незрелости личности и на поиск менее репрессивных способов реагирования. Но и здесь нельзя исходить только из возраста лица или категории совершенного преступления. Внутри одной и той же категории деяний, совершаемых несовершеннолетними, возможны разные уровни виновности — от ситуационно-импульсивного, сниженного умысла до достаточно устойчивой и сознательной преступной направленности. Следовательно, выбор между наказанием, условным осуждением и принудительными мерами воспитательного воздействия должен учитывать степень виновности несовершеннолетнего, а не только формальные признаки деяния и возраст субъекта.

Вопрос о принудительных мерах медицинского характера требует особой оговорки. Поскольку эти меры связаны прежде всего с психическим состоянием лица и задачами лечения и предупреждения новых общественно опасных деяний, степень виновности не играет здесь той определяющей роли, которую она играет при назначении наказания. Тем не менее и в смежных случаях ограниченной вменяемости, не исключаяющей уголовной ответственности, учет пониженного либо специфически деформированного уровня осознанности и самоконтроля способен влиять на общий выбор режима реагирования. Поэтому и в данной сфере «степень виновности не устраняется полностью, хотя ее значение не является ведущим».¹

В целом же рассматриваемая категория должна служить ориентиром при выборе между более жесткими и более мягкими формами

---

¹ Кораблёва С. Ю., Казакова В. А. Указ. соч. С. 95.

уголовно-правового воздействия. Если право действительно стремится к индивидуализации, оно не может выбирать режим реагирования без учета того, насколько интенсивным было виновное отношение лица к содеянному.

§ 5. Отражение степени виновности в судебном акте

Одна из наиболее острых практических проблем заключается в том, что даже там, где суд фактически учитывает степень виновности, это редко получает должное выражение в тексте приговора. Между тем уголовно-процессуальный закон требует, чтобы описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора содержала мотивы решения по вопросам, связанным с назначением наказания. Из этого следует, вывод о степени виновности не может оставаться на уровне неявного внутреннего убеждения суда; он должен быть выражен и мотивирован в судебном акте.

Суд не должен ограничиваться шаблонной фразой о том, что преступление носит умышленный характер либо что виновность подсудимого подтверждена совокупностью доказательств. Такая формула может быть достаточной для самой констатации состава, но она недостаточна для обоснования индивидуализации наказания. Если степень виновности имеет значение для выбора меры уголовно-правового воздействия, то суд обязан показать, в чем именно она выразилась.

Представляется, что мотивировка степени виновности в судебном акте должна включать по меньшей мере следующие элементы.

Во-первых, интеллектуальные признаки: что именно осознавал виновный, насколько ясно он понимал характер посягательства,

предвидел ли неизбежность либо лишь возможность наступления последствий, как оценивал риск и причинную динамику ситуации.

Во-вторых, волевые признаки: стремился ли виновный к результату, сознательно ли допускал его, самонадеянно ли рассчитывал на предотвращение вреда, насколько устойчивым было его преступное решение, был ли этот выбор обдуманым либо ситуативным.

В-третьих, мотивационные и ситуационные признаки: возник ли умысел внезапно или был заранее сформирован, действовало ли лицо под влиянием острой конфликтной ситуации, имелся ли дефицит времени на принятие решения, присутствовали ли психотравмирующие либо эмоционально деформирующие факторы, не исключающие вины, но влияющие на ее степень.¹

В-четвертых, ролевые признаки: занимал ли субъект положение, объективно повышавшее требования к его внимательности, осведомленности и контролю, обладал ли специальными навыками, обязанностями и знаниями, которые делали риск особенно очевидным. Этот блок особенно значим при неосторожных и профессиональных преступлениях.

Лишь такая мотивировка позволяет отличить действительный учет степени виновности от словесной декларации. Более того, она выполняет дисциплинирующую функцию: обязывает суд не ограничиваться интуитивной оценкой степени виновности, а открыто показывать, на основании каких фактов и признаков он пришел к соответствующему выводу. В этом заключается одно из главных практических достоинств предложенной в исследовании доктрины степеней виновности.

---

¹ Ситковская О.Д. Указ. соч. С. 92; Кораблёва С.Ю., Казакова В.А. Указ. соч. С. 95; Зацепин А.М. Дополнительная квалификация преступления: доктрина и практика : дис. ... д-ра юридических наук : 5.1.4. Екатеринбург, 2022. С. 155.

§ 6. Ошибки судебной практики при оценке степени виновности

Отсутствие разработанной и устойчиво применяемой доктрины степеней виновности порождает целый ряд типичных ошибок судебной практики.

Первая ошибка состоит в смешении тяжести последствий и степени вины. Чем тяжелее причиненный вред, тем сильнее соблазн вывести из него более высокую меру виновности. Однако такой подход методологически неверен. Тяжкие последствия действительно могут коррелировать с высокой степенью виновности, но сами по себе не доказывают ее. Иное означало бы подмену субъективного вменения оценкой результата. Особенно опасна такая подмена в неосторожных преступлениях, где «тяжесть последствий часто несоразмерно перевешивает анализ того, как именно лицо воспринимало риск и какова была реальная возможность его предотвращения».¹

Вторая ошибка выражается в нераскрытии субъективной стороны. Суд ограничивается выводом о наличии умысла или неосторожности, не анализируя дальше глубину осознания, специфику предвидения, характер волевого отношения, мотивационную и ситуационную обусловленность поведения. В результате приговор становится достаточным для формальной квалификации, но недостаточным для убедительного обоснования наказания.

Третья ошибка состоит в формальном указании на «умышленный характер» деяния без дальнейшей дифференциации. Между тем умысел не является однородным состоянием. В пределах умышленных преступлений возможны максимальная, повышенная, типичная и сниженная степени виновности. Игнорирование этой внутренней

---

¹ Авдеева О.А., Авдеев В.А. Указ. соч. С. 14; Бибики О.Н. Экономический подход при исследовании категории вины. С. 99.

дифференциации делает назначение наказания усредненным и плохо мотивированным.

Четвертая ошибка связана с завышением наказания вследствие объективистского подхода. Суд фактически исходит из того, что тяжкий вред, общественный резонанс, множественность последствий или негативный посткриминальный фон сами по себе оправдывают более строгую реакцию, хотя реальная степень субъективной упречности могла быть ниже. В таком случае наказание усиливается не потому, что виновность была выше, а потому, что внешняя картина дела выглядит более тяжелой. Подобная практика особенно проблематична там, где законодательная конструкция и без того недостаточно чувствительна к различию степеней виновности.

Наконец, пятой ошибкой можно считать смешение степени виновности с данными о личности виновного. Характеристика личности важна для назначения наказания, но она не должна заменять анализ субъективной стороны конкретного преступления. Наличие судимостей, отрицательных характеристик, асоциального образа жизни либо, напротив, положительных сведений о личности не дает ответа на вопрос о том, какова была степень виновности в данном деянии. Если суд смешивает эти плоскости, он рискует назначать наказание не за конкретную меру субъективного упрека, а за личность как таковую.

Преодоление названных ошибок возможно только при условии, что категория степеней виновности будет институционально признана на уровне судебной аргументации. Иными словами, суд должен научиться не просто констатировать форму вины, но и раскрывать ее степень в ясной, проверяемой и мотивированной форме.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, без доктрины степеней виновности полноценная индивидуализация уголовной ответственности невозможна. Форма вины учитывается в правоприменении недостаточно, вид вины - эпизодически,

а степень виновности часто вообще остается вне явной судебной аргументации.

Во-вторых, степень виновности должна рассматриваться как один из главных мостов между составом преступления и индивидуализацией наказания. Именно она позволяет перевести формальную констатацию виновности в содержательное обоснование меры уголовно-правового упрека.

В-третьих, общие начала назначения наказания не могут быть правильно реализованы без специального учета степени виновности. Характер и степень общественной опасности преступления не исчерпывают этой категории, а смягчающие и отягчающие обстоятельства не подменяют ее.

В-четвертых, степень виновности должна учитываться не только при назначении наказания, но и при решении вопросов об освобождении от уголовной ответственности или наказания, о применении условного осуждения, отсрочки, воспитательных и иных мер уголовно-правового характера.

В-пятых, вывод о степени виновности должен получать мотивированное отражение в судебном акте. Суд обязан указывать, какие именно интеллектуальные, волевые, мотивационные, ситуационные и ролевые признаки были положены в основу оценки степени выраженности виновного отношения лица к содеянному.

В-шестых, типичные ошибки судебной практики - смешение тяжести последствий и степени вины, нераскрытие субъективной стороны, формальное указание на умысел без внутренней дифференциации, завышение наказания вследствие объективистского подхода - подтверждают необходимость дальнейшей разработки и внедрения доктрины степеней виновности в практику назначения наказания.

Глава 7. Перспективная модель развития уголовного закона и правоприменения

§ 1. Нуждается ли Общая часть УК РФ в закреплении категории степени вины

Постановка вопроса о закреплении степени вины в Общей части уголовного закона закономерна. Если степень вины действительно выступает количественной характеристикой субъективной упречности, а степени виновности позволяют дифференцировать уровни упрека внутри уже известных форм вины, то возникает естественное стремление придать этой категории нормативную определенность. Однако здесь требуется осторожность. Не всякая теоретически значимая категория обязательно должна быть прямо закреплена в тексте закона. Уголовное право знает немало институтов, которые длительное время существовали преимущественно в доктрине и судебном толковании, а затем либо получали нормативное оформление, либо продолжали успешно функционировать без специальной дефиниции.

Аргументы в пользу прямого закрепления степени вины в Общей части достаточно весомы. Во-первых, такое решение подчеркнуло бы, что индивидуализация ответственности должна опираться не только на установление формы вины, но и на различную интенсивность психического отношения лица к деянию. Во-вторых, прямое упоминание степени вины усилило бы связь между принципом вины и принципом справедливости, поскольку позволило бы нормативно выразить недопустимость одинаковой уголовно-правовой реакции на случаи, существенно различающиеся по степени виновности. В-третьих, прямое закрепление могло бы дисциплинировать судебную мотивировку, вынуждая правоприменителя специально раскрывать, почему в данном

случае вина оценивается как минимальная, сниженная, типичная, повышенная или максимальная.¹

При этом прямое нормативное закрепление связано и с очевидными рисками. Если закон попытается дать слишком жесткое определение степени вины либо перечислить закрытый перечень ее критериев, это может привести к обратному эффекту. Оценочная категория утратит гибкость, а правоприменение начнет подменять живой анализ субъективной стороны формальным поиском заранее заданных признаков. Кроме того, чрезмерно ранняя кодификация категории, еще не прошедшей достаточную апробацию в судебной практике, может породить иллюзию нормативной завершенности при фактической методологической непроработанности.

Поэтому наряду с прямым закреплением необходимо обсуждать и непрямой путь. Он заключается в том, чтобы не вводить специальную дефиницию степени вины в Общую часть, но уточнить нормы о назначении наказания, освободив их от излишней абстрактности. Иначе говоря, закон может прямо указать, что при назначении наказания учитываются не только характер и степень общественной опасности преступления, но и форма, вид и степень вины виновного лица. Такая модель «не создает новой самостоятельной нормативной категории в полном объеме, но обеспечивает ее рабочее присутствие в ключевом институте индивидуализации».²

Наконец, возможен и третий путь — развитие категории преимущественно в доктрине и судебном толковании. Он имеет свои

---

¹ Юрчак Е.В. Понятие «степень вины» как теоретическая характеристика вины и критерий индивидуализации юридической ответственности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 10 (54). С. 66–73; Юрчак Е.В. Теория вины в праве : монография / отв. ред. Т. В. Кашина. Москва : Проспект, 2016. С. 21.

² Баумштейн А.Б. Вина, ее формы и их регламентация в составах экологических преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. С. 9, 21; Ситковская О.Д. Психология вины и ответственности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 1 (69). С. 92.

достоинства. Доктрина способна выработать более тонкий понятийный аппарат, судебная практика — проверить его на фактах конкретных дел, а высшая судебная инстанция — оформить устойчивые ориентиры без немедленного вторжения в текст закона. Именно так нередко складываются условия для последующей законодательной реформы. Однако у этого пути есть и пределы. Пока степень вины не будет хотя бы косвенно признана в нормативном материале, она рискует оставаться для значительной части практики факультативным рассуждением, а не обязательным элементом мотивировки.

Поэтому, сама по себе идея нормативного закрепления степени вины представляется оправданной, но форма такого закрепления должна быть соразмерна степени доктринальной зрелости категории. На современном этапе едва ли целесообразно сразу вводить развернутую законодательную конструкцию с детализированным определением. Гораздо убедительнее выглядит пошаговое решение: первоначально — развитие доктрины и судебного толкования, затем — умеренное нормативное включение категории в нормы Общей части о вине и наказании, и лишь в дальнейшем, при накоплении достаточной практики, — возможное прямое закрепление степени вины как самостоятельной уголовно-правовой категории.

§ 2. Возможные модели законодательного решения

Для систематизации возможных путей реформирования целесообразно выделить три модели законодательного решения: минимальную, умеренную и развернутую. Они различаются не только по объему нормативного вмешательства, но и по тому, какое место

категория степени вины занимает в общей конструкции уголовно-правового регулирования.¹

Модель	Содержание	Достоинства	Ограничения
Минимальная	Разъяснение на уровне Пленума Верховного Суда РФ без изменения текста уголовного закона.	Быстрота внедрения; гибкость; возможность оперативно скорректировать практику мотивировки.	Отсутствие прямой нормативной опоры; риск неодинакового восприятия судами нижестоящих инстанций.
Умеренная	Уточнение норм Общей части о вине, назначении наказания, освобождении от ответственности и иных мерах.	Сочетание нормативности и гибкости; укрепление связи между принципом вины и справедливостью наказания.	Потребность в аккуратной законодательной технике; необходимость последующего судебного разъяснения.
Развернутая	Нормативное закрепление степени вины как самостоятельного	Максимальная концептуальная ясность; высокий потенциал системного	Риск преждевременной кодификации; опасность излишней

¹ См.: Таб. № 1

	й категории уголовного права, с общей дефиницией и ориентирами применения.	влияния на Общую часть и Особенную часть.	жесткости оценочной категории.
--	---	--	--------------------------------------

(Таб. № 1)

Минимальная модель имеет прежде всего практико-технологическое значение. Она исходит из того, что уголовный закон в его нынешнем виде допускает учет степени вины, но не обеспечивает надлежащего единства судебной аргументации. Поэтому первоочередной задачей является не изменение закона, а официальное разъяснение того, что суд не вправе ограничиваться ссылкой на «умышленный характер» преступления либо на «характер и степень общественной опасности», не раскрывая, в чем именно выразилась реальная степень виновности лица. В рамках такой модели Пленум Верховного Суда мог бы указать, что степень вины должна раскрываться через совокупность интеллектуальных, волевых, мотивационных, ситуативных и ролевых признаков, установленных по делу.

Умеренная модель представляется наиболее реалистичной и одновременно наиболее продуктивной для современного этапа развития уголовного права. Ее сущность состоит в точечном уточнении норм Общей части. Речь не идет о полном пересмотре института вины; напротив, задача состоит в том, чтобы встроить степень вины в уже существующую систему. Наиболее естественными местами для такого включения являются нормы о вине, о назначении наказания, об освобождении от уголовной ответственности и наказания, а также об иных мерах уголовно-правового характера. Такой подход позволяет

подчеркнуть практическую значимость категории, не превращая закон в чрезмерно казуистический текст.¹

Развернутая модель является теоретически наиболее амбициозной. Она предполагает нормативное признание степени вины как самостоятельной уголовно-правовой категории. При таком подходе законодатель мог бы закрепить общее положение о том, что вина характеризуется не только формой и видом, но и степенью, отражающей интенсивность и выраженность виновного отношения лица к деянию и его последствиям. Дополнительно возможно нормативное указание на основные критерии оценки степени вины: определенность предвидения, устойчивость волевого отношения, характер мотивации, роль лица в причинении вреда, очевидность риска, уровень профессиональной обязанности и возможность предотвращения результата. Такая модель научно привлекательна, однако она требует предварительного доктринального и практического созревания.

С точки зрения *de lege ferenda* оптимальным представляется сочетание минимальной и умеренной моделей. Ближайшим шагом может быть разъяснение на уровне Пленума, задающее обязательные ориентиры для судебной практики. Следующим шагом — осторожное и технически точное уточнение норм Общей части о вине и назначении наказания. Развернутая модель должна рассматриваться как перспективная, но не как безусловно ближайшая. Ее успех возможен лишь тогда, когда категория степени вины получит устойчивое и непротиворечивое применение в научной литературе и судебной аргументации.

§ 3. Предложения по толкованию и судебной практике

---

¹ Зацепин А.М. Дополнительная квалификация преступления: доктрина и практика : дис. ... д-ра юридических наук : 5.1.4. Екатеринбург, 2022. С. 52; Мелюханова Е. Е. Значение категоризации в уголовном праве Российской Федерации : монография. Москва : Юрлитинформ, 2026. С. 76.

Даже без немедленного изменения уголовного закона возможно существенно повысить качество учета степени вины в правоприменении. Для этого необходимы ориентиры двух уровней: во-первых, общие позиции для Верховного Суда Российской Федерации; во-вторых, рабочий алгоритм оценки для следователя, прокурора и суда. В отсутствие таких ориентиров категория степени вины остается либо недооцененной, либо используется формально.

Для Верховного Суда целесообразно предложить несколько базовых разъяснений. Прежде всего должно быть прямо указано, что степень вины не может выводиться только из тяжести наступивших последствий, из общественного резонанса деяния, из отрицательной характеристики личности виновного вне связи с преступлением либо из посткриминального поведения, не связанного с содержанием психического отношения к содеянному. Такое разъяснение особенно важно, поскольку именно подмена субъективной оценки оценкой результата чаще всего ведет к скрытому объективистскому подходу.¹ Далее следует указать, что вывод о степени вины должен основываться на совокупности фактических обстоятельств, из которых путем умозаключения «восстанавливаются интеллектуальные и волевые элементы психического отношения к деянию».²

Не менее важна структура судебной мотивировки. Представляется, что судебный вывод о степени виновности должен строиться как минимум по шести последовательным звеньям. Во-первых, суд обязан назвать установленную форму вины и объяснить, почему отграничены

---

¹ Авдеева О.А., Авдеев В.А. Теоретико-методологические и отраслевые аспекты понимания вины как правовой категории // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 14; Лопашенко Н.А. Без вины виноватые, или Еще раз про вину и объективное вменение // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 9. С. 78.

² Рагор А.И. Вина в советском уголовном праве : монография. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1987. С. 105.

иные варианты субъективной стороны. Во-вторых, должны быть раскрыты интеллектуальные признаки: объем и конкретность предвидения, степень осознания опасности, понимание нарушаемой обязанности, наличие предупреждений и иных сигналов риска. В-третьих, подлежат раскрытию волевые признаки: стремление к результату, его внутреннее принятие, расчет на предотвращение вреда, безразличие, самонадеянность либо недостаточность волевого контроля. В-четвертых, должны быть оценены мотивационные и ситуативные факторы: корыстная направленность, конфликтная обстановка, внезапность, дефицит времени, эмоциональное напряжение, длительность опасной ситуации. В-пятых, необходимо отразить ролевые и статусные признаки: иницирующая или подчиненная роль, профессиональная обязанность, объем контроля над ситуацией, распределение функций. Наконец, в-шестых, суд должен сформулировать интегральный вывод о степени виновности и прямо показать, как этот вывод повлиял на квалификацию, наказание, отказ либо согласие на применение льготных уголовно-правовых институтов.

Для следователя и суда целесообразно предложить следующий алгоритм оценки степени виновности:

1. установить фактические обстоятельства деяния и отделить доказанные факты от предположений;
2. определить форму вины и исключить конкурирующие варианты субъективной стороны;
3. выявить интеллектуальные признаки: объем предвидения, осознание риска, понимание нарушаемой обязанности;
4. выявить волевые признаки: направленность на результат, внутреннее принятие последствий, наличие либо отсутствие расчета на их предотвращение;
5. оценить мотивационные, эмоционально-ситуативные и ролевые признаки, влияющие на меру субъективного упрека;

6. соотнести установленные признаки с авторской пятиуровневой матрицей — минимальной, сниженной, типичной, повышенной и максимальной степенью виновности;

7. исключить недопустимые критерии: тяжесть последствий сама по себе, моральную неприязнь к деянию, общественный резонанс, абстрактно отрицательные свойства личности;

8. сформулировать мотивированный вывод о том, какое именно уголовно-правовое значение имеет установленная степень виновности — для квалификации, назначения наказания, освобождения от ответственности либо выбора иных мер уголовно-правового характера.

Такой алгоритм важен не только для повышения качества мотивировки, но и для внутренней логики самого процесса вменения. Он позволяет показать, что степень виновности не возникает как итоговое впечатление суда, а является результатом поэлементного анализа фактических обстоятельств дела. Кроме того, подобный подход создает основу для последующего обобщения практики и для более единообразного судебного толкования.

Особо следует подчеркнуть: предлагаемые ориентиры не превращают оценку степени вины в механическую процедуру. Речь идет не о математическом подсчете баллов, а о структурированной юридической аргументации. Однако именно такая аргументация необходима, если суд претендует на справедливое различение случаев, различающихся по степени выраженности виновного отношения лица к содеянному. Формула «преступление совершено умышленно» сама по себе «слишком бедна для современного правоприменения; она описывает лишь исходную форму вины, но не ту глубину упрека, которая и должна быть соразмерена с уголовно-правовой реакцией».¹

---

¹ Благов Е.В. Уголовно-правовые категории: наказание. Москва : Юрлитинформ, 2026. С. 126.; Филимонов В.Д. Творческое начало в деятельности суда при назначении и изменении уголовного наказания. Москва : Юрлитинформ, 2019. С. 56.

§ 4. Значение разработанной концепции для дальнейшего развития Общей части

Разработанная концепция степеней виновности выходит далеко за пределы частного вопроса о назначении наказания. Ее значение для дальнейшего развития Общей части уголовного права носит системный характер. Прежде всего она влияет на само учение о субъективной стороне преступления. Традиционная бинарная модель — умысел и неосторожность — сохраняет фундаментальное значение, однако перестает восприниматься как исчерпывающая. Теория степеней виновности показывает, что реальная субъективная сторона преступления внутренне градуирована и что эти градации имеют не только психологическое, но и уголовно-правовое значение. Тем самым «учение о субъективной стороне получает новый уровень аналитической глубины».¹

Не менее заметно воздействие данной концепции на теорию вменения. Если принцип вины понимать последовательно, то уголовная ответственность должна быть соразмерена не просто факту виновного причинения вреда, а конкретной мере субъективного упрека, выраженной в форме, виде и степени вины. Именно здесь степени виновности выполняют антиобъективистскую функцию. «Они препятствуют подмене анализа психического отношения оценкой одних только последствий и

---

¹ Мелюханова Е.Е. Уголовно-правовая категория «вина» // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2024. Т. 34, вып. 3. С. 527; Корablёва С. Ю., Казакова В.А. Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию преступлений : монография. Москва : Изд. Дом «Науч. обозрение», 2016. С. 87.

тем самым укрепляют личностный характер уголовной ответственности».¹

Третье направление влияния связано с дифференциацией уголовной ответственности. В предыдущих главах было показано, что степень виновности значима не только для индивидуализации, но и для криминализации, пенализации, построения составов преступлений и разграничения смежных составов. Из этого следует, что разрабатываемая концепция соединяет уровни законодательного и судебного вменения. Она показывает, что дифференциация ответственности должна осуществляться не только по объективным признакам деяния, но и с учетом типовых уровней степени виновности. В этом отношении учение о степенях виновности может выступать одним из связующих звеньев между Общей и Особенной частями уголовного права.

Наконец, концепция степеней виновности влияет на современную модель справедливости в уголовном праве. Справедливость наказания не сводится к сопоставлению размера вреда и строгости санкции. Она предполагает более сложную пропорцию: мера государственного упрека должна соответствовать как объективной опасности содеянного, так и интенсивности субъективного отношения лица к охраняемым законом ценностям. Именно поэтому современная модель справедливости нуждается не в ослаблении, а в углублении субъективного критерия. Степени виновности дают для этого необходимый инструментарий.²

По существу, речь идет о формировании нового самостоятельного направления российской уголовно-правовой науки. Его предметом становится не просто традиционная проблема вины, а системное

---

¹ Бабий Н.А. Основание уголовной ответственности : монография. Москва : Юрлитинформ, 2024. С. 176.; Порайко В.В. Принцип вины: доктрина, закон, правоприменение. Москва : Юрлитинформ, 2026. С. 185.

² Мирошниченко Д.В. Теоретико-методологическое обоснование общественной опасности деяния в уголовном праве // Lex Russica. 2024. Т. 77, № 10. С. 74; Ситковская О. Д. Психология вины и ответственности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 1 (69). С. 91.

исследование уровней выраженности виновного отношения лица к содеянному, критериев их установления, нормативного значения и роли в различных институтах уголовного права. Такое направление способно объединить историко-доктринальные исследования, общетеоретический анализ вины, вопросы законодательной техники, проблемы квалификации, назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности. В этом и состоит главный научный потенциал разработанной концепции.

Общая часть уголовного закона объективно подошла к той стадии развития, когда дальнейшее укрепление принципа вины требует более точного учета степени выраженности виновного отношения лица к содеянному. Вместе с тем непосредственное и развернутое нормативное закрепление степени вины возможно лишь при условии достаточной доктринальной разработанности и правоприменительной зрелости данной категории.

Н.А. Лопашенко усиливает этот вывод с практической стороны, полагая, что «расширение «мягких» форм объективного вменения, когда виновность фактически провозглашается без должной аргументации и доказательственной проработки субъективной стороны».¹ Отсюда следует, что дальнейшее развитие категории степени виновности должно быть связано не только с теоретическим укреплением, но и с повышением стандартов судебной мотивировки; иначе «даже правильно сформулированная норма рискует остаться декларацией».

На современном этапе наиболее реалистичной представляется комбинированная стратегия: минимальная модель в форме разъяснения на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации и умеренная модель в форме точечного уточнения норм Общей части о вине,

---

¹ Лопашенко Н.А. Без вины виноватые, или Еще раз про вину и объективное вменение // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 9. С. 75.

назначении наказания, освобождении от уголовной ответственности и применении иных мер уголовно-правового характера.

Судебная практика нуждается в четком алгоритме оценки степени виновности и в развернутой структуре мотивировки, исключающей подмену субъективной стороны тяжестью последствий, общественным резонансом и иными недопустимыми критериями. Вывод о степени виновности должен раскрываться через интеллектуальные, волевые, мотивационные, ситуативные и ролевые признаки.

Разработанная концепция имеет значение не только для индивидуализации наказания, но и для дальнейшего развития всего учения о субъективной стороне, теории вменения, системы дифференциации уголовной ответственности и современной модели справедливости в уголовном праве.

Тем самым учение о степенях виновности может и должно рассматриваться как самостоятельное направление современной российской уголовно-правовой науки, способное объединить доктрину, законодательную технику и правоприменительную практику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет утверждать, что современное уголовное право объективно нуждается в более сложной и точной модели оценки субъективной стороны преступления, чем традиционное деление вины только на умысел и неосторожность. Классическая бинарная конструкция сохраняет фундаментальное значение и продолжает выполнять базовую классификационную функцию. Однако ее уже недостаточно для объяснения всего многообразия реально существующих вариантов виновного поведения. Именно поэтому разработка учения о степенях виновности выступает не частным уточнением известной категории, а одним из перспективных направлений развития современной российской уголовно-правовой науки.

Основные результаты настоящей монографии могут быть сведены к следующим положениям.

Во-первых, доказано, что степень вины должна пониматься как самостоятельная количественная характеристика выраженности виновного отношения лица к содеянному. Она отражает не только сам факт виновного отношения к совершенному деянию, но и меру его интенсивности, глубины, направленности и уголовно-правовой значимости. Тем самым категория степени вины позволяет перейти от формального установления вины к ее дифференцированной уголовно-правовой оценке.

Во-вторых, обосновано, что степени виновности представляют собой более широкую системную уголовно-правовую конструкцию, чем степень вины в узком смысле. Если степень вины фиксирует количественную сторону выраженности виновного отношения лица к содеянному, то степени виновности охватывают целостную систему уровней итоговой уголовно-правовой оценки виновного поведения, формирующихся на пересечении интеллектуальных, волевых,

мотивационных, ситуационных и ролевых признаков. Следовательно, речь идет не об одном оценочном показателе, а о модели уголовно-правовой градации виновного поведения.

В-третьих, установлено, что формы вины образуют лишь первый уровень классификации субъективной стороны преступления. Деление на умысел и неосторожность необходимо и концептуально незаменимо, однако оно не исчерпывает всего содержания уголовно-правовой оценки. Формы вины задают исходную рамку, внутри которой возможны варианты поведения, существенно различающиеся по степени выраженности виновного отношения лица к содеянному. Следовательно, формы вины должны рассматриваться как базовый, но не окончательный уровень уголовно-правового анализа.

В-четвертых, показано, что внутри как умысла, так и неосторожности существуют различные уровни виновности. Умышленное поведение может варьироваться от сниженного, ситуационно обусловленного уровня до повышенной и максимальной степени виновности, характеризующейся устойчивой волевой направленностью, продуманностью и сознательным принятием вредоносного результата. Неосторожная виновность также неоднородна: между минимально уголовно значимой небрежностью и грубой, практически предельной неосторожностью существует значительный диапазон выраженности виновного отношения лица к содеянному. Отсюда следует, что одни и те же формы вины внутренне дифференцированы и требуют дальнейшей градации.

В-пятых, разработана и обоснована универсальная модель уровней виновности, позволяющая описывать эти различия в системной форме. Наиболее продуктивной для научного и прикладного использования признана пятиуровневая конструкция: минимальная, сниженная, типичная, повышенная и максимальная степень виновности. Такая модель обладает теоретической гибкостью, применима как к умышленным, так и

к неосторожным преступлениям, а также позволяет объяснять переходные случаи, плохо укладывающиеся в жесткую бинарную схему.

В-шестых, доказано, что выявленные уровни виновности должны учитываться как законодателем, так и судом. На уровне законодательства они имеют значение для криминализации, пенализации, построения составов преступлений, конструирования квалифицированных и привилегированных составов, а также для устранения дефектов, связанных с объединением в одной норме вариантов поведения, существенно различающихся по степени виновности. На уровне правоприменения они необходимы для точной квалификации содеянного, разграничения смежных составов, выбора между общей и специальной нормой, а также для обоснованной индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

В-седьмых, обосновано, что разработанная система повышает точность квалификации и справедливость наказания. Она позволяет последовательнее разграничивать умышленные и неосторожные деяния, выявлять переходные зоны между различными уровнями психического отношения, мотивированно оценивать субъективную сторону и избегать ситуаций, при которых одинаковый по последствиям вред влечет одинаковую правовую реакцию при существенно различной виновности. Тем самым теория степеней виновности выступает одним из важных инструментов индивидуализации уголовной ответственности.

В-восьмых, показано, что внедрение данной концепции снижает риск объективного вменения. Чем слабее разработана теория внутренней дифференциации виновности, тем выше опасность подмены субъективной оценки ссылкой на тяжесть последствий, общественный резонанс, отрицательную характеристику личности виновного или иные внешние факторы. Напротив, признание степеней виновности как самостоятельной уголовно-правовой категории укрепляет принцип

субъективного вменения, поскольку требует объяснять, за что именно и в какой мере лицо заслуживает уголовно-правового упрека.

В-девятых, исследование показало, что учение о степенях виновности способно занять самостоятельное место в системе современной уголовно-правовой доктрины. Оно развивает традиционное учение о вине, не разрушая его основ, а углубляя и конкретизируя их применительно к современным требованиям законодательства и правоприменения. Значение этой концепции выходит за пределы одной категории: она затрагивает понимание субъективной стороны, теорию вменения, основы дифференциации ответственности, индивидуализацию наказания и саму идею справедливости в уголовном праве.

В практическом плане разработанная концепция ориентирует на более требовательную мотивировку выводов о субъективной стороне преступления. Судебный акт, в котором вина лишь констатируется, но не раскрывается в ее действительной мере, не обеспечивает должной полноты уголовно-правовой оценки. Напротив, обращение к уровням виновности способно придать мотивировке большую точность, сделать более прозрачными основания квалификации и выбора меры уголовно-правового воздействия, а также укрепить доверие к самому механизму правоприменения.

В перспективе дальнейшее развитие уголовно-правовой науки в рассматриваемом направлении представляется связанным: во-первых, с уточнением критериев отнесения конкретных случаев к тому или иному уровню виновности; во-вторых, с более детальной разработкой пограничных и переходных зон между умышленной и неосторожной виновностью; в-третьих, с углубленным анализом законодательных конструкций, в которых уже сейчас фрагментарно выражены скрытые градации степени виновности; в-четвертых, с выработкой подходов к более развернутому судебному обоснованию выводов о степени виновности в конкретном деле.

Таким образом, дальнейшее развитие уголовно-правовой науки связано не с отказом от классических категорий, а с их внутренним усложнением и уточнением. Именно в этом направлении и должна рассматриваться теория степеней виновности — как логичное, научно обоснованное и практически востребованное продолжение общего учения о вине. Ее разработка позволяет соединить теоретическую точность, законодательную определенность и более высокий уровень справедливости в судебной практике, что и составляет главный итог проведенного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева, О. А. Теоретико-методологические и отраслевые аспекты понимания вины как правовой категории / О. А. Авдеева, В. А. Авдеев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2024. — № 1 (108). — С. 11–27. — DOI: 10.55001/2312-3184.2024.73.76.001.
2. Аубакирова-Тер-Григорян, Н. М. Малозначительность деяния: оценочное понятие уголовного закона / Н. М. Аубакирова-Тер-Григорян // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2023. — № 4 (55). — С. 261–269. — DOI: 10.17308/law/1995-5502/2023/4/261-269.
3. Бабий, Н. А. Основание уголовной ответственности : монография / Н. А. Бабий. — Москва : Юрлитинформ, 2024. — 405, [1] с.
4. Баумштейн, А. Б. Вина, ее формы и их регламентация в составах экологических преступлений : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / А. Б. Баумштейн. — Москва, 2006. — 186 с.
5. Бибик, О. Н. Институт вины как инструмент управления рисками в уголовном праве / О. Н. Бибик // Юридический факультет Кубанского государственного университета: 60 лет служения науке и практике : материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 20 апреля 2018 г. — Краснодар : Кубанский государственный университет, 2018. — С. 551–557.
6. Бибик, О. Н. Экономический подход при исследовании категории вины в уголовном праве / О. Н. Бибик // Правоприменение. — 2018. — Т. 2, № 4. — С. 98–105. — DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).98-105.
7. Благов, Е. В. Уголовно-правовые категории: наказание : монография / Е. В. Благов. — Москва : Юрлитинформ, 2026. — 256 с.
8. Волостнов, П. А. Вина и ее степень / П. А. Волостнов // Российское право: образование, практика, наука. — 2015. — № 6. — С. 26–29.

9. Герасимов, А. М. Вина и ее отражение на уровне общественной опасности преступления / А. М. Герасимов // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2025. — Т. 31, № 3 (98). — С. 235–239. — DOI: 10.24412/1999-625X-2025-398-235-239.

10. Гринберг, М. С. Преступное легкомыслие / М. С. Гринберг // Вестник Омского университета. — 2010. — № 3 (57). — С. 215–218.

11. Гришко, А. Я. Степень вины по уголовному законодательству: ретроспективный и сопоставительный анализ / А. Я. Гришко, А. Ю. Беляков // Уголовному кодексу Российской Федерации 25 лет: история, проблемы, перспективы : сборник материалов международной научно-практической конференции. — Рязань, 2022. — С. 39–42.

12. Губко, В. А. Вина как признак преступления в сфере экономической деятельности : диссертация ... кандидата юридических наук : 5.1.4 / В. А. Губко. — Москва, 2025. — 257 с.

13. Дагель, П. С. Установление субъективной стороны преступления : учебное пособие / П. С. Дагель, Р. И. Михеев. — Владивосток, 1972. — 36 с.

14. Дагель, П. С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П. С. Дагель, Д. П. Котов. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1974. — 243 с.

15. Дубовиченко, С. В. Объективный критерий небрежности / С. В. Дубовиченко // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2017. — Т. 2, № 1. — С. 127–131.

16. Зацепин, А. М. Дополнительная квалификация преступления: доктрина и практика : диссертация ... доктора юридических наук : 5.1.4 / А. М. Зацепин. — Екатеринбург, 2022. — 490 с.

17. Злобин, Г. А. Умысел и его формы / Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров. — Москва : Юридическая литература, 1972. — 264 с.

18. Канашина, О. А. Взаимная вина в уголовном праве: необходимость установления : монография / О. А. Канашина. — Москва : Юрлитинформ, 2012. — 276, [1] с.

19. Канашина, О. А. Об уголовной ответственности с учетом взаимной вины / О. А. Канашина // Вестник Самарского государственного университета. — 2013. — № 5 (106). — С. 199–203.

20. Кистяковский, А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая / А. Ф. Кистяковский. — 3-е изд., печатанное без перемен со 2-го. — Киев : Ф. А. Иогансон, 1891. — 887 с.

21. Коваленко, Т. С. Принцип субъективного вменения и проблемы его реализации в преступлениях с двумя формами вины : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Т. С. Коваленко. — Владивосток, 2016. — 212 с.

22. Кораблёва, С. Ю. Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию преступлений : монография / С. Ю. Кораблёва, В. А. Казакова. — Москва : Издательский дом «Научное обозрение», 2016. — 191 с.

23. Лапшин, В. Ф. Уголовно-правовое значение вины в условиях цифровой трансформации общества / В. Ф. Лапшин, И. В. Анисимов // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи : сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения», Тюмень, 17–19 октября 2024 г. / гл. ред. С. С. Зенин ; отв. ред. Л. В. Иванова. — Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. — С. 369–372. — Текст : электронный.

24. Лопашенко, Н. А. Без вины виноватые, или Еще раз про вину и объективное вменение / Н. А. Лопашенко // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20, № 9. — С. 72–83. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.072-083.

25. Мелюханова, Е. Е. Значение категоризации в уголовном праве Российской Федерации : монография / Е. Е. Мелюханова. — Москва : Юрлитинформ, 2026. — 176 с.
26. Мелюханова, Е. Е. Категоризация в уголовном праве Российской Федерации : монография / Е. Е. Мелюханова. — Москва : Юрлитинформ, 2025. — 160 с.
27. Мелюханова, Е. Е. Уголовно-правовая категория «вина» / Е. Е. Мелюханова // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. — 2024. — Т. 34, вып. 3. — С. 525–529. — DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-3-525-529.
28. Мирошниченко, Д. В. Теоретико-методологическое обоснование общественной опасности деяния в уголовном праве / Д. В. Мирошниченко // Lex Russica. — 2024. — Т. 77, № 10. — С. 59–76. — DOI: 10.17803/1729-5920.2024.215.10.059-076.
29. Найбойченко, В. В. Вина в умышленных преступлениях (закон, теория, практика) : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / В. В. Найбойченко. — Саратов, 2016. — 236 с.
30. Нерсесян, В. А. Неосторожная вина: проблемы и решения / В. А. Нерсесян // Государство и право. — 2000. — № 4. — С. 59–70.
31. Павлова, Л. О. Место вины в конструировании отечественной категоризации преступлений / Л. О. Павлова // Научные тенденции: юриспруденция : сборник научных трудов по материалам VIII Международной научной конференции. — Санкт-Петербург : Международная Научно-Исследовательская Федерация «Общественная наука», 2017. — С. 15–17.
32. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву : курс советского уголовного права. Общая часть / А. А. Пионтковский. — Москва : Госюриздат, 1961. — 666 с.

33. Пирзадаев, А. Н. Общественная опасность преступлений и понятие их последствий в современном уголовном праве / А. Н. Пирзадаев // Вопросы экономики и права. — 2011. — № 9. — С. 163–166.
34. Познышев, С. В. Основные начала науки уголовного права : Общая часть уголовного права / С. В. Познышев. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство А. А. Карцева, 1912. — [4], 653, X, [2] с.
35. Полякова, О. В. Двойная форма вины и ее значение в уголовном праве / О. В. Полякова // Альманах современной науки и образования. — 2009. — № 1 (20), ч. II. — С. 130–131.
36. Полякова, О. В. Значение вины в уголовном праве / О. В. Полякова // Альманах современной науки и образования. — 2009. — № 1 (20), ч. 1. — С. 122–123.
37. Попов, А. Н. Преступление, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107, 113 УК РФ) / А. Н. Попов. — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2004. — 132 с.
38. Порайко, В. В. Принцип вины: доктрина, закон, правоприменение : монография / В. В. Порайко. — Москва : Юрлитинформ, 2026. — 256 с.
39. Рарог, А. И. Вина в советском уголовном праве : монография / А. И. Рарог ; науч. ред. Б. В. Здравомыслов. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987. — 186 с.
40. Сергиевский, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая : пособие к лекциям / Н. Д. Сергиевский. — Санкт-Петербург : А. Ф. Цинзерлинг, 1887. — [4], 434 с.
41. Ситковская, О. Д. Психология вины и ответственности / О. Д. Ситковская // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2019. — № 1 (69). — С. 88–92.

42. Спасович, В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1, вып. 1 : Общая часть уголовного права материального / В. Д. Спасович. — Санкт-Петербург : Типография Иосафата Огризко, 1863. — [6], 178, [2] с.

43. Сыч, К. А. Концептуальные проблемы вины в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (постановка проблемы) / К. А. Сыч // Человек: преступление и наказание. — 2019. — Т. 27(1–4), № 4. — С. 442–449. — DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.442-449.

44. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть общая : лекции : в 2 т. Т. 1 / Н. С. Таганцев. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1902. — 823 с.

45. Тихонов, К. Ф. Субъективная сторона преступления: проблема социального содержания вины в советском уголовном праве / К. Ф. Тихонов. — Саратов : Приволжское книжное издательство, 1967. — 104 с.

46. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Контракт : ИНФРА-М, 2008. — 560 с.

47. Утевский, Б. С. Вина в советском уголовном праве : монография / Б. С. Утевский. — Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1950. — 318, [1] с.

48. Филимонов, В. Д. Творческое начало в деятельности суда при назначении и изменении уголовного наказания / В. Д. Филимонов. — Москва : Юрлитинформ, 2019. — 144 с.

49. Филиппова, Е. О. Юридическая конструкция вины в уголовном праве России: становление и история развития, понятие и содержание / Е. О. Филиппова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — Т. 9, № 4 (33). — С. 368–371.

50. Фролов, М. Г. Преступления с двумя формами вины: концептуальные подходы и коллизии правоприменения / М. Г. Фролов //

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. — 2024. — № 2 (78). — С. 60–68. — DOI: 10.26456/vtpravo/2024.2.060.

51. Хилюта, В. В. Аффектированный умысел и его значение при квалификации преступлений / В. В. Хилюта // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. — 2023. — № 1 (53). — С. 35–41.

52. Хилюта, В. В. Характер осознания в преступной неосторожности: всегда ли он отсутствует? / В. В. Хилюта // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2022. — № 2 (88). — С. 20–29.

53. Чуприн, Д. А. Реализация принципа вины в современном уголовном праве России / Д. А. Чуприн // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 11 (85). — С. 196–198.

54. Шарапов, Р. Д. Соучастие в преступлении и иные формы совместной преступной деятельности: закон, теория, практика : учебное пособие / Р. Д. Шарапов, Д. А. Безбородов. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. — 167, [1] с.

55. Юрчак, Е. В. Вина как общеправовой институт : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.01 / Е. В. Юрчак. — Москва, 2016. — 28 с.

56. Юрчак, Е. В. Понятие «степень вины» как теоретическая характеристика вины и критерий индивидуализации юридической ответственности / Е. В. Юрчак // Современные исследования социальных проблем. — 2015. — № 10 (54). — С. 66–73.

57. Юрчак, Е. В. Теория вины в праве : монография / Е. В. Юрчак ; отв. ред. Т. В. Кашанина. — Москва : Проспект, 2016. — 158 с.

58. Greenberg, A. Awareness and the Recklessness/Negligence Distinction / A. Greenberg // *Criminal Law and Philosophy*. — 2024. — Vol. 18, no. 2. — P. 351–367. — DOI: 10.1007/s11572-023-09687-3.

59. Husak, D. N. The Sequential Principle of Relative Culpability / D. N. Husak // *Legal Theory*. — 1995. — Vol. 1, no. 4. — P. 493–518.

60. Kremnitzer, M. Human Dignity and the Principle of Culpability / M. Kremnitzer, T. Hörnle // *Israel Law Review*. — 2011. — Vol. 44, no. 1–2. — P. 115–141. — DOI: 10.1017/S0021223700000984.

61. Stark, F. *Culpable Carelessness: Recklessness and Negligence in the Criminal Law* / F. Stark. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — 350 p.

